

Н О Я Б Р Ъ | 2 0 2 2

РусскийМир.ru

Ж У Р Н А Л О Р О С С И И И Р У С С К О Й Ц И В И Л И З А Ц И И

РУССКИЕ ПРИЛЕТЕЛИ

По следам Н.Н. Миклухо-Маклая

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИСТОРИЯ

04 Взятие
Киева
монголо-
татарами

12 Приступ
любви
к России

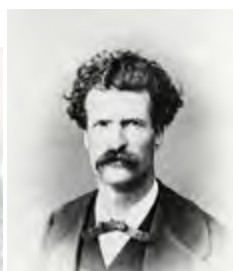

16 «Лизет
Даниловна,
лапка
приложа...»

НАСЛЕДИЕ

24 Девять
жизней
Василия
Кельсиева

30 «Любезность
русского
идет
от сердца»

КУЛЬТУРА

38 «Сибирский
град Петров»

46 Жить – значит творить

52 Частный
Китай

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

62 Созвездие
лекаря

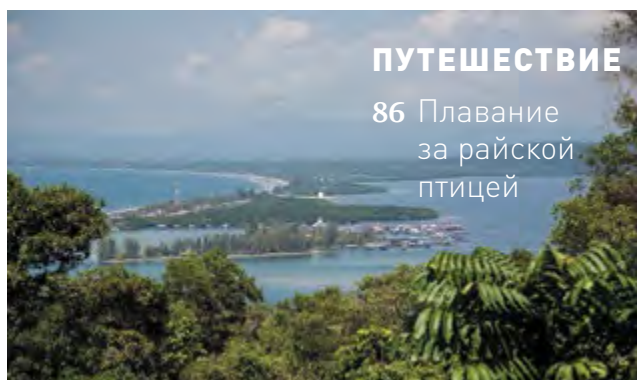
РЕПОРТАЖ

70 Дети белого
солнца

ГОРОДА РОССИИ

78 От слонов
до филимоновской
игрушки

ПУТЕШЕСТВИЕ

86 Плавание
за райской
птицей

Председатель правления
фонда «Русский мир»

Вячеслав НИКОНОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

Николай АНДРЕЕВ
Александр БУРЫЙ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Наталья РАЗУВАКИНА
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОРОВИН Ю.М.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ТАРАСОВ С.В.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

**АНТОНИЙ
(СЕВРЮК А.Ю.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

БУГАЕВ А.В.

Первый заместитель министра просвещения Российской Федерации

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Президент Российской академии образования

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

ВЗЯТИЕ КИЕВА МОНГОЛО-ТАТАРАМИ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

РИСУНКИ

ВАРВАРЫ ЛАВРОВОЙ

ВСЕ БРОСИЛИ КИЕВ НА ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ. КНЯЗЬЯ, КОТОРЫЕ ОЖЕСТОЧЕННО БОРОЛИСЬ ЗА ГОРОД И ОКРЕСТНЫЕ ЗЕМЛИ ДЕСЯТКИ ЛЕТ, ВДРУГ РАЗБЕЖАЛИСЬ, ПРЕДОСТАВИВ ЖИТЕЛЯМ САМИМ РЕШАТЬ, С КЕМ ОНИ – С ВОСТОЧНЫМИ ЗАВОЕВАТЕЛЯМИ, КОТОРЫЕ ОБЕСПЕЧАТ ИМ МИР, ИЛИ С ДОМОРОЩЕННЫМИ ХАПУГАМИ, ПОГРЯЗШИМИ В МЕЖДОУСОБИЦАХ.

РЕТРОСПЕКТИВНО МЫ понимаем, что выбор был предreshен, но современники не могли этого знать. Кто-то полагал, что местная знать их защитит, кто-то считал, что монголы – inferнальное зло, а большинство, кажется, было далеко от геополитики и действовало по традиции, думая, что перед

ними обычные кочевники, а стены древнего города должны их уберечь. Современные этические нормы здесь неприменимы.

Понятно, что никто не хотел умирать. Впрочем, в случае с Киевом, кажется, массовая гибель людей и разорения были спровоцированы бездумными действиями правителей.

ВОЙНА ЗА ВОЙНОЙ

Непрерывная война за обладанием днепровской столицей Руси шла уже много лет. В битве с монголами на реке Калке (в районе современного Донецка или Мариуполя) в 1223 году погиб киевский князь Мстислав Романович Старый. После него с небольшими перерывами правил его двоюродный брат Владимир Рюрикович, но с 1235 года началась настоящая чехарда. В тот год нападение на Киев организовали Михаил Всеволодович Черниговский в союзе с Изяславом Мстиславичем, который был из смоленских князей, но водил в бой исключительно половцев. Союзником Владимира Рюриковича выступил Даниил Романович, который незадолго до того сумел

вернуть свою галицкую вотчину. Его брат Василько правил на Волыни. Черниговцев удалось отбить. Победоносная коалиция начала ответное вторжение, но его судьба не вполне понятна. Известно, что Владимир с Даниилом разграбили города по Десне – взяли Хоробор, Сосниц, Сновск и много других. А потом вернулись к Чернигову, где состоялся «лютый бой». В итоге был заключен какой-то мирный договор. Впрочем, здесь в летописях обнаруживается путаница. Некоторые исследователи считают, что в этих описаниях отразился рассказ, который на самом деле сообщал о взятии Чернигова монголами через четыре года. Как бы то ни было, ясно, что союзники отходили от Чернигова организованно и не боялись удара в тыл, то есть достигли какого-то успеха. Они очень устали, «воевали от Крещения до Вознесения», с января по май в боях. Галицкие и волынские отряды засобирались домой. И именно в это время на Киевскую землю напали половцы. Владимир Рюрикович попытался уговорить Даниила еще раз помочь. Тот возражал:

«Не подобает выступать трудным воем против целых». Но тут выяснилось, что половцы и к галицким землям подбирались. Даниил согласился упредить их продвижение. Коалиционные силы встретили половецкое войско у Торческа – городка чуть южнее Киева на северном берегу Роси. И «была сеча люта». Половцы смяли и разгромили русских. В плен попал сам киевский князь Владимир Рюрикович и волынский воевода Мирослав. Даниилу Романовичу удалось бежать. На пути он встретил отряд брата Василько и выслал прикрывать отход. Но в Галиче Даниилу были не рады – войско он погубил. Ему предложили поискать счастья в других землях. И Даниил отправился в Венгрию – искать новых воинов для продолжения войн. В Галич пригласили Михаила Всеволодовича из Чернигова, а Киев занял тот самый Изяслав Смоленский, который привел половцев. Впрочем, ненадолго. Даниил вернулся из Венгрии к брату на Волынь и попытался напасть на Галич. В ответ Михаил Черниговский весной

1236 года совершил поход на Волынь. Бои ни к чему не привели. В это же время из половецкого плена выкупился князь Владимир Рюрикович и выгнал из Киева Изяслава Мстиславича. А после, подкупив торков, отправился грабить галицкие земли. Тогда Михаил Всеволодович подключил к войне польского князя Конрада Мазовецкого – своих воинов уже просто не хватало. Междоусобицы исчерпали местные людские ресурсы. В конце концов Владимир Рюрикович, возможно в согласии с Даниилом, решил подключить могучих родственников с Северо-Востока, ради чего пришлось пожертвовать главным призом – Киевом. До конца неясно, в чем заключалась комбинация, но с 1236 года киевским великим князем становится Ярослав Всеволодович (см.: «Русский мир.ru» №8 за 2020 год, статья «Чудо братоубийства», и №9–10 за 2020 год, статья «Ярослав последний и конец Киевской Руси». – Прим. ред.) из Переславля-Залесского – отец Александра Невского. Возможно, он как-то разделил доходы от поднепровских

земель с Владимиром Рюриковичем или передал ему какие-то другие владения. Однако последний, согласно летописи, умер в 1239 году в Смоленске.

В остальном комбинация вполне удалась. В выигрыше остался прежде всего Даниил Романович, который получил полную свободу действий в Галиче. Весной 1237 года он разгромил орден Добжинских рыцарей, созданный Конрадом Мазовецким на волынской границе, а потом натравил на поляков литву князя Миндовга и уговорил австрийцев напасть на Венгрию, которая могла помочь Михаилу Черниговскому в Галиче. В итоге Михаил решил договориться с Даниилом и в знак мира передал ему богатую Перемышльскую землю.

Такой была обстановка к осени 1237 года, когда на рубежах Руси появились армии Монгольской империи и снесли первым натиском северо-восточные города. Погиб великий князь Владимирский Юрий Всеволодович, десятки селений были сожжены, тысячи людей остались без крова и пропитания. Началось Батыево нашествие.

КРОВАВЫЙ НАТИСК

После гибели брата киевский князь Ярослав Всеволодович внезапно оказался наследником Владимирского стола и объединил под своей рукой – в последний раз в истории – земли Юга и Севера. Забот у него хватало, не до Киева было. Он срочно отправился на Северо-Восток, восстанавливать страну. Этим воспользовался Михаил Всеволодович, который в 1238 году захватил «мать городов Русских», приказав сыну Ростиславу отобрать у Даниила Романовича Перемышль. Таким образом, он создал огромную «Черниговскую державу». Но этот триумф продлился недолго. В 1239 году к Десне и Днепру подошли монголы. В декабре 1237 года армия Батыя напала на Рязань. Затем последовал глубокий рейд – вплоть до новгородских земель. Русские войска были разгромлены под Коломной, а потом в сражении на реке Сити. Пали Владимир, Суздаль, Торжок, Коломна, Ярославль и другие крупнейшие города. Монголы залили страну кровью. Весной 1238 года, отходя в степи, они захватили еще и относившийся к черниговским

землям Козельск, который упорно сопротивлялся семь недель.

Уже тогда стало ясно, что Северо-Восток Руси – это только начало. Никакие соглашения, кроме полного подчинения, степняков не устроят. Их бог – Вечное Небо (Тенгри) – требует беспрекословного повиновения своему наместнику на земле – великому хану. Компромиссов быть не может. Монголы призваны покорить ойкумену, которая, сама собой, включает только «полноценные» земли – те, где могут пастись монгольские кони. Остальное – леса, моря, горы – бесполезны и заселены недочеловеками, прячущимися за мертвыми каменными стенами. Их следует убивать, если они не признают власти хана. Впрочем, они настолько презренны, что тратить на них жизни монгольских воинов сверх меры не стоит. Небо само справится. Но вот то, что в степи или рядом с ней – однозначно монгольское. Без вариантов. Это широкая евразийская полоса от Кореи до Паннонии.

Расположенные в лесостепи Чернигов, Киев, Галич и другие города будут завоеваны. Летопи-

си отмечают, что уже в 1238 году «был пополох зол по всей земле, и сами не ведали, где кто бежит от страха» – люди снимались с насиженных мест, бросали все и бежали куда глаза глядят. Паника охватила всех. Не исключено, что были проблемы с мобилизацией. Весной 1239 года монголы захватили и стерли с лица земли Переяславль, осенью та же участь постигла Чернигов. На очереди был Киев. Летопись сохранила известие, что в том году к Песочину на Днепр приходил один из чингизидов, хан Менгу, посланный Батыем на разведку. Якобы он любовался древнерусской столицей с другого берега и даже вел какие-то переговоры с князем Михаилом Всеволодовичем. Согласно позднейшей приписке, монгольских послов киевский князь убил, а потом бежал на Запад. Даже если про послов – вымысел, то факт бегства бесспорен. Вообще очень сомнительно, чтобы монголы о чем-то, кроме подчинения, договаривались с чужеродными правителями. Скорее всего, Михаила просто известили, что он – следующий. Никаких иных обязательств монголы принимать не стали бы.

ИНТРИГИ ВОКРУГ КИЕВА

В том же, 1239 году, когда Михаил еще сидел в Киеве, поглядывая, как горят его родовые черниговские вотчины, он лишился и Галича. Это была ловушка, хитро расставленная Даниилом Романовичем, в которую попался незадачливый княжич Ростислав Михайлович, оставленный отцом блюсти владения. На границах Галича появились литовцы, и Ростислав немедленно вывел им навстречу все свои войска с ближайшими сторонниками из числа бояр. Этого и ждал Даниил. Он был на изготовке в городке Холме. Как только весть о походе Ростислава дошла до Даниила, он поспешил в Галич и через три дня захватил его изгоном. Судя по всему, в городе его поджидали сторонники, а вот все его противники ушли на литву: «Даниил вниде в град свои и прииде к пречистой святой Богородице, и прия стол отца своего и обличи победу и постави на Немецких вратах хоругвь свою». Узнав о происшедшем, Ростислав немедленно повернул об-

ратно, но полки его не послушались и воевать отказались. Княжич бежал в Венгрию, а его воины обратились за милостью к Даниилу, прося пустить их к семьям домой. Даниил всех помиловал и укрепился в наследственных землях.

Таким образом, «Черниговская держава» распалась. Михаил оказался «халифом на час», удерживая один лишь Киев. С запада поджимали волынцы с Даниилом, с севера – Ярослав со смолянами, а на востоке были монголы. Противопоставить этому ему было попросту нечего. И он бежал в 1240 году сначала в Венгрию к сыну, где его не приняли. А затем в Польшу, где спрятался в мазовецких лесах. Высказывают предположения, что Михаил отправился на Запад не из трусости, а в поисках военной помощи. Но источники об этом молчат.

После отъезда Михаила древнерусскую столицу немедленно захватил один из смоленских князей – Ростислав Мстиславич. Что его на это подвигло – остается только

гадать. Он предстает форменным выскочкой. Конечно, удержаться в городе он не мог. Вскоре к Киеву подошли войска Даниила Галицкого и выгнали авантюриста. Летописи отмечают, что Даниил «вдал» город «в руки» посаднику Дмитрию, для того чтобы тот «обдержал его против иноплемennых язык, безбожных татар». Исследователи расходятся в мнениях о судьбе киевского стола: то ли его занял Даниил, то ли он действовал от лица своего союзника Ярослава или вообще сохранил права Михаила. Позднейшие события показали, что как галицко-волынские князья, так и монголы признавали права на Киев Ярослава, поэтому, скорее всего, Даниил выступил в данном случае как доверенное лицо владимирского великого князя, верховного правителя как Киева, так и вообще Русской земли. Кроме того, Даниил сам немедленно покинул Киев и в его обороне никакого участия не принимал. Все оставили на волю горожан.

РАЗГРОМ

Рассказ о взятии Киева монголами сохранился в двух вариантах – южнорусском и владими́ро-суздальском, представленных соответственно в Ипатьевской и в Лаврентьевской летописях. Первый из них пространный и составлен более чем через двадцать лет после событий, а второй – почти современник происшедшему, но короткий и формальный. Разгром был такой, что не осталось очевидцев, способных сразу что-то записать. Во Владимирском великокняжеском своде это событие отметили примерно так: «Взяли Киев татары и святую Софию разграбили, и монастыри все, и иконы, и кресты честные и все узорочья церковные взяли, а люди от мала и до велика всех убили мечем. Си же злоба приключилась до Рождества Господня на Николин день». Пространный рассказ Ипатьевской летописи в заметной степени заимствует канву событий, специфику, подробности и даже литературные приемы из популярного в

то время сборника – так называемого «Иудейского хронографа», включающего византийские хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, а также такие исторические романы, как «Александрия» и «Иудейская война» Иосифа Флавия. Современные украинские исследователи отказывают в репрезентативности данным Ипатьевской летописи о взятии Киева. Конечно, вполне вероятно, что эти данные имели связь с реальностью, летописец знал что-то достоверное, но что конкретно – уже не узнать. Поэтому мы вынуждены повторять красочные известия Ипатьевской летописи, теша себя надеждой, что они ближе к случившемуся: «Прииде Батыи к Киеву в силе тяжкой, многим множеством силы своея, и окружи град, и обступи [его] сила татарская, и был град [в] обложении великом, и был Батый у города, и отроки его окружили град, и небыло слышно [ничего] от гласа скрипения телег его, множества ревеня верблюдов его, и ржания от гласа

стад коней его, и бе исполнена Руская земля ратных».

Источники XV века указывают точные даты событий, и, хотя мы не можем быть в них уверены, иных у нас нет. Некоторые летописцы отмечают, что монгольская армия подступила к Киеву в сентябре 1240 года, осада длилась десять недель и четыре дня, завершившись штурмом 19 ноября. Древнейшие южнорусские источники, в том числе Летописец Даниила Галицкого, никаких дат не содержат, а во Владимире считали, что город пал на день памяти Николая Чудотворца, то есть 6 декабря. Исследователи не раз пытались примирить эти хронологические данные, но к однозначным выводам не пришли. Крайняя дата – 6 декабря 1240 года – остается *terminus ante quem*. Свидетели не выжили, точно сказать никто ничего не мог. Побывавший в этих местах спустя пять лет брат-минорит Иоанн де Плано Карпини записал в своем отчете: «...они [монголы] пошли против Руси и произвели великое избиение в зем-

ле Руси, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, и после долгой осады взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю [на восток к Волге], мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие в поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию».

Даже спустя несколько лет в Южнорусских землях не нашлось тех, кто мог бы захоронить погибших. А о разоренном Киеве даже итальянец, впервые побывавший здесь, писал, что тот «сведен почти ни на что». Длительная (самая длительная) осада, а затем жестокий штурм стали кульминацией Батыева нашествия. Захватив пленного, как сообщает Ипатьевская летопись, осажденные узнали, что на их

город обрушились орды сразу семи чингизидов: «...яша же у них татарина именем Товрул, и тот исповеда им всю силу их; се были брата его сильные воеводы Урдю, и Баидар, Бирюи, Кадан, Бечак, и Меньг, и Гуюк, иже [воз]вратися, уздав смерть каанову, и бысть кааном, не от роду же того, но был воевода его первый Себедаи багатыр и Бурундаи багатырь, иже взя Болгарскую землю и Суздальскую, и иных бес числа воевод, ихже не писахом zde».

Через пятнадцать лет иракский историк Джувейни записал, что в поход на Запад великий хан Угедей назначил: «(сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату – Орду и Тангута – и несколько других царевичей, а из знатных эмиров был Субатай-бахадур».

Менгу и Гуюк вскоре после начала осады Киева были отозваны в Монголию, что не должно было ослабить армию. Если

следовать принципу, что на каждого предводителя приходилось не менее одного тумена (формально – 10 тысяч), то через Днепр должно было переправиться около 70 тысяч всадников. Даже если эта цифра завышена в два-три раза, по меркам средневековой Европы речь идет о колоссальном воинстве. Такие полчища под стены русского города еще никогда не подступали.

Но горожане решили обороняться – помериться силой с покорителями мира. Определенные основания для этого у них были. Киев мог похвастаться исключительными фортификационными достоинствами: целых три линии укреплений. По периметру города (более 3,5 километра) тянулись валы высотой до 12 метров и шириной при основании до 20 метров. На их гребне размещались деревянные стены с каменными воротными башнями. Кроме того, отдельные стены имела центральная часть Киева – «город Владимира», а также «Ярославов двор». Городские укрепления можно было

назвать беспрецедентными. Сложно было представить себе силу, способную прорваться через все оборонительные линии днепровской твердыни.

Крепость должна была поражать своей мощью. Штурмовать ее с ходу – значило положить тут заметную часть армии. Разумеется, ожидалась длительная осада, в ходе которой военные мастера имели возможность проявить изыски своего «искусства брать города». При осаде Киева якобы действовали 32 осадных орудия. Только после продолжительной работы механизмов, сумевших пробить в стенах просторные бреши, начался главный приступ: «...поставил Батый пороки (осадные машины. – Прим. ред.) к городу подле врат Лядских, оттуда простирались дебри, пороки же беспрестанно бьющим день и ночь, выбиша стены и въздыша горожане на избитые стены, и там бяше видети лом копейный и щитом скрепание, стрелы омрачиша свет побеженным».

Согласно Ипатьевской летописи, после первого дня штурма

взять город полностью не удалось. Храбрый посадник Дмитрий был ранен, но сумел вывести часть воинов вглубь столицы. Здесь они за ночь возвели «другой град» около Десятинной церкви. Утром битва началась с еще большим ожесточением. Численное превосходство было на стороне монголов, которые оттеснили последних защитников под стены первого русского каменного храма, построенного еще святым князем Владимиром. От большого скопления людей церковные хоры не выдержали и обрушились, погребя тех, кто не желал сдаваться. Это, конечно, вымысел, поскольку отражает описание взятия Иерусалима Навуходоносором в 586 году до Р.Х., когда был разрушен храм Соломона. Но в остальном, несомненно, эмоционально сюжеты совпадали. Разорение Киева было тотальным и катастрофическим. Его не следует преувеличивать – жизнь на этом месте все же не прекратилась, но не следует и преуменьшать. Убиты были почти все жители.

Судя по всему, из 50-тысячного населения осталось не более 2 тысяч. От огромного по тем временам мегаполиса, вмещавшего около 9 тысяч дворов и занимавшего около 400 гектаров, осталось только 200 домов, которые путешественник увидел в 1245 году. 200 домов. Деревня. Город был разграблен, здания разрушены, а церкви сожжены.

Даже каменную Десятинную церковь разломали, не говоря уже о крепостных сооружениях. Монголы были поражены упорством оборонявшихся, которыми руководил посадник Дмитрий, не имевший не только княжеского происхождения, но даже прозвища или мало-мальского титула. Батый приказал даровать жизнь израненному вражескому воеводе («Дмитра же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его») и позднее разместил его в своей свите на правах почетного пленника. Впрочем, это может быть тоже миф, поскольку совпадает с судьбой Иосифа Флавия после взятия Иерусалима Помпеем в 63 году...

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

От Киева монголы отправились в Европейский поход, докатившийся огненной волной до Адриатического моря. Возвращались они в 1242-м через причерноморские степи. За эти годы разоренные города не восстановились. Некоторые, в том числе Киев, оставались полупустыми следующие несколько веков. Упоминания о Чернигове и Переяславле вообще исчезают из летописей. Михаил Всеволодович укрывался у Конрада Мазовецкого, но при подходе монголов, которые в 1241 году вторглись в Польшу, вновь бежал – теперь в Силезию («в землю Вроцлавскую»). Там на него напали какие-то немецкие купцы, слуг перебили, а самого ограбили. Участвовать в битве при Легнице – вступить с монголами в открытый бой, как поступили западные рыцари, – он не захотел и вновь бежал в Мазовию, где отсиживался до более спокойных времен. А потом вдруг приехал в Киев, но жить в разоренном городе не стал – обосновался в окрестностях, «острове». Оттуда он продолжал изображать из себя ве-

ликого князя. Дело закончилось вмешательством монголов, которые в 1243 году утвердили в качестве киевского верховного правителя владими́ро-суздальского князя Ярослава Всеволодовича. А Михаил позже погиб после конфликта на приеме у Батыя.

...Позднейшая судьба Киева незавидна. Свое столичное значение он утратил. Даже в XX веке при оформлении независимой Украины ему приходилось конкурировать с молодым Харьковом. В XIII–XIV веках к нему еще сохранялось уважительное отношение как к древнему родовому центру Рюриковичей, но в экономическом, а тем более военном плане он исключительной роли не играл. Сохраняя титул великого князя Киевского, владимирские великие князья, кажется, туда даже не ездили. Впоследствии Киев был без особых затруднений захвачен литовскими князьями. Даже церковный лидер Руси покинул Киев, переселившись на Северо-Восток. Город окончательно превратился в элемент титула, картуш и миф. Дело изменилось лишь недавно. Надолго ли? ■

Декоративная тарелка
«Братина» (La Bratina),
выпущенная
на заключение
франко-
русского
союза.
Середина
1890-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Плакат
«Кронштадт,
июль 1891. Тулон,
октябрь 1893»,
изображающий
рукопожатие
императора
Александра III
и президента
Франции Сади
Карно

ПРИСТУП ЛЮБВИ К РОССИИ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

СЕЙЧАС РОССИЕЙ МОДНО ПУГАТЬ ЗАПАДНОГО ОБЫВАТЕЛЯ. БОЛЕЕ ТОГО, КОЛЛЕКТИВНЫЙ ЗАПАД ПРЕВРАТИЛ РОССИЮ В ИЗГОЯ, ПРИПИСЫВАЯ НАШЕЙ СТРАНЕ ВСЕ МЫСЛИМЫЕ И НЕМЫСЛИМЫЕ ГРЕХИ. ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЭММАНУЭЛЬ МАКРОН В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2022 ГОДА ИСПОЛЬЗОВАЛ ТЕМУ «РУССКИХ ДЕНЕГ» КАК ОДИН ИЗ КОЗЫРЕЙ В ОБВИНЕНИЯХ МАРИН ЛЕ ПЕН В СВЯЗЯХ С РОССИЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ. А ВЕДЬ БЫВАЛИ ВРЕМЕНА, КОГДА В ХОДУ БЫЛИ ДРУГИЕ МОДЫ.

КАК СЕЙЧАС ЗАПАД дружно любит Украину, так Европа в конце XIX века страстно и навеки любила Россию. Сейчас ненависть к России является обратной стороной «любви» к Украине, а тогда любовь французов к России была обратной стороной ненависти к Германии.

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ: ОТ БРАКА ПО РАСЧЕТУ К СОЮЗУ ПО ЛЮБВИ

Русско-французские отношения на протяжении XIX столетия были очень непростыми. Они претерпели путь от франкомании в России в начале века до жесткого противостояния во время Отечественной войны 1812

года, или Русской кампании, как ее называют французы; от наполеоновской пропаганды с образами «ужасных казаков», «пожирателей детей» и «глотателей свечей» до александромании в 1814–1815 годах, когда император Александр I содействовал сохранению Франции в качестве великой державы и обретению ею либеральной конституции; от надежд на Россию до откровенной русофобии, символом которой стала книга маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»; от череды локальных международных конфликтов до Крымской, или Восточной, войны, в ходе которой Франция и Россия выступили в качестве противоборствующих сил. И только в конце века, после поражения Франции в войне с Пруссией 1870–1871 годов и череды немецких военных тревог, 8 января 1894 года, после визитов французской эскадры в

Казак играет Наполеоном как мячиком. Картинка, изданная в январе 1807 года по случаю успехов русских войск в кровавых столкновениях их с французами в конце 1806 и начале 1807 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кронштадт и русской – в Тулон, была ратифицирована франко-русская военная конвенция, окончательно сформировавшая франко-русский союз. Для Франции этот союз был жизненно необходим, поэтому взгляд на Россию кардинально изменился. Французы, по их собственным словам, быстро превратили этот «брак по расчету» в «союз по любви». И эта любовь наглядно проявилась в момент смерти императора Александра III в Ливадии 1 ноября 1894 года.

ТРАУР ВО ФРАНЦИИ

Император Александр III умер 1 ноября – в День Всех Святых в католической церкви. У французов был выходной, народ гулял, повсюду веселились толпы людей. Новость о смерти царя пришла в Париж к семи часам вечера и вызвала всеобщее оцепенение. Дошло до того, что парижане отменили свои визиты в театр и аннулировали заказанные на вечер столики в кафе и ресторанах. Террасы кафе Латинского квартала, средоточия студенческой молодежи, опустели, и студенты выразили свое желание присоединиться к траурным мероприятиям, а в российские университеты были отправлены телеграммы соболезнования.

В тот же день был созван совет министров. Главный вопрос – смерть императора и будущая политика России. Было решено, что все официальные собрания будут отложены до похорон императора, а до этого времени флаги будут приспущены и украшены траурными лентами.

Уже на следующий день после смерти российского государя все французские газеты вышли с траурными рамками и свои первые страницы посвятили этому событию. Пожалуй, во Франции не было ни одного даже регионального издания, которое не поместило бы некролог и не оплакивало бы кончину Александра III. Тон задавала официальная газета *Le Journal des Débats*.

Уже 2 ноября 1894 года в газете сообщалось, что смерть российско-го государя вызвала во Франции

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чувство всеобщей потерянности. Не успело правительство отправить свои инструкции префектам, как вся страна погрузилась в траур. Чувство всеобщего признания и благодарности русскому императору было настолько глубоким, подчеркивает *Le Journal des Débats*, что партии забыли о своих разногласиях и в едином порыве склонили голову перед почившим государем. «Траур во Франции носит поистине национальный характер, и патриотическая скорбь, поразившая сердца французов, свидетельствует об этом гораздо больше, чем все официальные соболезнования», – сообщалось в издании.

Как отмечала газета, накануне заключения франко-русского союза Франция «инстинктивно доверилась Александру III, а его имя и личность стали быстро популярными; его портреты разошлись огромными тиражами, оказавшись во всех деревнях и начальных школах самых отдаленных коммун Пиренеев. Везде под русским флагом были написаны слова: «Да здравствует царь!» Можно сказать, что вся французская молодежь полюбила Россию и ее монарха».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Встреча русской эскадры в Тулоне 13 октября 1893 года. Листовка

Страница из номера *Le Petit Journal* на смерть Александра III. Париж. 1894 год

ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ СКОРБЬ

Аналогичные некрологи опубликовали ведущие издания и в других странах Европы. Для всех император был «апостолом мира». Конечно, дело было не в любви, а в моде на Россию, точнее, в политической конъюнктуре, причем коллективной. Как сейчас Россию дружно ненавидят, так тогда столь же дружно любили.

Вот лишь некоторые выдержки из статей в европейской прессе. Английская *Times* писала: «Россия и Европа потеряли государя, перед которым они в долгу. Он умер с осознанием того, что использовал свое высокое положение для того, чтобы избавить человеческую расу от несчастья огромной войны...»

Английские издания *Daily News*, *Morning Post*, *Standard* вышли с аналогичными статьями: «Потеря, которую понесла Европа, очень чувствительна. Император Александр никогда не отказывался от совершения того, что он считал своим долгом, он никогда не совершал поступков, компрометировавших мир... быстрота, с которой Франция возродилась после сокрушительного поражения – это одно из чудес нашего времени».

Тот же тон был у венских газет. *La Nouvelle Presse Libre* опубликовала настоящий панегирик «истинному другу мира», а для официозной *Fremdenblatt* Александр III был «одним из оплотов европейского мира и, как и государи Тройственного союза, заслуживал признательности со стороны наций в деле поддержания спокойствия». Даже в Берлине впечатление было схожим, хотя там и порицали императора за союз с Францией. *La Gazette de l'Allemagne du Nord*, отметив верность царя своему долгу, подчеркивала, что «прямота и лояльность его характера вызывали доверие, и благодаря императору в Европе сейчас царит мир». Понятно, что все это не отменяло противоречий, но надо было быть «как все».

РАЦИОНАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Во Франции уже с 1870 года действовал режим Третьей республики, соответственно газеты в большинстве своем были республиканскими. Александр III – самодержавный правитель, проводивший консервативную внутреннюю политику. Но поскольку войн с Европой он не вел, более того, заключил с Францией военный союз и спас ее от немецкой опасности, рациональные французы закрыли глаза на такие «нюансы».

Газета Le Temps писала: «Александр III был другом Франции, и мы имеем особые причины оплакивать его смерть... Мы не можем забыть, что он, европейский арбитр, первым протянул руку помощи Франции... и позволил нам выйти из состояния изоляции, в котором нас оставили наши давние друзья. Благодаря ему мы можем с уверенностью смотреть в будущее. Наши связи никогда не прервутся, поскольку франко-русская дружба основана на общности интересов двух народов и их взаимных симпатиях». Газета Paris писала: «В тот день, когда царь Александр III стоя слушал «Марсельезу» (а это произошло на рейде Кронштадта, когда 11 (23) июля 1891 года туда с визитом прибыла французская эскадра. – Прим. авт.), европейское равновесие было восстановлено. Французские республиканцы оплакивают монарха, который, исходя из чувства гуманности, смог подняться до уровня политического гения».

Император Александр III вошел в историю как Миротворец, и Россия в годы его правления не участвовала ни в одном серьезном конфликте. Это объясняет изменение отношения к России. В Европе формировалась блоковая система. Поскольку Россия была нужна Франции, французы преспокойно закрыли глаза на расширение ее территорий в Средней Азии, тем более что там российские интересы сталкивались с интересами Британской империи. Поэтому французы с удовольствием именовали теперь все это не российским

Обложка номера Le Petit Journal на смерть Александра III. Париж. 1894 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«экспансионизмом», а «цивилизаторской миссией».

Французы в то время так возлюбили Россию, что быстро пересмотрели свои взгляды на многое в нашей истории, даже на Крымскую войну (то, что они писали в годы войны, является потрясающим памятником русофобской мысли. – Прим. авт.). 4 ноября 1894 года газета Le Petit Parisien называла Крымскую войну «дипломатической ошибкой Наполеона III, который в угоду династическим интересам повернулся спиной к истинным французским интересам». А французские солдаты на этой войне «часто имели возможность восхищаться смелостью русских солдат». И вообще «никогда еще война не демонстрировала столько героизма».

Теперь французы не заявляли о том, что Россия – это колосс на глиняных ногах, что все в ней лишь видимость и фальшь, поэтому к войне страна оказалась не готова. Наоборот, газета объясняла читателю, что давать решающие битвы в Крыму, в Сева-

стополе, было очень невыгодно для русских, поскольку не было железных дорог и возможности быстрой переброски войск. Зато в последующие сорок лет, отмечает издание, «Россия совершила колоссальный рывок и, проводя «гигантские работы по строительству железных дорог в азиатском направлении, открыла для себя безграничные возможности».

Про извечный русский «экспансионизм» и «порабощение народов» – ни слова. И самодержавие у нас не такое самодержавное, и крестьян уже освободили, проведя реформу, «не имеющую аналогов в истории», и православная религия вовсе не «мертвая», и «попы», пусть и не интеллектуалы, но большие патриоты, а народ глубоко религиозный и нравственный. А все потому, что на дворе 1894 год, франко-русский союз, любовь и дружба.

Газета La Dépêche de Brest: journal politique et maritime 3 ноября 1894 года и вовсе назвала Россию «великой нацией европейского востока». А ведь прежде французы постоянно писали о том, что Россия никогда не была и не будет европейской нацией и европейская цивилизация там никогда не приживется. Более того, издание подчеркнуло, что еще во время Франко-прусской войны, когда при русском дворе «доминировало немецкое влияние... будущий император Александр III выразил свои симпатии нам, побежденным...». Поэтому «Франция, разделяющая с Россией ее траур, никогда этого не забудет».

Эта обычная провинциальная газета, каких было множество, интересна тем, что на страницах номера от 3 ноября представила

Мост Александра III в Париже. 1900 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

огромное количество материалов, посвященных смерти императора Александра III в Ливадийском дворце. И вот что читатель узнает.

Президент Французской республики Жан Казимир-Перье сразу по получении известия о кончине государя нанес визит в российское посольство, где четверть часа беседовал с российским послом, а потом вместе со всем правительством отправился в православный собор Александра Невского на улице Дарю, чтобы присутствовать на траурной службе. Причем все соседние улицы были запружены народом, и полицейским приходилось сдерживать толпу. Поскольку для президента это присутствие являлось нарушением протокола, сразу после службы президент и правительство направились в Пантеон – отдать долг памяти президенту Сади Карно, убитому 24 июня 1894 года, и таким образом почтить память и французского президента, и русского императора.

Наверное, не было организации или официального лица, не выразившего своего соболезнования. Президент отправил телеграммы соболезнования цесаревичу Николаю, в которой отметил: «Е.В. император Александр завоевал всеобщее уважение. Франция испытывает к нему гораздо больше, чем уважение. Франция всем своим сердцем сочувствует вашему несчастью и присоединяется к трауру русского народа». Президент также отправил телеграмму императрице. Николай, в свою очередь, отправил телеграмму со словами благодарности Казимиру-Перье. Президент в ответной телеграмме ответил: «Я с уверенностью говорю от имени Франции о чувствах уважения и печали, наполняющих все сердца». Супруга президента, являющаяся почетным президентом ассоциации французских дам, по согласованию с президентом Общества помощи раненым и президентом Союза женщин Франции отправила императрице Марии Федоровне телеграмму со словами

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

соболезнования. Глава французского правительства Шарль Дюлоу отправил телеграмму министру иностранных дел Николаю Карловичу Гирсу: «Франция едина с Россией как в печали, так и в радости, никогда не забудет монарха, который ей свидетельствовал, в памятных обстоятельствах, неоценимую симпатию».

Газета Le Gaulois: littéraire et politique 3 ноября поместила большую заметку о новом императоре, Николае II, с его портретом и даже стихотворение, точнее, оду поэта Анри Флёриньи, написанную на смерть императора Александра III, под названием «Смерть Орла». А мы знаем, что для французов «Орел» – это император Наполеон Бонапарт.

Франко-русский союз. Плакат

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Визит президента Франции Эмиля Лубе в Россию. Газета Le Petit Journal №603 от 8 июня 1902 года

В стихотворении речь шла также об Орленке, сыне Александра. Орленок – это и сын Наполеона. Если французы сравнивали российского государя с Наполеоном – это говорило о многом.

Газеты в деталях описывали последние часы жизни императора, обстановку в Ливадийском дворце после его смерти и подробности, связанные с транспортировкой бранных останков. Le Gaulois так описывает Ливадийский дворец (речь идет о старом дворце; новый, Большой Ливадийский дворец был построен по проекту архитектора Н.П. Краснова в 1911 году. – Прим. авт.): «Дворец, где жил император со своей семьей, предстает во всей осенней красе. Цветы повсюду. Можно было бы сказать, что это весна жизни. Увы! В эти владения вступила смерть, и все сразу стало мрачным и печальным. Слышны только рыдания, видны только слезы. Постель императора покрыта цветами. Повсюду иконы. Император очень похудел, кажется, он мирно заснул. Его страдания сделали его бороду седой. Императрица больше не плачет, дабы поддержать детей. Невроятная сила души у императрицы, тело которой тонкое, как тростинка. Цесаревича больше нет. Это император Николай II. Это изменение произошло, когда он подписал манифест о смерти отца и вступлении на престол. Как благородны эти слова!» К слову, это был единственный момент, когда французские газеты, да и в целом французы, так живо интересовались Ливадией. Но настоящая клятва верности была опубликована на страницах газеты La Liberté: «Союз России и Франции не является вынужденной мерой, вызванной некоторыми преходящими обстоятельствами. Россия и Франция связаны братскими узами, и ничто не может разрушить ту глубокую дружбу, которая их связывает»... Интересно, вспоминают ли о пылких словах своих предшественников нынешние французские политики и журналисты и помнят ли хоть что-нибудь? Вот такая скоротечная «вечная» любовь. ■

«ЛИЗЕТ ДАНИЛОВНА, ЛАПКУ ПРИЛОЖА...»

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

НА ЗАПАДНЫХ ОКРАИНАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ТАМ, ГДЕ СЕГОДНЯ ПРОХОДЯТ ГРАНИЦЫ АДМИРАЛТЕЙСКОГО И КИРОВСКОГО РАЙОНОВ, КОГДА-ТО НАХОДИЛСЯ НЕБОЛЬШОЙ ОСТРОВ, ИЗ-ЗА СВОЕЙ ВЫТЯНУТОЙ ФОРМЫ ПОЛУЧИВШИЙ НАЗВАНИЕ «СОБАЧИЙ ЯЗЫК». В 1706 ГОДУ ПЕТР ВЕЛИКИЙ РАСПОРЯДИЛСЯ ПОСТАВИТЬ НА НЕМ ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМИК, А ЗАТЕМ НАЧАЛ СТРОИТЕЛЬСТВО УЕДИНЕННОГО «ПРИМОРСКОГО ПОДЗОРНОГО ДВОРЦА» С БАШЕНКОЙ, ИЗ КОТОРОЙ МОГ НАБЛЮДАТЬ ЗА ПРОПЛЫВАЮЩИМИ ПО НЕВЕ КОРАБЛЯМИ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗЕМЛИ РЯДОМ ЦАРЬ присмотрел для свадебного подарка любимой своей супруге, царице Екатерине Алексеевне, и заложил здесь усадьбу Екатерингоф с большим парком. Места эти, на взморье между Невой, Фонтанкой и устьями Черной реч-

Екатерингоф на гравюре А.Ф. Зубова. 1716 год.
Архитектор Доменико Трезини

ки (ныне Екатерингофки), и в те времена были довольно пустынными, а сегодня превратились в этаким медвежий угол, о котором вскользь упоминают туристические путеводители. Аллеи же самого парка, задуманного в качестве дворцовой загородной резиденции, почитаемы разве

что местными старожилами и гуляющими мамочками с колясками. Время здесь словно бы остановилось. А если вы пересечете парк и выйдете к Лифляндской улице, то возле Молвинского моста через речку Таракановку увидите примечательный 6-метровый столб из красного гранита, возведенный в 1824 году по проекту Огюста Монферрана. Его называют Молвинской колонной – по имени коммерции советника сахарозаводчика Якова Николаевича Молво. Архитектором она рассматривалась как своего рода прообраз Александровского столпа, его «репетиционный» вариант. История ее возведения по сей день окружена легендами. По одному из преданий, когда-то неподалеку от этих мест находились царские конюшни, а на месте самой колонны погребен любимый конь Петра I – Лизетта.

ПЕТРОВСКАЯ ЛИЗЕТТА

Этого прекрасного жеребца персидской породы Петр заметил в Риге в начале 1700-х годов. Увидел – и не устоял, пораженный его статью и грацией. Всегда прижимистый, когда речь шла о негосударственных тратах, царь, недолго думая, выложил за коня аж 100 нидерландских дукатов, отдав в придачу и своего жеребца. Имя он выбирал недолго. Остановился почему-то на любимом женском имени Лизетта – ходили слухи, что так звали одну из фавориток царского приятеля, саксонского курфюрста Августа II. Но, впрочем, царю было виднее, как называть своего любимца – кто посмеет его судить?

О Лизетте шла удивительная молва: поговаривали, что отличался конь причудливым нравом и не желал никого признавать, кроме августейшего хозяина, служил

Окончание. Начало см.:

«Русский мир.ru» №10 за 2022 год.

ему верой и правдой. Один из описателей Петровской эпохи, Осип Петрович Беляев, известный своим каталогом-путеводителем «Кабинет Петра Велико-го...» 1793 года, в котором были подробно перечислены «душевные и телесные свойства» царя, а также его многочисленные вещи, оставил потомкам рассказ о Лизетте, который, по его словам, «останется навсегда в незабвенной памяти у потомков». «Будто бы она толико была привычна к Государю, что не видя его долго, вырывалась из стойла, и бегая по лагерю, не прежде успокаивалась, пока не найдет своего всадника, – писал Беляев. – Когда подводили ее к Государю совсем уже оседланную, и он, раздумав вдруг ехать, отсылал ее обратно в конюшню, она, как бы будучи тем обижена, посылала в низ голову, и казалась печальною до такого степени, что слезы из глаз ее выкатывались. Когда Государь кушал в своей ставке, или у кого-нибудь из генералов со своими офицерами, она, увидевши Государя, входила в оную ставку, и принимала все, что ей со стола пить и есть ни подаваемо было. Ежели Государю случалось ехать чрез какой-нибудь ров или канал, где не было моста, он приказывал бросать перекладину, по которой сия лошадь, хотя бы она перекладина не шире была ее копыта, переходила с удивительным проворством и равновесием». Своему хозяину Лизетта служил верой и правдой и в течение

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

двух десятилетий сопровождал его в походах на полях сражений. Был он с ним и в ожесточенной Полтавской битве, где принял на себя смертоносную пулю, и во время страшного Прутского похода. На редкость выносливый, Лизетта могла проскакать со своим всадником-гигантом в день до полутора верст «без всякого при том себе вреда и надсады». Когда конь пал, его чучело поступило в Кунсткамеру, а вместе с ним было передано и убранство: седло из темно-зеленого бархата с золотой вышивкой и золотой бахромой; под седлом (поверх потника) был для украшения надет матерчатый чепрак из зеленого бархата, также украшенный золотой вышивкой и бахромой по краю. Железные стремяна висели низко, напоминающая о высоком росте хозяина.

Л. Каравак.
Фрагмент
картины
«Полтавская
битва».
1718 год

ВЕК ЛОШАДЕЙ

Следует подчеркнуть, что за привязанностью Петра к Лизетте, как и за всем, что делал царь, угадывались государственные интересы. Начинаясь новый век русской истории – век лошадей! Во времена петровских войн племенные конские ресурсы понесли существенный урон. И царь прекрасно понимал, что необходимо возродить государственное коннозаводство, причем не столько в интересах собственно двора, сколько для нужд военного дела. Начало было положено трофейными шведскими лошадьми, которых отправили на Коломенскую государеву конюшню как «образец для русской конницы». Судя по документам Большого приказа, к 1723 году в дворцовых заводах уже находилось 2578 голов «всяких статей лошадей». Дело шло со скрипом: петровские указы о коннозаводстве наталкивались на трудности военного времени и не всегда выполнялись, как хотелось монарху. Например, указ от 1712 года «завести конские заводы, а именно: в Казанской, Азовской и Киевской губерниях; а для заводу кобыл и жеребцов купить в Шлезии и в Пруссиях» не смогли исполнить из-за Прутского похода. Из-за начавшейся войны с Персией был положен под сукно и указ 1720 года, предписывавший астраханскому губернатору Артемию Петровичу Вольтскому «завести в Астрахане чистых лошадей от Персидских жеребцов и Черкесских кобыл».

Вольтский, начинавший карьеру рядовым кавалерии, отлично разбирался в тонкостях конюшних дел и приложил немало усилий, чтобы претворить в жизнь заветы Петра. Того же требовала и Анна Иоанновна, которая, несмотря на тучность, любила ездить верхом и нередко занималась правительственными делами в отдельных помещениях конного манежа. Здесь она часами могла созерцать «экзерции конной езды» и оценивать «искусство

Двор в Санкт-Петербурге на Мойке, 12. Здание бывших Бироновых конюшен в начале XX века

ездящих», получая от того «великое удовольствие». В ее царствование продолжилось строительство полковых конных заводов. Дела подобного рода курировал фаворит императрицы, герцог Курляндский и Семигальский Эрнст Иоганн Бирон – страстный любитель и знаток лошадей. «Когда герцог говорит о лошадях, то говорит как человек, когда же он говорит о людях или с людьми, он выражается как лошадь», – злословил австрийский посол в России барон Карл Генрих фон Остейн. Надо полагать, барон был недалек от истины. Дела государства Бирон предпочитал вершить в своей знаменитой «манежи», выстроенной в 1732 году в Петербурге «на лугу против зимнего дому»: «Манеж выстроен весьма регулярным, хотя и из дерева. С внутренней стороны имеется круговая галерея, а арена для верховой езды очень большая и с точным соотношением (ширины и длины) два к трем. У графа семьдесят прекрасных лошадей, по несколько из всех стран». Придворная конюшня Бирона поражала воображение. В 1740 году в ней насчитывалось 393 служителя и мастеровых и 379 лошадей, которых доставляли из Дании, Пруссии, Италии, Турции и Персии. На содержание конюшни ежегодно выделялось 58 тысяч рублей.

Дела по устройству коннозаводства были поручены одному из самых близких к императрице вельмож – обер-штальмейстеру, гвардии полковнику Карлу Густаву фон Лёвенвольде. И лучшего помощника, нежели Волынский, Бирону и Лёвенвольде трудно было найти. Будущий кабинет-министр владел отличной библиотекой по иппологии, слыл подлинным ценителем лошадей и отлично разбирался в организации коннозаводства. Будучи дипломатом, Волынский имел возможность набраться нужного опыта в Речи Посполитой, Турецкой империи, Персии и познакомиться с кочевым коневодством

В. Эриксен. Портрет Екатерины II в гвардейском мундире на коне Бриллианте. После 1762 года

Предполагаемый портрет Артемия Петровича Волынского. Вторая четверть XVIII века

татар и калмыков. Волынский и сам был крупным коннозаводчиком – после его казни в 1740 году в госказну были конфискованы 362 лошади: неаполитанские, турецкие, грузинские, прусские и аргамачьи жеребцы, кобылы и жеребята были переданы в дворцовые конюшенные заводы (171 голова), прочие 175 голов ростом не менее 2 аршин и 2 вершков (то есть выше 151 сантиметра) – в драгунские заводы.

К поручению Волынский отнесся ответственно. Возглавив

с конца 1731 года Конюшенную комиссию и Конюшенную канцелярию, он получил под управление огромный штат: в его ведении оказались 12 дворцовых конных заводов, в которых насчитывался 231 жеребец и 1018 кобыл. По планам Волынского следовало резко увеличить количество заводов, построить еще 105 новых конных предприятий, а число голов довести до 36 тысяч. И надо воздать ему должное: успехи Волынского были впечатляющи. На 1 января 1740 года поголовье дворцовых заводов состояло из 1685 племенных лошадей не менее 12 иностранных пород.

Однако интерес к развитию коннозаводства имел и обратную сторону: появившиеся во множестве лихачи быстро превратили улицы Петербурга и Москвы в арену конных скачек. 9 марта 1730 года появился указ Сената, гласивший, что «многие люди ездят в санях резво и не смирно, и верховые их люди пред ними необыкновенно скачут и на других наезжая, бьют плетью, и лошадьми топчут». Нарушителей правил дорожного движения следовало задерживать и препровождать в полицию. Однако это не возымело действия, и спустя два года законодатели задумались о введении смертной казни за быструю езду. В декабре 1737 года очередной жертвой едва не стал сам генерал-фельдмаршал граф фон Миних: «незнаемо какие люди, наехав в санях двумя лошадьми с дышлом» едва не отправили на тот свет прославленного полководца, а стоявший на запятках адъютант пострадал от дышла (шест, прикрепляемый к передней оси повозки при парной запряжке. – Прим. ред.), «от чего чуть жив». 15 декабря Анна Иоанновна приняла указ, повелев, «чтобы дышла, кроме колясок и возков, в санях отнюдь ни у кого не были, и у кого в санях дышла есть, те вынять и быть саням с оглоблями».

Борьба с быстрой ездой закончилась принятием указа от

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Встреча
императрицы
Екатерины
Великой
Амазонской
ротой

Д. Невзоров.
Граф А.Г. Орлов-
Чесменский
на Свирепом.
Не ранее
1796 года

19 марта 1742 года, в котором запрещалось ездить в Москве на резвых лошадях. А в указе от 25 января 1744 года значилось: «Чтоб на лошадях скоро ездить и браниться не дерзали, а верховым людям плетей, кроме форейторов и кучера, не иметь». Запреты Анны Иоанновны подтвердила и императрица Елизавета Петровна, а Екатерина II внесла дополнения, указом от 15 октября 1763 года запретив «скоро» ездить по улицам и учинять «великие свисты».

АВГУСТЕЙШАЯ АМАЗОНКА

Впрочем, сама Екатерина обожала быструю езду и была виртуозной наездницей. Императрица обожала ездить охотиться на тетеревов и вальдшнепов. Она неслась по полям и лугам, оставляя далеко позади кавалькаду придворных, с ужасом наблюдавших за ее опасными вольтижировками. На лошади императрица ощущала себя прекрасно – даже дамское седло искусные мастера переделали под ее прихоти так, что с помощью рычажка

можно было легко преобразовать его в более удобное мужское.

В летние дни переворота 1762 года, когда все висело на волоске, Екатерина сыграла одну из ярчайших партий своей жизни, и кто знает, как обернулись бы события, не будь она верхом. Облаченная в зеленый мундир преображенцев красавица-императрица прекрасно держалась в седле. На белом породистом рысаке Екатерина возглавила войска, двинувшиеся в Ораниенбаум, чтобы арестовать свергнутого супруга – Петра III. Она выхватила саблю из ножен, но оказалось, что на ней нет темляка. Императрица замешкалась, но тут перед ней возник 22-летний великан, красавец-конногвардеец: сорвав свой темляк, он протянул его всаднице. Знал ли никому тогда не известный Григорий Потемкин, что это мгновение изменит всю его жизнь? Как бы то ни было, но его конь так и не захотел возвращаться в строй... «Ну что же, молодой человек, – улыбнулась Екатерина, – едем вместе, судьба, видно, вашему жеребцу скакать рядом с моей кобылой».

Может быть, именно тогда и родилась мысль создать знаменитую роту красавиц-амазонок? Исполнилась она только весной 1787 года стараниями уже всеильного светлейшего князя Потемкина. Амазонская рота была под стать самой императрице: под руководством боевых офицеров Балаклавского полка благородные девицы, жены и дочери офицеров, пленяли и сводили с ума. Красивые и статные амазонки Екатерины отлично ездили верхом, держали строй, лихо фехтовали и палили из ружей. Екатерина продолжила дело Анны Иоанновны по устройству конезаводов, переживших в ее правление настоящий золотой век. В 1767 году императрица пожаловала графу Алексею Орлову 20 отборных кобыл с дворцовых заводов,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

передав также и ценнейших арабских скакунов Шаха и Дракона, полученных в подарок от персидского шаха. Граф, впрочем, и сам снискал лавры на ниве коневодства: в конюшнях его подмосковного имения Остров стояли арабские, персидские, турецкие, бухарские, армянские, кавказские, кизлярские, донские, английские, голландские, датские, мекленбургские, неаполитанские, испанские, польские и так называемые «низовые» («из низменных мест») лошади. Закупая отборных рысаков, герой Чесменского сражения мечтал вывести новую породу резвых лошадей, которые были бы адаптированы к российскому климату, соединив красоту и грацию арабских скакунов с мощностью, резвостью аллюра и четкой рысью западноевропейских упряжных пород: датской, голландской и мекленбургской. Граф вполне преуспел: выведенные на его конюшнях рысаки положили начало знаменитой породе, в честь графа получившей название орловской. Родоначальником их стал несравненной красоты жеребец Сметанка, купленный в 1774 году в Аравии за 60 тысяч рублей серебром. С охранной грамотой турецкого правительства Сметанка целых два года добирался в Россию по суше, преодолев границы Османской и Австрийской империй и Речи Посполитой.

Неизвестно, впрочем, успела ли налюбоваться Сметанкой императрица Екатерина II: конь прожил в России недолго и пал в 1777 году, успев положить начало породе новых жеребцов, среди которых самым знаменитым оказался Полкан I...

Пыталась Екатерина разводить и кошек, сделав ставку на породу русских голубых, которые с ее легкой руки должны были стать орудием дипломатии и презентовались бы иностранным монархам, дружелюбно настроенным к Российской империи.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Л. Боровиковский. Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке. 1794 год

ИВАН ИВАНОВИЧ И ЗЕМИРА

Верная философии Просвещения императрица была преисполнена нежности и любви к созданиям природы, почитая, подобно Жан-Жаку Руссо, лучшим времяпрепровождением прогулки по парку. Любила она и птиц, и собак, и лошадей, да и вообще животных, особенно отличая тех, которые ближе всего к людям, естественны и грациозны. Те отвечали ей взаимностью, и, судя по рассказам современников, нередко можно было видеть, как чужие собаки, никогда прежде императрицу не видавшие, бросались к ней ласкаться, а птицы, слышав ее голос, слетались к ее окнам и терпеливо ждали часа обеда. Ладилла она и с красивым личным

котом, которого преподнес ей светлейший князь Потемкин. Добродушный и воспитанный кот отличался ангельским нравом и хозяйничал в Эрмитажном кабинете императрицы, составляя ей компанию за чашечкой утреннего кофе.

Страсть к животным зародилась у императрицы Екатерины, до перехода в православие носившей имя Софии Августы Фредерики, еще в детстве. Принцесса Фикхен, как прозвала ее матушка, прошла непростую школу воспитания. Стараниями матушки она почитала себя «дурнушкой», свыклась с этим и вела себя совсем не так, как подобало истинной принцессе: с мальчишеским задором предавалась играм, учась разби-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ж.-Б. Удри.
Левретки.
XVIII век

раться, в чем следует уступать, а когда нужно стоять на своем. В домашних животных она души не чаяла, с ними она могла быть самой собой. Наведываясь к тетушке Гедвиге Софии Августе, озорная принцесса отбрасывала опостылевших кукол и до крови разбивала себе колени, возясь с веселыми мопсами. Обитель другой ее тетушки, скорее, напоминала царство птиц, которых хозяйка подбирала где только находила: в комнатах обустроились жаворонок с вывихнутым крылом, кривоногий щегленок, одноногий дрозд. И будущая императрица Российская отдавала им свое маленькое, полное любви сердце. Страсть к животным питал и ее супруг, император Петр III, который души не чаял в черных пуделях. Благодаря ему у молодой принцессы Екатерины появился Иван Иванович. Екатерина оставила трогательное описание своего любимца: «Великий князь подарил мне маленького английского пуделя, какого я хотела иметь. У меня в комнате был истопник, Иван Ушаков, и ему поручили ходить за этим пуделем. Не знаю почему, но другие слуги вздумали звать

моего пуделя Иван Ивановичем, по имени этого человека. Пудель этот сам по себе был забавным животным; он ходил большею частью на задних лапках, словно человек, и был необычайно взбалмошный, так что я и мои женщины причесывали и одевали его каждый день по-разному, <...> он сидел с нами за стол, <...> и он очень чисто ел со своей тарелки; потом он поворачивал голову и тявкал, просил пить у того, кто стоял за его стулом; иногда он влезал на стол, чтобы взять то, что ему приходилось по вкусу, <...> Так как он был мал, то он никого не беспокоил, и ему все позволяли, потому что он не злоупотреблял свободой, которой пользовался, и был образцовой чистоты». Иван Иванович повидал немало интересного при дворе. Проживая с великокняжеской четой в Ораниенбауме, пудель был свидетелем и обсуждения государственных тайн, и альковных приключений Екатерины Алексеевны и камергера Сергея Салтыкова. Бедная супруга камергера, Матрена Павловна, так привязалась к Ивану Ивановичу, что Екатерина, украв сердце

ее мужа, сочла нужным возместить потерю и отдала ей пуделя. Вскоре вышел скандал: дворцовые сплетники пустили слух, что Иваном Ивановичем пуделя прозвали в честь фаворита императрицы Елизаветы Петровны, камергера графа Шувалова – человека покладистого и мягкого, но назойливого ухажеера, доставлявшего немало неприятностей придворным дамам. Не питая к нему симпатий, молодые фрейлины ответили волоките по-своему: начали заводить пуделей и называли их Иванами Ивановичами. Шувалов пришел в ярость, а императрица разгневалась, сочтя, что придворные перешли всякие границы. Пуделю сменили кличку, но привязанность к нему Салтыковой от этого не уменьшилась.

А в жизнь Екатерины между тем ворвались левретки. Они появились в России благодаря придворному врачу Томасу Димсдейлу, в 1768 году выполнившему секретную государственную миссию по прививанию оспы государыне, великому князю Павлу Петровичу и 140 вельможам двора. В 1770-м он прислал в Петербург двух милейших собак – Сэра Тома Андерсона и Дюшессу (Герцогиню). Шустрые итальянские борзые виртуозно охотились на зайцев (франц. *lièvre*). Благодаря этой своей «специализации» они и приобрели название левреток. Чета Андерсон оставила многочисленное потомство. Благодаря письмам Екатерины барону Гримму мы можем подробно реконструировать фамильное древо почтенного Сэра Андерсона: «Во главе стоит родоначальник, сэр Том Андерсон, его супруга герцогиня Андерсон, их дети: молодая герцогиня Андерсон, господин Андерсон и Том Томсон; этот устроился в Москве под опекой князя Волконского, московского генерал-губернатора. Кроме них, уже завоевавших себе положение в свете, есть еще четверо или пятеро молодых особ, которые обещают бесконечно много: их воспиты-

вают в лучших домах Москвы и Петербурга, как, например, у князя Орлова, у гг. Нарышкиных, у князя Тюфякина».

Императрица раздаривала своих питомцев, некоторых она даже отправила в Версаль. По утрам, налюбовавшись любимцами, почивавшими в ее спальне в корзинках, отделанных розовым атласом, государыня выходила с Сэром Андерсоном на прогулку. Наблюдая, как песик самозабвенно носится по лужайке, она присаживалась на скамейку и начинала очередное послание барону Гримму: «Я всегда любила зверей... животные гораздо умнее, чем мы думаем, и если было когда-нибудь на свете существо, имевшее право на речь, то это, без сомнения, Том Андерсон. Общество ему приятно, особенно общество его собственной семьи. Из каждого поколения он выбирает самых умных и играет с ними. Он их воспитывает, прививает им свои нравы и привычки: в дурную погоду, когда всякая собака склонна спать, он сам не ест и мешает есть менее опытным. Если же, несмотря на его предостережения, они расстроят себе желудки и он увидит, что у них началась рвота, то он ворчит и бранит их. Если он найдет что-нибудь, что может их позабавить, то предупреждает их; если найдет какую-нибудь траву, полезную для их здоровья, то ведет их туда. Эти же явления я наблюдала сто раз собственными глазами».

В другом письме она призналась Гримму, что присланные им перчатки валяются на диване «и забавляют внуков Сэра Тома Андерсона и в особенности Леди Андерсон, которая в свои пять месяцев представляет из себя маленькое чудо и соединяет в этом возрасте все добродетели и пороки своей знаменитой породы. Она уже сейчас рвет все, что находит, всегда бросается и хватается за ноги всех, кто входит в мою комнату; охотится за мухами, птицами, оленями и тому подобными животными вчетверо больше ея и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

М.-Ф. Дамам-Демартре.
Прогулка императрицы Екатерины II в парке Царского Села.
1811 год

одна производит больше шума, чем все ее братья, сестры, тетка, отец, мать, дед и прадед вместе взятые. Это полезная движимая собственность в моей комнате, так как она забавляется всякими пустяками, которые следует унести из моей комнаты, не нарушая обычного течения моей жизни».

В ноябре 1778 года в очередном письме Гримму императрица впервые упомянула новую собачку – правнучку Сэра Томаса, «молодую прекрасную Земиру». Собачку назвали в честь героини комической оперы-балета Андре Гретри «Земира и Азор», написанной по либретто французского драматурга и философа Жана-Франсуа Мармон-

теля и разыгранной воспитанницами Общества благородных девиц Смольного института перед Екатериной и ее двоюродным братом, шведским королем Густавом III. Грациозная левретка покорила императрицу. С любимицей Екатерина не расставалась: на правах хозяйки Земира заняла царские покои, нежась на ложе, укрытом собольими шкурами. Екатерина сама шила ей наряды и купала после прогулок, откладывала важные государственные дела, если Земира была настроена повеселиться: «Вы простите меня за то, что вся предыдущая страница очень дурно написана, – писала Екатерина Гримму, – я чрезвычайно стеснена в настоящую минуту некой молодой и прекрасной Земирой, которая из всех Томассенов садится всегда как можно ближе ко мне и доводит свои претензии до того, что кладет лапы на мою бумагу».

Именно Земира стала героиней знаменитого полотна художника Владимира Лукича Боровиковского, на котором императрица запечатлена на фоне Чесменской колонны во время прогулки в Царскосельском парке. Когда в 1785 году собачка скончалась, царица впала в глубокую печаль и заперлась в своих покоях. Французский по-

Ф.-М. Гримм, немецкий публицист эпохи Просвещения, критик и дипломат, многолетний корреспондент императрицы Екатерины II

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сол граф де Сегюр вспоминал, что в эти тяжелые дни оказался рядом с императрицей: «Однажды, помню я, императрица сказала мне, что у нее околела маленькая левретка Земира, которую она очень любила и для которой желала бы иметь эпитафию. Я отвечал ей, что мне невозможно воспеть Земиру, не зная ее происхождения, свойств и недостатков. «Я полагаю, что вам достаточно будет знать, – возразила императрица, – что она родилась от двух английских собак: Тома и Леди, что она имела множество достоинств и только иногда бывала немножко зла». Этого мне было довольно, и я исполнил желание императрицы и написал следующие стихи, которые она расхваливала: «Здесь лежит Земира, и опечаленные Грации должны набросать цветов на ее могилу. Как Том, ее предок, как Леди, ее мать, она была постоянна в своих склонностях, легка на бегу и имела один только недостаток: была немножко сердита, но сердце ее было доброе. Когда любишь, всего опасешься, а Земира так любила ту, которую весь свет любит, как она. Можно ли быть спокойною при соперничестве такого множества народов. Боги, свидете-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ли ее нежности, должны были бы наградить ее за верность бессмертием, чтобы она могла находиться неотлучно при своей повелительнице». Императрица повелела выбить надпись на камне в Царскосельском парке. Здесь же, позади павильона «Турецкая баня», по ее приказу архитектором Чарльзом Камероном в 1782–1783 годах была сооружена пирамида «Любимые собачки великой царицы», в которой похоронены Сэр Томас, Дюшесса и Земира. На одной из могил на мраморной доске был вырезан текст, составленный самой Екатериной: «Под Камнем сим лежит Дюшесса Андерсон, которую укушен искусный Роджерсон». Екатери-

Фигурка левретки Земиры. Фарфоровая статуэтка из коллекции Государственного музея-заповедника «Петергоф»

на и здесь шла в ногу со временем господства сентиментализма, задумав и воплотив новый тип памятника, в котором великие исторические события были поставлены в один ряд с личными привязанностями. Это заставляло задумываться о том, какими извилистыми тропами происходит формирование свободного человека и как его переживания могут стать центром мироздания и истоком культурных традиций.

Но век Просвещения не был бы таковым, если бы высокие размышления о превратности человеческих судеб не соседствовали бы с анекдотами и причудливыми историями современников. Об одной такой истории рассказал все тот же граф де Сегюр.

Как-то раз к придворному банкиру Сутерланду заявился петербургский обер-полицмейстер и «с прискорбием» сообщил, что «получил поручение от императрицы исполнить приказание ее, строгость которого меня пугает; не знаю, за какой проступок, за какое преступление вы подверглись гневу Ее Величества». Перепуганный Сутерланд стал допытываться о причинах гнева царицы. «Императрица, – отвечал уныло полицмейстер, – приказала мне сделать из вас чучело...

– Чучелу?! – вскричал пораженный Сутерланд. – Да вы с ума сошли! И как же вы могли согласиться исполнить такое варварское приказание. Не представив ей всю его жестокость и нелепость?»

К счастью, через третьих лиц удалось выяснить, что у Екатерины II умерла собачка, ранее подаренная банкиром и потому названная Сутерландом. Безутешная императрица потребовала от полицмейстера «сделать чучело из Сутерланда», что и было принято им к исполнению. Примечательно, что полицмейстер, готовый выполнить приказ, дал банкиру только «четверть часа срока, чтоб привести в порядок его дела!»

«Здесь лежит Земира». На берегу Лебяжьих прудов, в стороне от людских глаз, притаился египетский мавзолей – миниатюрная пирамида, место упокоения любимых собачек императрицы

Василий
Иванович
Кельсиев.
Портрет
с гравюры.
Около 1869 года

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ ВАСИЛИЯ КЕЛЬСИЕВА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ЕГО ИМЯ ТЕПЕРЬ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ
РАЗВЕ ЧТО В ПРИМЕЧАНИЯХ К БИОГРАФИЯМ
ГЕРЦЕНА И МАТЕРИАЛАХ О СТАРОВЕРАХ.
И ЭТО НЕСМОТРИ НА ТО, ЧТО ОН ОСТАВИЛ
ЗАМЕТНЫЙ СЛЕД В ЭТНОГРАФИИ, СЕКТОВЕДЕНИИ,
ЛИТЕРАТУРЕ, А ТАКЖЕ В ПРАКТИКЕ СОЗДАНИЯ
УТОПИЧЕСКИХ ОБЩИН.

В 1873-М, СПУСТЯ ГОД после смерти Василия Кельсиева, журнал «Нива» писал: «В момент его рождения добрые и злые духи поднесли ему на память каждый дары свои: живой, многообъемлющий ум, богатую фантазию, картинность вымысла и легкость слова, особую способность к изучению и усвоению языков, глубокую впечатли-

тельность, неутолимую жажду познаний, редкую память, любвеобильное сердце; – и с ними вместе: слабую волю, шаткий характер, зыбкую почву стремлений...» К тому стоит добавить еще великие семейные несчастья. А «дух» слабой воли одолел его только перед смертью – на своем веку он часто принимал волевые решения, дававшие силы для новой жизни.

НА ПУТИ В АМЕРИКУ

Род Кельсиевых ведет начало от мордовского князя по имени Ютмек Кельсий, который принял российское подданство при императрице Екатерине II. Василий Иванович Кельсиев родился 16 июня 1835 года в Петербурге в семье мелкого чиновника городской таможни. В доме царили строгие религиозные порядки – дед Василия служил священником.

Василий рано осиротел. С 10 лет учился в Санкт-Петербургском коммерческом училище за счет Российско-американской компании, увлекался восточными языками – китайским, маньчжурским, монгольским, тибетским, санскритом. Училище он окончил в 1855 году и поступил вольнослушателем на филологический факультет Петербургского университета, где одним из его учителей стал Алексей Разин – первый редактор журнала «Вокруг света». Революционные идеи, которыми бредили студенты 1850-х годов, захватили и Василия. Впрочем, так же, как и патриотические чувства, побудившие его вступить добровольцем в армию в последний год Крымской войны. Правда, на фронт он не попал.

В мае 1859 года Российско-американская компания направила своего воспитанника на службу в Ново-Архангельск – главный город Русской Америки. Кельсиева же в этой поездке больше занимало изучение «эскимосских и американских наречий». В далекое плавание через Атлантический океан отправился вместе с супругой и новорожденной дочерью. Каких-либо сведений о знакомстве с будущей женой и начале супружеской жизни у нас нет. Известно лишь, что Варвара Тимофеевна Кельсиева (в девичестве Щербакова) до замужества служила гувернанткой.

До Аляски они так и не добрались. Из-за болезни Варвары Тимофеевны чета сошла на берег в английском Плимуте, а оттуда переехала в Лондон.

СОЦИАЛИСТ – ПЕРЕВОДЧИК БИБЛИИ

Поначалу Василий Иванович не думал делаться эмигрантом – он оформил полугодовой отпуск в Российско-американской компании и запросил из Петербурга паспорта, чтобы отвезти жену на лечение в Германию. Однако в Лондоне он познакомился с Александром Ивановичем Герценом и решил изменить свою судьбу, сделавшись одним из приверженцев его идей. К тому же отпуск его подходил к концу, паспорта не пришли, здоровье жены и дочери не улучшалось. Российско-американская компания отказалась продлить отпуск. Кельсиев подал в отставку, передав компании всю свою недвижимость в качестве покрытия понесенных из-за него расходов. После этого он объявил себя в русском консульстве эмигрантом и отказался от российского подданства. Хотя Герцен убеждал его этого не делать: «надобно прежде узнать нужду на чужбине, нужду в Англии, особенно в Лондоне». Эмигрантскую нужду Кельсиевы хлебнули сполна. Семья поселилась в Фулхэме – бедной окраине Лондона. Средств к существованию не было. Василий попробовал писать для журнала «Колокол», но Герцен отверг его статью о женском вопросе.

Тогда Василий Иванович предложил местному книготорговцу Николаю Трюбнеру сделать перевод Ветхого Завета на русский язык, причем с еврейского оригинала. Когда и где Кельсиев изучил иврит – непонятно, к тому же есть сведения, что эту работу он делал вместе с неким ученым евреем (некоторые источники сообщают, что Кельсиев знал 25 «языков и наречий», на 14 из них мог разговаривать. – Прим. авт.). Трюбнер заключил контракт на перевод, что давало стабильный доход семье эмигранта.

В тот день, когда Кельсиев начал работу над переводом Ветхого Завета, умерла его маленькая дочь. Незадолго до того Кельсиевых посетил Герцен, нарисо-

Библия
в переводе
Кельсиева.
Первое издание
на русском языке

вав едва ли не единственный портрет Варвары Тимофеевны: «Очень молодая, очень некрасивая женщина, худая, лимфатическая, с заплаканными глазами, сидела у тюфяка, постланного на полу, на котором, весь в лихорадке и жаре, метался, страдал, умирал ребенок, году или полутора. <...> Бедность была всесовершеннейшая. Молодая тщедушная женщина, или, лучше, замужняя девочка, выносила ее геройски и с необычайной простотой. Думать нельзя было, глядя на ее болезненную, золотушную, слабую наружность, что за мощь, что за сила преданности обитала в этом хилом

Александр
Иванович
Герцен
в Лондоне.
Около 1861 года

теле». Варваре Тимофеевне в тот момент было около 20 лет. Вскоре после смерти первой дочери она родила вторую.

Пятикнижие Моисея Кельсиев перевел за несколько месяцев, и в 1860 году перевод был опубликован. Позже Василий Иванович называл его неудачным. По двум причинам: сохранение синтаксиса иврита и подчинение требованию Герцена сделать более литературным получившееся «безобразие». Но, кажется, причин было больше. К примеру, переводчик был так радикален в стремлении отойти от церковной традиции, что даже слово «жена» перевел как «человечица».

Несмотря на это, лондонское издание Пятикнижия подстегнуло работу над синодальным переводом Библии (был закончен в 1876 году): «Колокол» сообщал, что императрица Мария Александровна отправила в Духовную академию перевод Кельсиева с просьбой поторопиться.

А Лондонское библейское общество пригласило Кельсиева корректировать издания Восьмикнижия и Нового Завета на английском языке.

ПЕРЕЛОМ

В том же, 1860 году Кельсиев взялся изучать старообрядчество и сектантство, и это стало, пожалуй, главным делом его жизни. Василий Иванович помогал Герцену разбирать корреспонденцию, и тот однажды передал Кельсиеву «огромнейший тюк рукописей» по расколу, признавшись, что ничего в богословии не понимает. «Я стал перебирать записки о раскольниках и не мог оторваться от них, – вспоминал Василий Иванович. – Я всю ночь не спал за чтением. Я чуть в уме не тронулся. Точно жизнь моя переломилась, точно я другим человеком стал. Мне казалось при чтении их, что я вхожу в неведомый, таинственный мир...».

В следующие три года Кельсиев систематизировал и издал несколько томов «Сборника правительственных сведений о рас-

Карл Маркс. Выписки из работы Кельсиева «О скопцах» (Лондон, 1862)

кольниках». Большинство материалов было издано впервые. Ими заинтересовался даже Карл Маркс, свободно читавший по-русски. Сохранились его обширные выписки из тома «О скопцах».

Интереснейшим собеседником и источником сведений для Кельсиева стал старообрядец Поликарп, приехавший в Лондон разузнать о жизни русской эмиграции. Полтора месяца ученый раскольник жил в доме Кельсиева. Между прочим, он сообщал, что староверы в Москве почитывают «Колокол» и «в ссорах между собой грозятся отделать друг друга в его столбцах». Василий Иванович намеревался посетить общины староверов в Турции и Австро-Венгрии, но Герцен эту идею не поддержал. Но устроил ему поездку к старообрядцам Москвы – с целью понять их революционный потенциал, а также для организации перевозок нелегальных изданий.

ВАСИЛИЙ ЯНИ

Паспорт для поездки в Москву Кельсиев раздобыл через знакомого купца-армянина. По нему Василий Иванович являлся турецким подданным Василием Яни. На границе Кельсиев выдал себя за православного албанца, не понимающего по-русски.

В Москве он пробыл месяц. Соратник Герцена, англичанин

Артур Бенни и Николай Лесков во времена их «политической дружбы»

Артур Бенни, помог ему оформить в полиции вид на жительство. Василий представлялся исследователем раскола, жил у купца-старовера Ивана Шебаева, посещал встречи старообрядцев, подружился с главой беспоповцев Павлом Пруским, узнал, что его лондонский гость Поликарп на самом деле епископ Коломенский Пафнутий... Пытался распространять агитационные листовки, но убедился, что к активному противостоянию властям раскольники не готовы. Василий Иванович часто посещал политический кружок Артура Бенни, членами которого были многие известные революционеры, в том числе однокашник Кельсиева Андрей Ничипоренко, а также писатель Николай Лесков, увековечивший жизнь кружка в очерке «Загадочный человек».

В апреле 1862 года Кельсиев вернулся в Лондон. «Его поездка,

Сборник Кельсиева «О раскольниках»

Павел Пруский – известный деятель старообрядцев Восточной Пруссии середины XIX века

без сомнения, принадлежит к самым замечательным эпизодам того времени, – считал Герцен. – Человек, ходивший мимо носа полиции, едва скрывавшийся, бывавший на раскольниковых беседах и товарищеских попойках – с глупейшим турецким пассом в кармане...».

Правда, веселились эмигранты недолго. Вскоре в Лондон отправился Андрей Ничипоренко, но на российско-австрийской границе он неожиданно выдал себя и дал признательные показания. Досталось всем пособникам «Василия Яни». Следствие затребовало приезда в Россию и самого «Яни», что Кельсиев, естественно, сделать отказался. Он был увлечен исследованием старообрядчества. На пути из Москвы в Лондон Василий посетил поселения филиппонов (липован) – староверов-беспоповцев Восточной Пруссии. Оказалось, что большинство филиппонов – не русские, а поляки, немцы, литовцы. В старообрядчество они перешли из-за «лишенного поэзии костела» и «распутного» священства.

Побывал он и в детище известного миссионера Павла Пруского (Леднева) – Войновском монастыре. Устав беспоповской обители был крайне строг. Иноки никогда не причисывались, не мылись, белее носили, пока оно не истлевало на теле; спали на голых досках, подкладывая полено под голову. «Зато и лица у них у всех какого-то маслянисто-зеленоватого цвета, – писал Кельсиев, – волосы покрыты облаком пыли, от них самих идет какой-то особенный горький запах, по которому я и теперь за саженъ узнал бы присутствие такого монаха». При этом Павла Пруского Кельсиев характеризовал как «борца с изуверством». Под этим он понимал, видимо, только изуверские верования – вроде признания царя за антихриста. А монахи, умерщвляющие плоть, «вовсе не изуверы, это добрые и благочестивые люди, которые, возложив на себя обет, долгом считают нести его как следует».

ЖИЗНЬ НА БОСФОРЕ

Сближение со старообрядцами подвигло Герцена создать приложение к «Колоколу» – газету «Общее вече», которая вела бы «борьбу за старообрядца». Редактором назначили Кельсиева. Но Василия Ивановича агитация мало интересовала: после нескольких выпусков он ушел из редакции и осенью 1862 года вновь отправился изучать староверов. Жену с дочерью Кельсиев оставил на попечение Герцена в его доме в Теддингтоне.

Сначала Василий Иванович направился к староверам Австро-Венгрии, но его выслали из страны как «русского шпиона». Затем отплыл в Константинополь, откуда предпринимал «экспедиции» в Малую Азию. Посетил самое крупное поселение казаков-некрасовцев на озере Майнос (ныне село Коджагёль). Это было настоящее «захолустье, куда ворон костей не заносит». Говорили, будто казаки убивают всякого пришедшего к ним русского. Кельсиев подстерег некрасовцев в городе Бандырме, куда они приезжали продавать рыбу, и попросился с ними в село – познакомиться с атаманом. Представился шведом. «Ну, швец так швец, – не возражали казаки. – Погоди, а где ж твой струмент по швецкому ремеслу?» В общем, взяли Василия Ивановича и без инструмента. И вообще были к нему благожелательны, что позволило собрать очень ценные сведения о жизни закрытой общины казаков в Турции.

Герцен прислал Кельсиеву в Константинополь «огромный ящик прокламаций», но читать их желающих не было. Хотя в Константинополе в то время обреталось немало русских революционеров. В июле 1863 года сюда приехал и младший брат Василия – Иван Кельсиев. Активный участник московских студенческих волнений 1861 года был арестован и отправлен в ссылку в Верхотурье. А затем был вызван в Москву для дачи показаний. Из-под следствия Иван бежал, добрался до Таганрога, где пробрался на корабль в Константинополь.

В том же году в Константинополь приехали жена и дочь Василия Ивановича.

В османской столице Кельсиев познакомился с Михаилом Чайковским – беглым казаком, поставленным во главе казачьих отрядов Порты с титулом «паша» и взявшим имя Садык. Чайковский предложил Василию Ивановичу должность «казак-баши» – старшего по делам казаков и вообще русских в Добрудже – турецкой провинции в верховьях Дуная. Кельсиев согласился: работы у него не было, а в Добрудже он мог продолжить исследования раскола и жить, как ему очень хотелось, среди русских.

ЖИЗНЬ СЧАСТЛИВАЯ

«Я весело выезжал из Кюстенджы в степи Добруджи, покрытые курганами, с которых смотрели на мою повозку орлы и из-за которых то и дело выплывали верблюды ногайцев и буйволы болгар. Порой мелькала русская телега с дугой и с колокольчиком... Это наши старообрядцы и всякого рода беглая братия, ушедшая за Дунай – кто спасать волю от помещика, кто бороду от воен-

Казаки-некрасовцы на озере Майнос в Турции. 1895 год

Михаил Чайковский, он же Садык-паша

Староверы-рыбаки в Добрудже

ной службы, а кто просто-напросто для того, чтоб в новом краю, под новым именем, начать новую жизнь». Так вспоминал свой приезд в декабре 1863 года в «Задунайскую Русь» Василий Кельсиев.

Семья поселилась в городке Тульче, бывшем тогда столицей османской провинции. Губернатор Рашид-паша рад был прибывшему казак-баши, жаловался, как плохо казаки говорят по-турецки и что в делах их ему разобраться трудно. Кельсиеву он поставил конкретные задачи: бороться с фальшивомонетчиками и конокрадами, а также освободить губернатора от «бестолковых» тяжб. Василий Иванович утверждал, что с криминалом справился за пару недель и что за все полтора года его «атаманства» ни один русский не был замешан в уголовном деле. Подход у него был нестандартный. Он перезнакомился со всеми фальшивомонетчиками и прочими «лихими» казаками, расписывал с ними в корчме «оку вина», вел разговор по душам, выясняя историю их «похождений», словом, сделался каждому другом. «Это удивительно действовало на них, – вспоминал казак-баши, – им как-то совестно становилось продолжать прежнее, они меня щадили, огорчить боялись... Сочувствие, доверие, уважение к его нравственным болям все из него сделают, а пропаганда, какая бы она ни была, никогда его не прошибет». Тем более не воспринимали они революционную пропаганду, которую Кельсиев пытался вести. В Тульче он окончательно убедился, что у раскольников самые верноподданнические настроения: они никогда не пойдут против царя. Ящик прокламаций, привезенных с Босфора, Кельсиевы изводили на самовар и топили печь. Судя по письмам того времени, душу его больше занимала не пропаганда, а этнография и лингвистика. В одном из писем Огарёву после сухого отчета Кельсиев рассказывает, что увлекся турецким фольклором. Для чего хорошо изучил язык и уже сделал перевод местных песен и сказок на целую книжку. Просил Огарёва подыскать издателя.

ЖИЗНЬ РАЗБИТАЯ

Василий Кельсиев мечтал создать в Тульче нечто вроде колонии для русских эмигрантов, в которой царили бы принципы социализма: поровну распределялся труд, заработок, расходы. Первыми членами общины стали жена и брат. Иван организовал в Тульче школу для русских детей. Кельсиевы планировали развивать образование, учредить гимназию и открыть типографию. Но на семью посыпались несчастья. Сначала Василий Иванович заболел тифом и едва выжил, пролежав две недели без сознания. Затем Иван подхватил тиф и умер. С горя Кельсиев запил.

А тут еще турецкое правительство решило упразднить должность казак-баши в Тульче. Кельсиев устроился учителем в американскую школу, что давало небольшой заработок. На подмогу затухающей общине Герцен прислал четырех эмигрантов. Один из них, бывший поручик Михаил Васильев, докучал всем проектами по всевозможным наукам. «Жене моей хозяйничать не дал, сам взялся, – вспоминал Кельсиев житие Васильева в своем доме, – перегноил пропасть мяса, огурцов, дынь. Ваксу не позволил покупать, а сам стал делать, перепачкал сажей и дегтем весь дом; перебил пропасть посуды...». Выгнали Васильева из дома, когда он взялся воспитывать дочь Кельсиевых. Но бывший поручик не унялся, пошел удивлять Тульчу: рыбой торговал, работал буфетчиком, костюмы проектировал, даже новые секты создавал...

Три других общинника, напротив, были безынициативными, ждали открытия гимназии. Кельсиев содержал всех. А когда в доме не осталось «ни копейки денег, ни полена дров», общинники бросили своего предводителя, разбежавшись по городу. Кельсиевых такая черная неблагодарность поразила до глубины души, так что у Варвары Тимофеевны обострился туберкулез. Положение осложнялось еще и тем, что она была беременна и вскоре родила сына.

Тульча.
Иллюстрация
из газеты
Illustrated
London News
за 1877 год

Безысходность одолевала. Один из несостоявшихся общинников повесился, турецкие власти запретили создание гимназии, казаки, наученные старообрядческим митрополитом Кириллом, отвернулись от своего казак-баши. Из Петербурга пришли сведения, что за визит с поддельным турецким паспортом Кельсиеву заочно вынесен приговор: лишение всех прав состояния и изгнание из России.

Кельсиевы решили ехать в Западную Европу, где Василий Иванович планировал зарабатывать писательским трудом. Он написал знакомому купцу-греку в город Галац на Дунае с просьбой одолжить на год 300 рублей. Тот согласился и даже обещал устроить семье бесплатный проезд на пароходе до Вены. В апреле 1865 года Кельсиевы прибыли в Галац. Но тут у грека дела разладились, помочь он не мог. Чтобы как-то прокормить семью, Василий пошел «бить щебень» для шоссе в Бухарест. Платили хорошие деньги – 2,5 рубля за кубометр, что некоторым удавалось выбивать за день. Нужно было наловчиться разбивать кувалдой камни. У Василия не очень получалось, более четверти кубо-

метра в день он не набивал. К счастью, его вскоре заметил подрядчик по фамилии Фламм и сделал смышленного русского сначала контролером, затем своим помощником.

Летом умер новорожденный сын. Здоровье Варвары Тимофеевны ухудшалось. Василий пристроил жену в госпиталь. Договорился, чтобы при ней была и Малуша – так в семье называли 5-летнюю дочь Марию. К осени жена поправилась, а Малуша заразилась в госпитале холерой и в одну ночь умерла. Варвара Тимофеевна горе не пережила. «Она умерла на моих руках, – вспоминал Василий Иванович самое великое потрясение в своей жизни. – Я сам снес труп этой святой женщины в мертвецкую, сам в гроб положил, сам в могилу опустил... А вечер, когда я ее хоронил, был так тих, запад горел зарей, восковая свеча, воткнутая могильщиками в землю, горела, не колыхаясь, и Дунай сверкал под горой. А я был один, один в целом мире, всем чужой и всему чуждый».

ЖИЗНЬ «ДИОГЕНА»

Спасла Василия Ивановича работа. Фламм пал духом и хотел бежать в Индию – не верил, что сможет закончить подряд на шоссе. Кельсиев взял все на себя и сумел завершить дело. Фламм предложил новый подряд. А Василий остался не у дел: русский консул в Бухаресте узнал, что осужденный Кельсиев работает управляющим на шоссе, и потребовал немедленно его уволить. Кельсиев остался в Галаце, пожившись на волю судьбы. Если предлагали работу – переводить ли тексты, выпекать ли пироги вместе с беглым русским слугой, – работал. А не было чем заняться, то и не искал ничего. Даже комнаты своей не имел, ночевал где придется: у друга на голом полу, у скопцов на мельнице, в трактире на бильярдном столе. «Я стал и по теории, и на практике Диогеном», – вспоминал он.

Так прожил он несколько месяцев, пока не решился исполнить

Наводнение
в Галаце.
1897 год

завещание жены: ехать на Запад, жить писательством. Багаж его составляла лишь кипа статей, завернутая в старое пальто. Капитан-серб буксирного судна довез его до румынского Базиаша, где пристроил на пассажирский пароход в Вену. На корабле Кельсиев встретил знакомого банкира из Константинополя. Тот предложил Василию место в своей конторе, был готов дать задаток и оплатить дорогу. Скиталец отказался, сказав, что его теперь в жизни интересует только изучение славян. И просил представлять его пассажирам как студента-этнографа, следующего в Венский университет. Банкир, видимо, так красочно представил «студента», что пассажиры насобирали ему на учебу около 80 рублей.

ЖИЗНЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ

В Вене Кельсиев посещал лекции по старославянскому языку и санскриту, изучал славянский фольклор, размышлял о единении славянства и его связях с Индией. Зарабатывал статьями, которые писал в «Русский вестник», «Отечественные записки», «Голос». Писал он хорошо, живо, ярко, интересно, печатался под фамилией Иванов-Желудков. В его турецком паспорте значилась фамилия «Иванов», к которой он прибавил девичью фамилию матери, что «именно по странности своей обеспечивало меня от всяких подозрений». Осенью 1866 года он отправился в большое путешествие по Галиции, Валахии, Бессарабии. Ехал как ученый-этнограф, исследователь раскольников. Представлялся выходящим из некрасовцев Малой Азии. Мысль о возвращении в Россию его преследовала давно, в Бессарабии Кельсиев утвердился в этом решении окончательно. 20 мая 1867 года на российской границе в Скулянах он сдался властям, заявив о себе как о государственном преступнике. К нему отнеслись неожиданно гуманно. В начале июня он уже был в Петербурге в тюрьме III Отделения. Под арестом он написал «Исповедь» – целое литера-

Историческая повесть
«При Петре»,
написанная
в соавторстве
с Виктором
Клюшниковым

турное произведение, очень искреннее, глубокое, трагичное. «Исповедь» прочитал император Александр II и даровал Кельсиеву полное прощение. Позднее он издал сокращенный и почти лишенный трагизма личной жизни вариант «Исповеди» под заглавием «Пережитое и передуманное». Либеральная пресса – и в России, и на Западе – крайне негативно отреагировала и на само прощение Кельсиева, и на его мемуары. Хотя Кельсиев на следствии избегал упоминания имен революционеров, неизвестных полиции, и, кажется, никого не выдал. Только Герцен сочувствовал ему: «Бросать в Кельсиева камнем лишнее: в него и так брошена целая мостовая». А «Пережитое и передуманное» он ждал с нетер-

«Пережитое
и передуманное»
Василием
Кельсиевым

Некролог
в журнале
«Нива» –
последняя дань
постоянному
автору

пением, в письмах просил прислать ему книгу скорее: «Книгу Кельсиева!.. полцарства за книгу Кельсиева!» Критики почему-то считали исповедь бывшего эмигранта лживой, нацеленной только на получение прощения. В действительности же автор «Исповеди» без стеснения высказывает свои очень либеральные взгляды. Например, вроде того, что духовное образование повинно в распространении атеизма в России и нужно «уничтожить семинарии», заменив их богословскими факультетами при университетах. Но по большому счету он писал о вещах, не имеющих отношения к революции: об интересных людях и приключениях. Автор просто фиксировал свой богатый жизненный опыт. «Исповедь» Кельсиева – замечательное явление в русской литературе, правда, забытое.

После освобождения Василий Иванович остался в столице. Он стал постоянным автором журналов «Нива», «Заря», «Всемирный труд», «Русский вестник», «Семейные вечера». Написал три исторические повести: «На все руки мастер», «Москва и Тверь», «При Петре». Женился на красавице-журналистке Зинаиде Алексеевне Вердеревской. Ездил в чешскую Богемию, где лечился и занимался этнографией. Сблизился с петербургскими старове-рами, помогал им переходить в единоверие, поддерживал советами и деньгами.

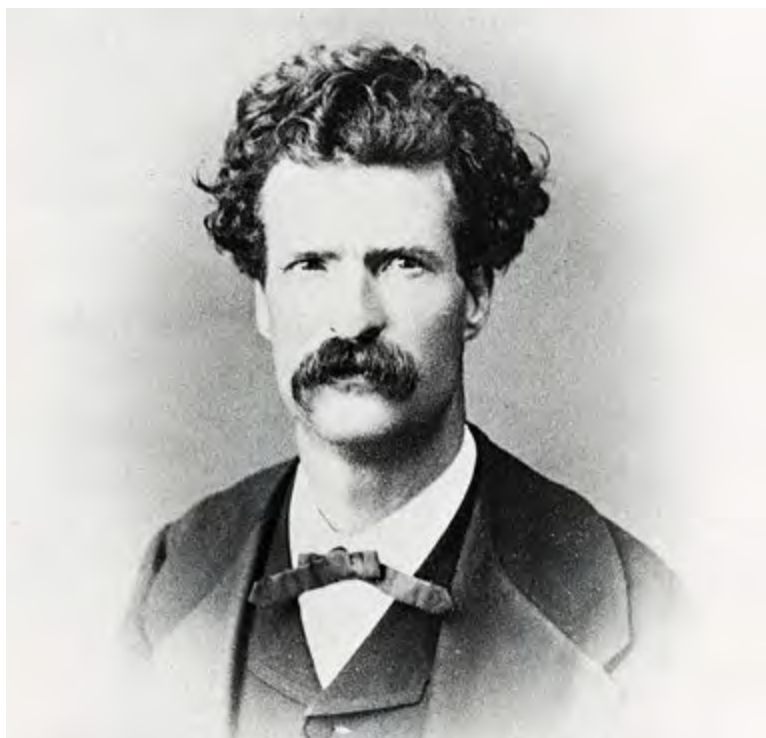
Но, устроившись на родине, он так и не смог справиться с душевным хаосом. В последний год жизни Кельсиев производил тягостное впечатление. То порывался писать мистику – писатель Владимир Одоевский, посвященный в эти замыслы, предрекал, что «Кельсиев совсем помешается, к тому ведет его нервная натура». То пил, болел, впадал в апатию, желая одного – скрыться от людей. Жена от него ушла. Вскоре после этого, 4 октября 1872 года, он умер от остановки сердца на руках своего учителя Алексея Разина. Вся его бурная многоликая жизнь уложилась в 37 лет... ■

«ЛЮБЕЗНОСТЬ РУССКОГО ИДЕТ ОТ СЕРДЦА»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

БРОСИТЬСЯ СНАЧАЛА В ОДНУ КРАЙНОСТЬ, ПОТОМ В ДРУГУЮ, ОЧАРОВАТЬСЯ, ВЛЮБИТЬСЯ, ВОСПЕТЬ И ВДРУГ ПЕРЕГОРЕТЬ – ЭТО ТАК ПО-РУССКИ. ИЛИ НЕТ? МОЖЕТ БЫТЬ, ПО-АМЕРИКАНСКИ? ВЕДЬ ИМЕННО В ТАКУЮ ФОРМУЛУ УКЛАДЫВАЕТСЯ ОПИСАНИЕ СЛОЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ ПИСАТЕЛЯ МАРКА ТВЕНА. ОН ВОСХИЩАЛСЯ И ВОЗМУЩАЛСЯ РУССКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ, ИСКАЛ ВСТРЕЧ С ТУРГЕНЕВЫМ И КОСТЕРИЛ ГОРЬКОГО, ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ КАК ДОМА В ОДЕССЕ, НО НЕ РЕШАЛСЯ ПОСЕТИТЬ ПЕТЕРБУРГ, ОПАСАЯСЬ, ЧТО ЕГО ВЫДВОРЯТ ИЗ СТОЛИЦЫ РОССИИ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СЭМИЮЭЛ ЛЭНГХОРН Клеменс родился в городке Флориде в семье судьи Джона Маршала Клеменса и домохозяйки Джейн Лэмптон 30 ноября 1835 года – в то время, когда над Землей проносилась комета Галлея. Предзнаменование? Кто

его знает. Человек, рожденный в этот момент, не любил мистику и суеверия. Но факт этот занятный и немного символичный: биография мальчишки из захолустного городка штата Миссури стала такой же яркой и удивительной, как сияние небесного тела.

В 1847 году от пневмонии умер Клеменс-старший, семья осталась без кормильца и с долгами. Старшие сыновья, которым считался и 12-летний Сэм, вынуждены были начать работать. Старший брат будущего писателя, Орайон Клеменс, взялся издавать газету. Сэмюэл сначала работал у брата наборщиком, позже стал печатать в газете и свои тексты. Самые острые из них обычно выходили в то время, когда брат был в разъездах. Однако Сэмюэл с юности мечтал о приключениях и путешествиях, к совершеннолетию тяга приобрела характер неукротимой. Клеменс бросил журналистику и стал помощником лоцмана на корабле.

Гражданская война в США (1861–1865) положила конец частному пароходству и мирной жизни. Первое огорчило Клеменса куда сильнее, второе как будто вызвало лишь легкое замешательство. Казалось, время требовало от всякого гражданина четкой позиции, но в случае с Клеменсом время это словно бы опоздало со своими вызовами. Клеменс писал, что он хотел пойти в солдаты во время Мексиканской войны, когда ему было 11 лет, но его не взяли, «а когда появилась возможность принять участие в другой войне, желание убивать незнакомых людей уже прошло». Между тем Клеменс – вполне сформировавшегося противника рабства – каким-то образом на целых три недели занесло в армию южан. Потом он образумился и принял участие в кампании по сбору средств для раненых северян, что, правда, не спасло его репутацию в глазах победившей стороны. Тогда Клеменс решил попытаться быстро разбогатеть – в Неваде он переквалифицировался в старатели и стал добывать

Комета Галлея.
Рисунок
1835 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

серебро. Удача не сопутствовала ему, в итоге он устроился в газету Territorial Enterprise в Вирджинии, в которой и заявил о себе под новым именем. Псевдоним был составлен из терминов речной навигации (mark twain – метка в 2 морские сажени).

В 1864 году Марк Твен перебрался в Сан-Франциско и стал сотрудничать с несколькими газетами. Через год вышел его первый юмористический рассказ. Дебют был блестящим: «Знаменитую скачущую лягушку из Калавераса» перепечатали крупнейшие издания страны.

Дом, где
родился Марк
Твен. Флорида,
штат Миссури.
1890-е годы

Марк Твен в возрасте 15 лет.
1850 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«КТО ТАКОЙ ЭТОТ РЕНЕССАНС?»

В декабре 1866 года бойкий журналист увидел в газете объявление об «увеселительной поездке по Европе и Святой земле». Программа круиза была рассчитана на несколько месяцев и обещала калейдоскоп новых впечатлений. Путешественников (да не каких попало, а представителей «избранного общества») ожидали Марсель и Париж, Рим, Помпеи и Венеция, Афины, Константинополь, Севастополь, Дамаск, Иерусалим и Вифлеем, Каир и Александрия: руины древности и сокровища Ренессанса, восточные базары и утонченная французская кухня, реликвии раннего христианства и подпольные невольничьи рынки. Кто бы отказался от такого фантастического приключения? Кто бы устоял, учитывая, что ранее ничего подобного в Новом Свете публике не предлагалось? Разве только тот, у кого бы не оказалось денег. У Твена денег не было, но он знал, где их взять. За плечами Клеменса уже был опыт успешной командировки на Гавайи, его письма оттуда, опубликованные в Sacramento Union, имели оглушительный успех. Поездку Твена в Европу на пароходе «Квакер-Сити» оплатили издатели Alta California и New-York Tribune. Твену вручили билет, пожелали попутного ветра и стали ждать сенсационных корреспонденций.

И ожидания издателей были вознаграждены. Твен присылал из своего путешествия такие острые репортажи, что бурление в массах было гарантировано. Старый Свет американец описывал хлестко, иронично, смех его был безжалостен. Досталось всем. Чопорным европейцам, возмнившим себя хранителями традиций, про которые они сами давно перестали что-либо понимать, унылым и невежественным гидам с их заученными бреднями, нахрапистым лавочникам, заманивающим доверчивых туристов гнусным обманом. Досталось и самим путешествующим аме-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

риканцам, в чьей компании находился Марк Твен. Этих новых варваров журналист описал без капли снисхождения, примечая все творимые ими безобразия. Вот один взобрался на египетского сфинкса и отстукивает от его древнего носа себе сувенир; другой скандалит в ресторане, увидев счет; третий напялил на себя тряпье со всех рынков Средиземноморья, выглядит то ли как пугало, то ли как марсианин, но очень собой доволен. А все вместе оставляют автографы на греческих развалинах, каждый считает своим долгом запечатлеть название своего города и штата на руинах Помпеев.

Извиняет Твена только то, что он не щадит и себя. Временами он вполне сливается со своими несчастными простаками-соотечественниками и сам выступает в качестве невежественного обывателя. Зачем? Чтобы на фоне собственной непосредственности подчеркнуть еще большую, уже совсем вопиющую глупость. Чего только стоит один случай в Венеции.

«Если я с торжеством решаю, что наконец-то обнаружил по-настоящему прекрасную и достойную всяческой похвалы старинную картину, то мое удовольствие при виде ее – неопровержимое доказательство, что эта картина вовсе не прекрасна и не заслуживает никакого одобрения, – пишет Марк Твен. – В Венеции это случалось со мной несчетное число раз. И всегда гид безжалостно растаптывал мой зарождающийся энтузиазм неизменным замечанием:

– Это пустяки, это Ренессанс.

Я не имел ни малейшего представления, что это еще за Ренессанс, и поэтому мне всегда приходилось ограничиваться ответом:

– А! В самом деле, я как-то сразу не заметил.

Я не хотел проявлять свое невежество перед образованным негром, сыном раба из Южной Каролины. Но даже мое самодовольство не могло выдержать то

Марк Твен
с семьей.
1870-е годы

Пароход
«Квакер-Сити».
С рисунка
1868 года.
Из книги Марка
Твена «Простак
за границей,
или Путь новых
паломников»

и дело повторявшихся невыносимых слов: «Это пустяки, это Ренессанс». Наконец я сказал: – Кто такой этот Ренессанс? Откуда он взялся? Кто позволил ему наводнять Венецианскую республику своей отвратительной мазней?»

Отличный троллинг! Твен, конечно, не был таким неотесанным к своим 32 годам, он прекрасно знал европейскую культуру, но как фельетонист и сатирик он умело примерял на себя самые разные маски и смело хохотал над собой.

Но Марк Твен не только смеется. Порой он так потрясен, что ему остается только негодовать. С каким презрением он описывает, как самодовольная знать освистывает в театре «Сан-Карло» старевшую актрису, некогда любимицу публики. Освистывает, прогоняет хохотом за кулисы... и вызывает на бис, чтобы вновь обрушить на нее град насмешек. «С каким восторгом высококороченные негодяи предавались этой потехе! – возмущается американец. – Господа в белых лайковых перчатках и элегант-

Севастополь.
Вид на Севастопольскую
бухту с тыла форта
Святого Николая.
Литография Е. Уолкера
по рисунку У. Симпсона.
1855 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ные дамы смеялись до слез и восторженно рукоплескали, когда несчастная старуха покорно выходила в шестой раз, чтобы терпеливо выдержать новый ураган свиста! Это было так жестоко, так бессмысленно и бездушно!»

Тягостное впечатление оставил и Константинополь. От Востока Твен ждал красоты и поэзии, а увидел несуразность, грязь, нищету, рвачество и угнетение слабых. Душа жаждала меры: середины между косой, одряхлевшей Европой и кичливым дремучим Востоком. Эту меру Марк Твен нашел в России.

КАК ДОМА

На излете августа 1867 года американское судно «Квакер-Сити» бросило якорь в порту Севастополя. Марк Твен провел в Крыму всего несколько дней, но впечатлений получил больше, чем за все время путешествия по Европе. И каких впечатлений! Здесь меняется и тон повествования. Отчаянный скептик и юморист кажется растерянным, он не видит, не понимает, что достойно здесь осмеяния, развенчания, осуждения, все, что наблюдает здесь журналист, просто и хорошо.

Тут важно отметить вот что: Марк Твен был настоящим американцем, гражданином и патриотом. Нередко случается, что индивидуальность художника идет вразрез с господствующей

Рисунок из книги
Марка Твена
«Простаки
за границей»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

политикой государства, которое он представляет, нередко художник творит в оппозиции к существующему режиму, и лишь через годы любовь публики вносит его в некий официальный канон. Для Твена подобный конфликт был не характерен, он вполне – по крайней мере, в тот период своей жизни – разделял политические симпатии и антипатии США по отношению к другим странам. И в этом смысле едкий сарказм, направленный на старую Европу, был отнюдь не частной позицией Твена, то было отношение, впитанное им из родной почвы. Что до России, то Америка тогда ей очень даже симпатизировала. Россия отвечала взаимностью. Две страны всматривались друг в друга и находили, что между ними много общего: курс на демократизацию общества, отмена крепостного права в России предваряла отмену рабства в США. У двух держав имелись даже общие враги. Еще в 1863 году, когда в Америке бушевала Гражданская война, Александр II распорядился отправить к берегам Нового Света две эскадры (12 кораблей, 4200 офицеров и матросов). Многие исследова-

тели полагают, что именно этот шаг помешал Великобритании выступить на стороне Конфедерации. Эта поддержка оказалась очень важной. Марк Твен писал, что Америка «состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу во время великих бедствий».

Когда же Марк Твен ступил на берег Севастополя и увидел город, разрушенный турками, англичанами и французами, он испытал только досаду и горечь. «В какую сторону ни глянь, всюду развалины, одни только развалины! – восклицает он. – Разрушенные дома, обвалившиеся стены, груды обломков – полное разорение. Будто чудовищное землетрясение всей своей мощью обрушилось на этот клочок суши. Долгих полтора года война бушевала здесь и оставила город в таких развалинах, печальнее которых не видано под солнцем. Ни один дом не остался невредимым, ни в одном нельзя жить. Трудно представить себе более ужасное, более полное разрушение. Дома здесь были сооружены на совесть, сложены из камня, но пушечные ядра били по ним снова и снова, срывали крыши, разрушали стены сверху донизу, и теперь на полмили здесь тянутся одни разбитые печные трубы». Смотреть на это было невыносимо. Хуже только было наблюдать, как соотечественники по привычке растаскивают все, до чего дотянутся руки – пушечные ядра, сломанные шомпола, осколки шрапнели. Растаскивают на подарки друзьям. Один из пассажиров парохода подобрал где-то лошадиную челюсть, заботливо упаковал и подписал: «Обломок русского генерала».

Сердце журналиста успокоилось лишь в Одессе. Ее не было в программе круиза, судно сделало здесь остановку лишь затем, чтобы пополнить запасы угля. Но журналист сошел на сушу и изумился. Все здесь было ему знакомо, все казалось

Император
Александр II
с семьей
на прогулке.
1865 год

родным. Он почувствовал себя в этом городе как дома. «Одесса точь-в-точь американский город, – уверяет Твен, – красивые широкие улицы, да к тому же прямые; невысокие дома (в два-три этажа) – просторные, опрятные, без всяких причудливых украшений; вдоль тротуаров наша белая акация; деловая суета на улицах и в лавках <...>

и даже густое облако пыли окутало нас словно привет с милой нашему сердцу родины <...> везде перед нами Америка! <...> но вот перед нами выросла церковь, пролетка с кучером на козлах, – и баста! – иллюзии как не бывало. Купол церкви увенчан стройным шпилем и закругляется к основанию, напоминая перевернутую репу, а на кучере надето что-то вроде длинной нижней юбки без обручей».

В Одессе гостям устроили праздник с угощениями и танцами. И это тоже было как-то очень по-американски. Разумеется с поправкой на национальный колорит. Здесь во время веселья Марк Твен познакомился с прелестной девушкой, имя которой он забыл в силу его невероятной сложности. «Мы болтали без умолку, от души хохотали, и при этом ни один из нас не понимал, куда гнет другой, – признавался позже журналист. – Я до сих пор вспоминаю эту девушку. Я писал к ней, но все еще не отправил свое послание, ибо у нее, как это положено в России, замысловатое имя в добрый десяток слогов и на него не хватит букв в нашем алфавите. Наяву я не отваживаюсь произнести его, но во сне пускаюсь во все тяжкие и просыпаюсь по утрам со сведенной челюстью. Я чахну».

Марк Твен.
Простак за
границей, или
Путь новых
паломников.
Титульный лист
первого издания
книги

РУССКИЙ ИМПЕРАТОР И СЕРЕБРЯНЫЕ ЛОЖЕЧКИ

К русскому гостеприимству американец оказался не готов. Его пугали враждебностью и бюрократическими проволочками, но нигде ни у него, ни у других пассажиров не спрашивали даже паспорта. Вместо этого путешественников приветствовали высокопоставленные чиновники, которые обещали содействие в организации встречи путешественников с русским императором в Ялте, где он находился в это время с семьей. Это было чем-то неслыханным, растерявшиеся американцы даже не знали, что и ответить. Пока они думали, царю

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

послали телеграмму, и он сам выразил готовность удостоить простых туристов аудиенции. Какой же на судне поднялся переполох! Несчастные американцы стали пытаться встретившего их в Одессе консула Соединенных Штатов. Как себя вести на приеме у русского императора? Что надевать? Что говорить? «Куда девать руки? А ноги? А с самим собой что прикажете делать?» Но консул не присутствовал на дворцовых приемах и мог поделиться с незадачливыми путешественниками только своими фантазиями. Он посоветовал подготовить для императора небольшой адрес и вручить при встрече одному из адъютантов, поклониться почтительно, но без подобострастия, а потом всем улыбаться – восторженно и благодарно.

Встреча эта запомнилась журналисту на всю жизнь, императорская семья встретила гостей просто и с достоинством. Марк Твен уже имел возможность наблюдать царственных особ. Да вот даже в этом своем путешествии. Во Франции, в Булонском лесу, их группа встретила Наполеона III со свитой. Он явился публике во всем блеске и в сопровождении целого отряда телохранителей, собрал поклоны подданных и туристов и умчался вдале, не удостоив никого взгля-

дом. Здесь было все иначе. Никаких парадных костюмов и пышных речей, никакого официоза, но искренний интерес и участие: «Каждый поклон Его величество сопровождал радушными словами. <...> В них чувствуется характер, русский характер: сама любезность, и притом неподдельная. Француз любезен, но зачастую это лишь официальная любезность. Любезность русского идет от сердца, это чувствуется и в словах и в тоне, – поэтому веришь, что она искренна».

Большой императорский дворец в Ливадии.
Архитектор И.А. Монигетти.
1862–1866 годы

Иван Сергеевич Тургенев.
Портрет написан И. Репиным в 1874 году в Париже

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Император выслушал адрес, составленный путешественниками, поблагодарил их, велел передать бумагу в архив (и ее передали, вопреки сомнениям Марка Твена, считавшего, что место ей в печке), сказал, что ему очень приятно познакомиться со странствующими американцами, потому что Россию и Соединенные Штаты связывают узы дружбы. Потом гостям предложили прогуляться по саду, «императрица запросто беседовала с дамами, несколько джентльменов затеяли довольно бессвязный разговор с императором; князья и графы, адмиралы и фрейлины непринужденно болтали то с одним, то с другим, а кто хотел, тот выступал вперед и заговаривал с маленькой скромной великой княжной Марией, царской дочерью». А что сам Твен? Успел ли он поговорить о чем-нибудь важном с человеком, от нечаянного падения которого «закачались бы троны полумира»? Увы, его одолевали такие мысли, озвучивать которые не принято в приличном обществе. «Если бы я мог украсть его скюртук, я не колебался бы ни секунды. Когда я встречаю подобного человека, мне всегда хочется унести что-нибудь на память о нем», – записал он позже.

После променада в саду американцев пригласили во дворец. Марк Твен, привыкший, что дворцы туристам показывает какой-нибудь лакей в бархате и галунах и требует за это франк, считал, что император после проведенной им экскурсии по своим покоям должен был как минимум пересчитать серебряные ложки. Но еще больше оснований для пересчета столовой посуды, конечно, было у великого князя Михаила, пригласившего туристов к себе на завтрак. И вновь все прошло без всяких церемоний, словно дружеский пикник.

Марк Твен отправился в путешествие, чтобы развенчивать мифы о Европе, разрушать стереотипы о всех этих тысячелетних царствах, в России же крушение потерпели его соб-

ственные предрассудки. Посмеяться здесь он мог лишь над самим собой. «Отныне я уже не смогу верить в сверкающих мишурой театральных королей, — пишет он в «Простаках за границей». — И это очень прискорбно. Бывало, при их появлении я так восхищался. Но теперь я лишь отвернусь печально и промолвлю: «Нет, не то... не те это короли, в обществе которых я привык возвращаться».

Отплывать от русского берега было ужасно грустно. Спасались, как обычно, смехом. Над обескураженными великодушными русскими путешественниками охотно подтрунивали матросы. Они еще долго разыгрывали на корабле пародийные сценки. В их версии император приказывал отвести «горсточку частных граждан Америки» к своему брату, чтоб тот накормил эту надоедливую шайку. И — да! — серебряные ложки в импровизированном спектакле царь все же велел посчитать.

ВО ВЛАСТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТИХИИ

Марк Твен не сохранил на всю жизнь восхищение Россией, той Россией, которую он увидел в Крыму, в которой, казалось, совсем не было никакого разлада между официальной политикой и жизнью обывателя. И причиной тому — более глубокое знакомство с жизнью огромной северной державы. Очень большую роль в охлаждении к России сыграли русские литераторы. В 1879 году, находясь в Париже, Марк Твен познакомился с Иваном Тургеневым. И это знакомство уже не было случайным, личная библиотека американца включала несколько произведений русского писателя. Так что Твен сознательно искал с ним встречи. Устроил ее их общий знакомый — американский писатель Ялмар Бойсен. И уж совсем лестно было Твену узнать, какое впечатление он произвел на Тургенева. Автор «Отцов и детей» вспоминал о знакомстве с американским писателем так: «Вот теперь

Джордж Кеннан в одеянии каторжника. Между 1886 и 1890 годами

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

есть человек, который наконец-то соответствует моему представлению о том, каким следует быть американцу. <...> У этого же человека есть свое лицо, в нем есть дух земли».

Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (1851–1895). Лондон. 1880-е годы

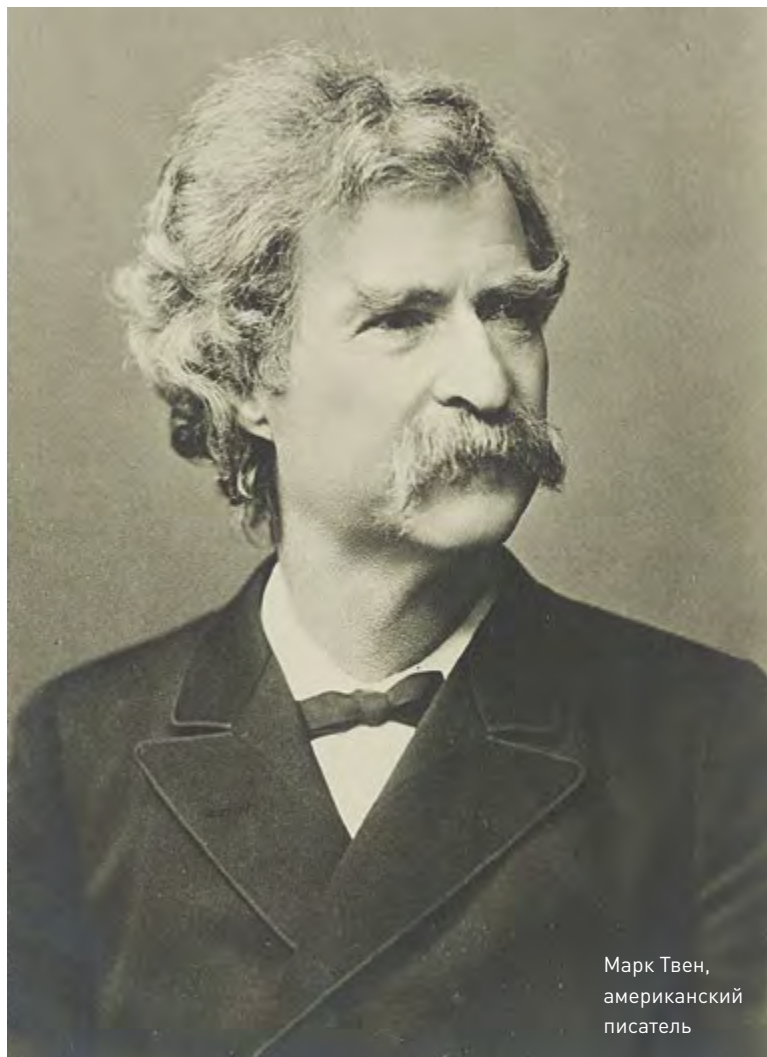
Между Твенем и Тургеневым завязалась дружеская переписка, и, безусловно, это общение помогло американцу лучше понять Россию, и в частности представления русской интел-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

лигенции о патриотизме. Западника Тургенева Твен считал одним из самых пламенных патриотов. Кроме того, в 1880-е годы в Америку стали проникать новости о деяниях народных героев, а иногда заезжали и сами представители движения, дабы заручиться поддержкой политиков и творческой интеллигенции США. В этом свете Марк Твен уже не мог восхищаться русским правителем, симпатии его перешли всецело к революционерам.

Вскоре Твен познакомился с одним из представителей «Народной воли», террористом Сергеем Степняком-Кравчинским. В 1891 году тот приехал в США, чтобы основать американское отделение «Общества друзей российской свободы». Твену он передал свою книгу «Подпольная Россия». Американец был ошеломлен. Он писал: «Я прочитал «Подпольную Россию» от начала до конца с глубоким, жгучим интересом. Какое величие души! Я думаю, только жестокий русский деспотизм мог породить таких людей! По доброй воле пойти на жизнь, полную мучений, и в конце концов на смерть только ради блага других — такого мученичества, я думаю, не знала ни одна страна, кроме России». В это время Марк Твен работал над романом «Американский претендент», и теме русской освободительной борьбы он отвел значительное место. В это же время по Америке с публичными лекциями ездил политолог и историк Джордж Кеннан, несколько раз бывавший в России. Он описывал ее как страну, полную ужасов и страдания, а для пущего эффекта выходил на сцену в кандалах! После его лекций впечатлительный Марк Твен даже забыл, что хотел посетить Санкт-Петербург — город, чье прекрасное имя он подарил родине Тома Сойера. Вместо нового путешествия по России, во время которого он мог бы сам оценить происходящее, американец пишет рассказ «Запоздавший русский паспорт», в котором герою гро-

Марк Твен,
американский
писатель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Снимок
кометы Галлея,
сделанный
в 1910 году

ной женой. Да, демократичная Америка оказалась очень пуританской. И более того, пуританином оказался и свободолюбивый Марк Твен. В бешенстве он вылил на Горького целый ушат ледяной воды. «Он прибыл с дипломатической миссией, требующей такта и уважения к чужим предрассудкам... Он швыряет свою шляпу в лицо публике, а потом протягивает ее, кланяясь денег. Это даже не смешно, а жалко»...

С тех пор Марк Твен вовсе перестал интересоваться происходящим в России. Там не за кого оказалось болеть душой: цари – деспоты, революционеры – мелкие обманщики. Американский писатель разуверился в России, как разуверился он к концу жизни в идеях прогресса, просвещения, демократии. Последние годы его жизни прошли в глубокой депрессии и мизантропии. В апреле 1910 года, когда над Землей вновь пролетала комета Галлея, Марк Твен умер от стенокардии. На его смерть, конечно же, откликнулась и Россия. Особенно пронзительно отозвался на уход американца Александр Куприн: «Горько и страшно думать о том, что вместе с Клеменсом ушла – и, я думаю, безвозвратно – та смеющаяся печаль, та окропленная светлыми слезами веселость, которую мы зовем юмором. <...> Никогда мы, до кончины М. Твена, не постигали так просто и жестоко простой мысли о повсеместной смерти смеха». Символично, что некролог этот вышел в «Одесских новостях» – в городе, который американец полюбил как родной дом. ❧

зит Сибирь за то, что тот приехал без визы. Твен всерьез опасался, что, попробуй он опять посетить Россию, его вышлют, как выслали оттуда Кеннана. Впрочем, в начале нового века в жизни Марка Твена происходит еще одна встреча с Россией. На этот раз она была представлена Максимом Горьким. В апреле 1906 года популярный русский писатель приезжает в Нью-Йорк. Твен, впрочем, Горького не читал, он уже не в том возрасте, чтобы реагировать на все волнения в литературном море, да и не до того ему: он только похоронил жену и дочь, пережил крах в делах, погряз в долгах. И тем не менее он идет на встречу в качестве свадебного генерала, говорит все полагающиеся слова, авансом хвалит творчество Горького и соглашается войти в комитет

по сбору средств на русскую революцию, точнее – на партию большевиков.

А потом грянул скандал. Горького выселили из отеля, узнав, что он заселился в отель с дамой, не являющейся его закон-

Горький
и Мария
Андреева
на палубе
прибывшего
в Нью-Йорк
парохода.
Апрель
1906 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«СИБИРСКИЙ ГРАД ПЕТРОВ»

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ГОД 350-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ПРОИЗОШЛИ МАСШТАБНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ. ТАМ ПОЯВИЛСЯ «ПЕТРОВСКИЙ ЗАЛ», В КОТОРОМ МОЖНО БЫЛО УВИДЕТЬ ЕДИНСТВЕННЫЙ СОХРАНИВШИЙСЯ В РОССИИ ОБРАЗЕЦ РАННИХ ПЕТРОВСКИХ ЗНАМЕН.

У СЛОВНО «ПЕТРОВСКИЙ зал» можно разделить на две части, первая из которых – своеобразный исторический эпиграф, напоминание о том, что царь-реформатор продолжил освоение дальних земель, начатое его предшественниками. Здесь в экспозиции представлены реликвии, связанные

с походом Ермака в Сибирь, строительством Тарского острога, походом Ивана Бухгольца в Еркент и возведением двух Омских крепостей. Они напоминают о том, как переплетались события разных лет, предшествующие основанию города у слияния Оми и Иртыша... Общеизвестно, что освоение Сибири началось с похода Ер-

мака за Урал. Об этом напоминает икона XVI века «Архангел Михаил Архистратиг». Архангел на красном крылатом коне трубит, возвещая конец времен. В одной руке у него Евангелие, в другой архистратиг держит восьмиконечный крест, кадило и копье, которым повергает в геенну сатану в виде льва с человеческим лицом. А под копытами крылатого коня рушатся земные царства.

По преданию, казаки привезли в Сибирь икону покровителя православных воинов, которая, скорее всего, была написана в Поволжье – там, где собиралась дружина Ермака. Позже вместе с иконой Николая Чудотворца она была поставлена в первой, деревянной церкви Воскресения Христова, построенной в Берёзовском остроге в 1605 году. В XVIII веке в результате понов-

Характерный элемент азиатского защитного вооружения – панцирный пояс

лений изображение на иконе значительно изменилось. В 1939 году икона была спасена сотрудником Омского краеведческого музея, его будущим директором Андреем Палашенковым из полуразрушенного Воскресенского собора в деревне Берёзово. Экспедиция Палашенкова проходила в рамках программы по учету революционных, исторических и археологических памятников Омской области, которая в 1934–1944 годах занимала огромную территорию, включавшую современные Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В Берёзове Палашенков обследовал две церкви – Рождества Богородицы, где в тот момент находилась пекарня, и почти опустошенный Воскресенский собор. Двумя годами позже храм был взорван по инициативе местного партийного руководства – понадобился кирпич для хозяйственных нужд. Еще один знаковый экспонат – портрет Ермака авторства неизвестного художника XVIII века – был передан в 1879 году в музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества действительным членом отдела Иваном

Соколовым. Иван Федорович, кстати, был человеком весьма неординарным: офицер, делопроизводитель штаба Западно-Сибирского военного округа, первый омский метеоролог. Он основал в Омске частную школу, где вместе с супругой преподавал по передовой на тот момент системе Константина Ушинского.

Рядом с фигурой Ермака Тимофеевича икона Архангела Михаила, которую, по преданию, принесли в Сибирь казаки из Ермаковой дружины

На портрете Ермак изображен в европейских доспехах – такой «сибирский конкистадор». На полотне внешность Ермака, в отличие от многих других портретов, совпадает с описанием, приведенным в работе Семена Ремезова «История Сибирская»: «Вельми мужествен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн бородою, возрастом (т.е. ростом) средней, и плоск, и плечист». Между прочим, омские краеведы считают, что дружина Ермака доходила до территории современной Омской области. В устье реки Шиш у села Усть-Шиш установлен памятный знак «Самый южный пункт на Иртыше, куда доходил отряд Ермака в последней экспедиции по сибирским владениям 1584 года».

Следующая страница истории – Тарский острог (см.: «Русский мир.ru» №9 за 2021 год, статья «Тара incognita». – Прим. ред.), строительство которого на южной российской границе в конце XVI века позволило окончательно разобраться с ханом Кучумом, тревожившим первые русские поселения в Сибири. Именно из Тары в 1598 году вышел отряд воеводы Андрея Воейкова, который настиг и разгромил войско Кучума на притоке Оби – реке Ирмени. Хан сумел сбежать, но более русские поселения его набегам не подвергались.

В Таре многие годы ведет раскопки омский археолог Сергей Татауров. Потому разнообразных артефактов в музее более чем достаточно. Самый, пожалуй, впечатляющий из них – фрагмент частокола Тарской крепости, выдержавшей не одну осаду. Здесь же – берестяной туес, рукавица для соколиной охоты и лепной глиняный рукомоиник. А вот бронзовый перстень-печатка с гербом, принадлежавший польскому или литовскому шляхтичу, волею судеб оказавшемуся в Сибири. Среди тарских находок есть и более прозаические вещи из Западной Европы – напри-

мер, щипчики для снятия нагара со свечей.

О том, что времена освоения Сибири были весьма непростыми, напоминают экспонаты, связанные с военным делом. Впечатляет монгольская панцирная рубаха XVII века: она из шелковой ткани, на которой вышиты драконы – символы власти, богатства и мудрости. В целом куяк – пластинчатый доспех знатного монгольского воина – был аналогичен по конструкции европейской бригадине, то есть состоял из матерчатой основы с прямоугольными металлическими пластинами. Такой доспех был в ходу в Средней и Центральной Азии с XV до XVIII века, практически не претерпевая изменений. Аналогичные доспехи были и у джунгар, с которыми отряд Бухгольца столкнулся на Ямышевском озере и «благодаря» которым в итоге была заложена Омская крепость.

Не менее эффектно смотрится монгольский шлем начала XIX века с бармицей из льняной ткани, вышитой золотым шелком. Еще один характерный элемент азиатского защитного вооружения – панцирный пояс XVI века из металлических пластинок на кожаной основе.

Русские воины предпочитали кольчуги. Представленную в экспозиции кольчугу XVII века случайно нашел на пашне крестьянин Марченко около села Ново-Калужское Акмолинской области (то есть на территории современного Казахстана. – Прим. авт.). И так же, как в тогдашней Европе, русские первопроходцы использовали небольшие металлические щиты...

О походе Ивана Бухгольца напоминают орудия петровских времен. Вот широко распространенный в XVIII веке фальконет – орудие небольшого калибра длиной всего 80 сантиметров. Он был передан в музей Омским окружным артскладом, а с каких пор хранился там – неизвестно.

У пушки, изготовленной в 1741 году на Каменском заводе, история интересней. Она была най-

Тарская крепость – русский форпост на территории враждебного Сибирского ханства

Бревно из частокола Тарской крепости, достойно выдержавшей не одну осаду

дена в октябре 1953 года рабочими при прокладке трамвайных путей в центре Омска. Длина пушки 94 сантиметра, диаметр дула – 8–9 сантиметров. Да, пушечные ядра были очень небольшого диаметра, но и таких для обороны сибирских крепостей вполне хватало. В экспозиции они, разумеется, присутствуют: эти ядра были обнаружены на территории первой Омской крепости. Все, кроме одного – под номером 3. «В конце 1990-х годов экспедиция Омского краеведческого музея побывала на территории Ямышев-

ских озер – там, где находилась крепость, в которой Бухголец с отрядом зимовал в 1715–1716 годах и где происходили столкновения с джунгарами. Это ядро было найдено там», – поясняет научный сотрудник музея Михаил Ермола.

Здесь же можно увидеть макеты двух Омских крепостей и находки, сделанные там археологами. Расколотый камень с Иртышских ворот новой Омской крепости, найденные в ходе раскопок на месте Воскресенского собора – первого каменного крепостного здания – плитки и кирпичи.

Гарнизон пограничной крепости регулярно упражнялся в стрельбе

ПЕТРОВСКОЕ ЗНАМЯ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

О жемчужине «Петровского зала» стоит сказать отдельно. В год 350-летия Петра I посетители могли увидеть единственный сохранившийся в России образец ранних петровских знамен. Это знамя было изготовлено в Москве в 1690 году в мастерских Оружейной палаты для одного из стрелецких полков. Сделано оно из китайской камки в распространенной в те времена

технике «шитье встык» и расписано темперой. В центре полотнища изображен коронованный двуглавый орел с державой и скипетром. В круге на его груди – изображение Богородицы с младенцем Иисусом. На крыльях орла в 10 медальонах – изображения святых угодников: Иоанна Предтечи, святого Иова, Сергия Радонежского, Николая Чудотворца, митрополитов Московских Петра и Алексея, Саввы Сторожевского и других. Фон заполнен изображениями восьми-

Единственное сохранившееся в России знамя ранних петровских времен

лучевых звезд и кругов, символизирующих планеты. Над орлом, в облаках, – крест и Святая Троица. В центре нижней каймы – надпись на церковнославянском языке: «Лета 7198 июня в 29 день по Указу Великих Государей, Царей и Великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича Всея Великия, Малыя и Белыя России Самодержцев построено». Драгоценная реликвия требует особых условий экспонирования. «По прошествии шести месяцев знамя возвращается в хранилище и определенным образом упаковывается в специальный твердый чехол, изготовленный московскими реставраторами. Необходимо, чтобы артефакт был защищен от световых и механических воздействий. Знамени нужно будет «отдыхать» пять лет, и только после этого, если у нас будет такая возможность и повод,

Плита с Иртышских ворот новой Омской крепости

оно будет вновь экспонироваться», — поясняет Михаил Ермола. Но как же стрелецкое знамя стало казачьим? В 1698 году в Москве случился очередной стрелецкий бунт, после которого стрелецкие полки расформировали, а знамя изъяли. Лишь в 1712 году стяг передали Московскому солдатскому гарнизонному полку, который отправился в Сибирь и получил наименование Томского казачьего полка. Затем знамя каким-то образом оказалось в Бийске, а в 1787 году было привезено в Омск по распоряжению командира Сибирского линейного казачьего войска капитана Кузьмы Бардина. В 1809 году оно стало главным знаменем Сибирского линейного казачьего войска. Оно хранилось в Никольском казачьем соборе вместе со знаменем Ермака Тимофеевича и было святыней сибирских казаков. Но потом началась Граж-

дская война... Петровское знамя, в отличие от знамени Ермака, не сгнуло в ее пучине, а оказалось в краеведческом музее. В 1920-е годы легендарное знамя фигурировало в экспозиции исторического отдела музея, по-

Экспедиция Бухгольца, в результате которой на карте появилась Омская крепость, была смелым предприятием как раз в духе петровского времени

Прекрасные нательные кресты второй половины XVII века — серебряные, с цветной эмалью

данская война... Петровское знамя, в отличие от знамени Ермака, не сгнуло в ее пучине, а оказалось в краеведческом музее.

В 1920-е годы легендарное знамя фигурировало в экспозиции исторического отдела музея, по-

том много лет хранилось в запасниках. К тому времени знамя находилось в плачевном состоянии — события Гражданской войны сказались на состоянии древней реликвии не лучшим образом. В 1959 году знамя от-

Антиминс петровских времен

ИКОНЫ, КНИГИ, МОНЕТЫ, ГРАВЮРЫ

Вторую часть «Петровского зала» занимают реликвии Петровской эпохи и произведения искусства, посвященные Петру I и его деяниям.

Вот переданные в свое время из Государственного музейного фонда две парсуны: на них – молодой Петр и его отец, царь Алексей Михайлович.

Еще один интересный экспонат выставки – фелонь из золотисто-желтой парчи с цветочным орнаментом. На подкладке надпись чернилами: «Пожертвованы князьями Меншиковыми и Долгоруковыми». Ближайший сподвижник Петра Александр Меншиков окончил свои дни в ссылке в Берёзовском остроге в 1729 году. Здесь же в 1730-м в ссылке оказалась семья сенатора Алексея Долгорукова. В Берёзове дочери Александра Меншикова занимались рукоделием, в том числе изготовлением даров для церкви. Надпись на подкладке, скорее всего, была выполнена позднее, зафиксировав устное предание. Эта фелонь оказалась в Омске благодаря все тому же Андрею Палашенкову, который спас из разрушенного Воскресенского собора все, что возможно было спасти.

Берёзовские иконы, писанные в барочной манере мастерами тобольской школы, отличаются не только очень яркие краски. Для них характерны реалистическая манера письма, объемность изображений, прямая перспектива. Лики святых приобретают индивидуальные черты. Барочная динамичность

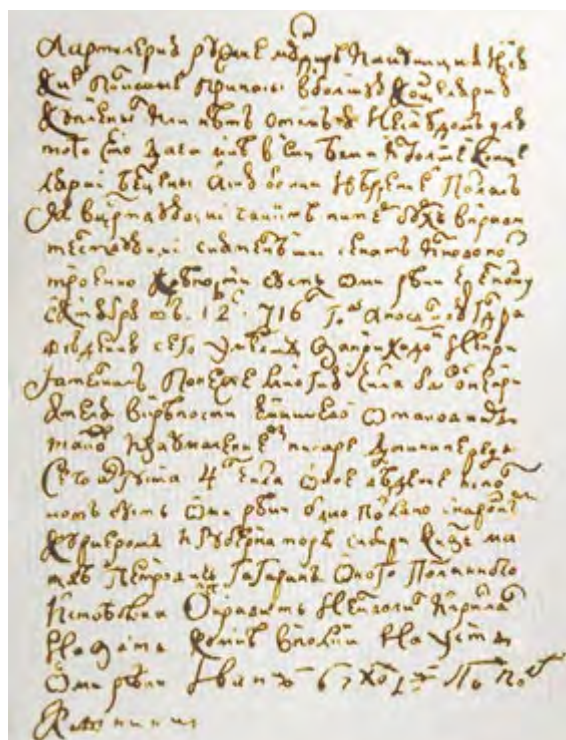
правили в мастерскую реставрации тканей Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской (ныне Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря. – Прим. ред.). Над его спасением трудились реставраторы двух поколений. В конце 1970-х реставрацию начала Маргарита Рябова – она собрала полотнище из фрагментов. Но этим пришлось ограничиться: в те годы в арсенале реставраторов еще не было методов и средств, необходимых для столь сложной реставрации. Потому знамя законсервировали. «Знамя очень долго хранилось в законсервированном виде. До появления синтетических полимеров восстановить его в целостном виде не представлялось возможным. Это связано с самой техникой изготовления этого знамени – оно сшито из нескольких фрагментов ткани», – рассказывает Михаил Ермола.

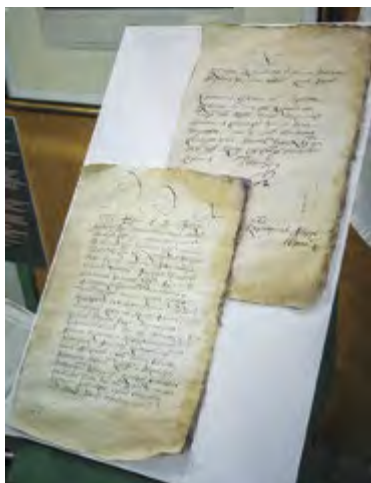
Так что реставрационные работы возобновились только в 1994 году. Председатель комитета по культуре администрации Омской области Нина Генова каким-то чудом нашла возможность в те непростые годы

профинансировать этот проект. Законсервированный раритет отыскали, начались реставрационные работы, художник-реставратор Елена Семечкина с коллегами завершили восстановление знамени в 1998 году. И петровское знамя наконец возвратилось в Омск, причем из Омского аэропорта его везли в музей на бронетранспортере.

Такой была крепость на берегу Оми

Репорт Бухгольца Петру I о строительстве крепости в устье Оми

В указании Правительствующего сената от 16 февраля 1721 года подчеркивалась стратегическая важность Омской крепости – ее предписывалось «пристойно укрепить»

находит отражение в самой форме иконных досок, вырезанных по силуэту фигур. Таковы, например, «Жены-мироносицы». Еще одна икона необычной формы – «Гибель Содомы».

В одной из витрин представлены монеты петровских времен. В том числе гривна-плата, которая впечатляет своей формой и размерами. Изучив опыт Швеции, Петр I распорядился выпускать медные квадратные монеты-платы с номиналами в рубль, полтину, а также меньшего номинала. Император надеялся, что они вытеснят часть мелкой медной монеты и оздоровят денежное обращение. «Чеканка основных объемов этих квадратных монет была произведена в 1726 году. Но уже через год от этого проекта пришлось отказаться: для серьезных торговых операций люди были вынуждены возить их подводами, а это не совсем удобно. Сегодня такие монеты – нумизматическая редкость», – поясняет Михаил Ермола.

В «Петровском зале» можно также увидеть переводы книг европейских авторов на русский язык. Это в основном богословские труды. Например, «Царский путь Креста Господня» – перевод католического труда Бенедикта Хефгена, переработан-

Как изданная в Германии в 1711 году книга оказалась в Сибири, неизвестно

ный черниговским епископом Иоанном (Максимович), впоследствии ставшим митрополитом Тобольским и всей Сибири и прославленным в лике святителей. Он был выдающимся писателем своего времени, занимался переводами западноевропейской богословской литературы, а свои произведения посвящал и дарил Петру I.

Рядом – изданные в петровские времена книги на немецком языке. К примеру, старинный травник «Новая книга трав с красивыми и детальными иллюстрациями», изданный в Швейцарии в 1687 году. Какими судьбами и когда эти книги оказались в Сибири, увы, неизвестно: в собрание музея они попали уже в советскую эпоху.

Весьма весомая квадратная монета

«Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг» – один из первых учебных атласов в России. Он был издан в 1737 году и содержит одно из самых ранних изображений первой Омской крепости на карте Сибири. Представлены в «Петровском зале» и копии документов Петровской эпохи, в которых упоминается Омская крепость. С одним из них связан любопытный исторический казус, вызванный банальной опечаткой. В указе Петра I от 19 января 1721 года, опубликованном в «Полном собрании законов Российской империи», содержалась следующая фраза: «Крепость Ямышевскую укрепить и оселить, а прочие разорить новыя, кроме Ямской». В начале прошлого века известный омский краевед, гене-

рал Георгий Катанаев, изучая этот указ, пришел к выводу, что царь велел разрушить все иртышские крепости, кроме Ямышевской. Ведь никакой Ямской крепости здесь не было. И Катанаев, видимо, посчитал, что в указ по ошибке вписали слово «Ямской», вместо того чтобы во второй раз упо-

Яркий эпиграф к исторической экспозиции

Орден Андрея Первозванного был первым из российских орденов, учрежденных Петром Великим

мянуть Ямышевскую крепость. И только недавнее обращение омских историков к хранящемуся в архиве рукописному указу Петра I от 19 января 1721 года внесло ясность: в печатный текст закралась опечатка. Речь шла не о Ямской крепости, а об Амской – так в то время именовали Омскую крепость. Петр в указе, наоборот, подчеркивал значимость Омской крепости и необходимость ее укрепления. Это подтверждает и указание Правительствующего сената от 16 февраля 1721 года, по которому надлежало вывести из иртышских крепостей гарнизоны и артиллерию в Тобольск, а Амскую (Омскую) и Ямышевскую крепости «пристойно укрепить». Так что Петр Великий фактически определил дальнейшую судьбу Омской крепости как важнейшего форпоста на южной границе империи. ■

ЖИТЬ – ЗНАЧИТ ТВОРИТЬ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В ВОЛОГДЕ НЫНЕШНИЙ ГОД ПРОХОДИТ ПОД ЗНАКОМ 100-ЛЕТИЯ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РОССИИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА КОРБАКОВА. ФРОНТОВИК, РАНЕННЫЙ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ, ДРУГ НИКОЛАЯ РУБЦОВА И ВИКТОРА АСТАФЬЕВА, ДЛЯ РОДНОГО ГОРОДА ОН БЫЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ХУДОЖНИК. «КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК», – ГОВОРЯТ ЕГО КОЛЛЕГИ, ПРОШЕДШИЕ С КОРБАКОВЫМ БОЛЬШОЙ ПУТЬ. «ВОЛОГОДСКИЙ БРЕНД», – НАЗЫВАЕТ ЕГО МОЛОДЕЖЬ И ЛЮДИ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА, КОТОРЫЕ ЕЩЕ ПОМНЯТ СТРАННОВАТОГО ЧЕЛОВЕКА С БОРОДКОЙ И В ШЛЯПЕ, БЕЗ КОТОРОГО НЕ ОБХОДИЛОСЬ НИ ОДНО КРУПНОЕ СОБЫТИЕ В ВОЛОГДЕ.

ДРУЗЬЯ ХУДОЖНИКА рассказывают о том, что Владимир Николаевич Корбаков любил строить планы, как отметит собственное 100-летие большой выставкой новых картин. Художник не дожил до трехзначного юбилея девять лет – его не стало в 2013 году. Но творил Владимир Николаевич до последних дней.

Владимир Корбаков написал более 2 тысяч полотен. Большинство из них хранится в Третьяковской галерее, Государственном историческом музее, в Музее победы на Поклонной горе в Москве и в других ведущих музеях России, а также в Музейно-творческом центре Владимира Корбакова, открытом в Вологде еще при жизни художника.

«ДЛЯ ЧЕГО-ТО ВАЖНОГО РОЖДЕН»

Владимир Корбаков родился в деревне Казариново Вологодской губернии в 1922 году, детство и юность провел в Вологде, впрочем, деревенских корней не забывал. Он рассказывал друзьям, как его отец, балтийский моряк, вернувшись с фронтов, стал вдруг заведующим государственным банком. И приносил с работы охапки старых царских денег для растопки буржуйки. Правда, материальное никогда особенно не волновало художника, на всех своих автопортретах он подчеркивал свое бесребреничество и простоту. После окончания семилетки Владимир Корбаков поступил на учебу в студию при Союзе художников, а в 1941 году начал работать по профессии. С началом войны, которая разразилась спустя пару недель после

бежал человек с оружием, каждый день я подвергался смертельной опасности, но вернулся живой. Это тоже показалось мне знаком свыше: для чего-то важного мне сохранена жизнь. И я решил: для того, чтобы своим искусством дарить людям любовь – любовь, которую Бог несет человеку и человечеству».

Военная тема – особенная в творчестве Корбакова, его кисти принадлежат десятки портретов ветеранов. Батальные сцены художник почти не писал. «Трудно ли писать о войне, если ты сам в ней участвовал? Это почти невозможно. Я не могу «фантазировать» на эту тему, – объяснял он. – Та война, которую я знаю, несколько не похожа на войну, которую рисуют и показывают в кино. Писать об этом – значит переживать все заново. И это очень тяжело. Оставаясь честным перед самим собой, я пишу портреты фронтовиков, ведь это тоже история, которая уходит...».

Свое мастерство баталиста Владимир Корбаков продемонстрировал в серии, посвященной 100-летию Русско-японской войны, в которую вошло 70 полотен. В 2005 году автора и его выставку пригласили в Японию на международный симпозиум по случаю юбилея войны.

Среди портретов друзей художника выделяются портреты Николая Рубцова. Многие из них были написаны после смерти поэта – бродячий образ жизни Рубцова не оставлял ему времени для позирования. Широко известна серия фотографий, на которых молодой Владимир Корбаков со шкиперской бородкой (шляпа лежит рядом на подоконнике) внимательно слушает Рубцова, который в руках держит гитару.

В зрелые годы художник создал целые серии работ – пейзажи родных мест поэта, написал портреты Рубцова в разные периоды его жизни, в том числе во время службы во флоте. Именно тогда он по-настоящему открыл поэзию старого друга, так что некоторые картины написаны по мотивам стихов Рубцова.

18-летия художника, он решил не прятаться за холстом и пошел добровольцем на фронт.

В сражении под Москвой Владимир Николаевич был тяжело ранен, перенес четыре операции, долго лечился. В госпитале шла речь об ампутации правой руки, но повезло – хирурги сумели ее спасти.

«Я в жизни не выкурил ни одной папиросы, – рассказывал Влади-

мир Николаевич в интервью. – Мне ведь, когда я мальчишкой был, предлагали не раз: попробуй, Володя! Но я всегда отказывался. Почему? Потому что уже в детстве у меня было какое-то смутное ощущение, что нельзя мне себя на это тратить, что я для чего-то важного рожден, для чего-то предназначен. Я прошел войну, семь месяцев был на передовой. Каждый день на меня

На протяжении всей жизни художник писал портреты своих земляков

Музейно-творческий центр Владимира Корбакова открыли в Вологде еще при жизни художника

«Обветшалые гнутся стропила, // И по лестнице шаткой во мрак, // Чтоб нечистую выпугнуть силу, // С фонарем я иду на чердак», – писал Николай Рубцов. Эти строки воспроизведены на картине Владимира Корбакова буквально: балансирующий на лестнице лирик водит под сводами избы керосиновым фонарем. Свет падает на одухотворенное лицо поэта – так Николая Рубцова еще никто не высвечивал.

КОРБАКОВ С КАРТИНКАМИ И БЕЗ

К 100-летию со дня рождения Владимира Николаевича Корбакова в Вологде приурочили множество мероприятий – выставки, творческие вечера, интернет-проекты. Широкий отклик у вологжан получил проект «Ожившие портреты» Вологодской областной картинной галереи. Те, кто был знаком с Владимиром Корбаковым и работал с ним, могли поделиться воспоминаниями о выдающемся вологжанине.

Оказалось, что мастера знал буквально весь город. Для многих встреча с Корбаковым стала знаковой в жизни: одному он дал ценный совет, другого поддерживал в тяжелый час, для третьего стал примером творческого долголетия и готовности к переменам и экспериментам.

Писатель, режиссер и выдумщик множества вологодских фестивалей и праздников Анатолий Ехалов познакомился с художником в середине 1970-х годов, когда устроился на работу в областную газету. Он вспоминает, что в те годы культурная интеллигенция держалась вместе. «Это было настоящее братство», – говорит Анатолий Ехалов.

Писатели, поэты, актеры, художники, журналисты крепко дружили и много общались. Самым удобным местом для сборов и творческих споров были мастерские художников. «Владимир Николаевич Корбаков был тогда в силе, в почете, – вспоминает писатель. – Но в жизни не всегда и не все бывает гладко,

Корбаковский центр дает возможность жителям и гостям города знакомиться с коллекциями художника

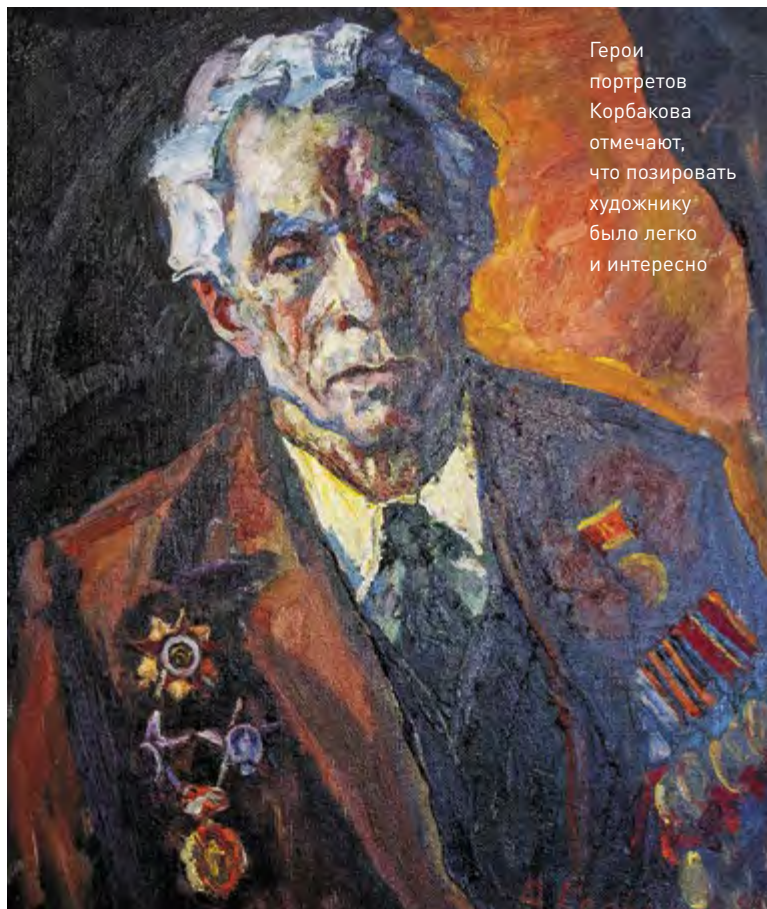
Ветераны
Великой
Отечественной
войны –
важная тема
в творчестве
Владимира
Корбакова

Владимир Николаевич пережил серьезные потрясения. И казалось, что знаменитый, могущественный, талантливый Корбаков должен был закончиться, но он возрождался, как птица Феникс. И с ним такое случилось не один раз. И для всех нас он был примером творческого и духовного возрождения».

Художника спасало творчество, которое давало ему силы. Анатолий Ехалов вспоминает, как однажды отправился с художником за грибами. «Поехали компанией, грибов и ягод было много, мы увлеченно собирали эти дары природы, – рассказывает он. – Владимиру Николаевичу было уже за 80 лет. Я держался в лесу рядом с ним, боялся, что он может заблудиться. Смотрю, а он шепчет что-то. Я поинтересовался, что он делает. А он ответил: «Я пишу стихи». Вслед за тем объявил, что влюблен и собирается жениться. Свадьбу попросил организовать Анатолия Ехалова, который провел не один десяток праздников, прогремевших на всю область. Пожелание было одно, но очень серьезное: чтобы была такая свадьба, которой не было ни у кого. А потом и стихотворный сборник подоспел – начинающий поэт на девятом десятке назвал его «Корбаков без картинок».

«В другой раз мы отмечали Новый год в моем деревянном доме, – вспоминает Анатолий Ехалов. – А такие морозы ударили, что мы вынуждены были

Герои
портретов
Корбакова
отмечают,
что позировать
художнику
было легко
и интересно

переместиться на второй этаж дома, где было теплее. Пространство там было узкое, и мы, полулежа, накрывшись одеялами, отмечали Новый год в такой вот тесноте. Владимир Николаевич был значительно старше нас, но вел себя как ребенок, был рад необычному празднованию».

СТО ПОРТРЕТОВ

Мастер кружевоплетения Светлана Шевшукова была знакома с художником более тридцати лет. «Мы познакомились в 1984 году, он тогда готовил выставку «Сто портретов», – рассказывает она. – Писал портреты современников, в основном вологжан. Среди них были его знакомые, в том числе мой отец, артист Вологодского драматического театра. Папин портрет получился просто изумительным. Но как в галерее вологодских портретов без кружевницы? Папа заикнулся, что я занимаюсь кружевоплетением, и Владимир Николаевич предложил написать портрет современной

кружевницы. Мне тогда было 18 лет, я оканчивала училище». Светлана Шевшукова вспоминает, как готовилась позировать мэтру – надела русскую рубашку, принесла свою подушку для

Пронзительную картину «Скорбящая мать» художник написал в 1970 году

кружевоплетения. «Писали долго, часа по четыре приходилось сидеть за один сеанс, а их было много, – говорит она. – Владимир Николаевич очень требовательный человек к себе и своей работе. Что-то ему не нравилось, переделывал. Позировать было сложно. Я привыкла плести быстро и энергично, а тут приходилось задерживаться. Во время работы общались, он рассказывал интересные истории, он был очень общительный и легкий человек. Он у меня спрашивал, какой момент кружевоплетения зафиксировать. А во всем остальном я его слушала – как сесть, как повернуть голову. Спустя много лет, когда Владимир Николаевич снова выставил эти портреты, я приводила дочек показать свой портрет: посмотрите, вот маму нарисовали, да не кто-нибудь, а известный художник».

Портрет ветерана
Великой Отечественной войны
Сергея Яковлевича Благонравова

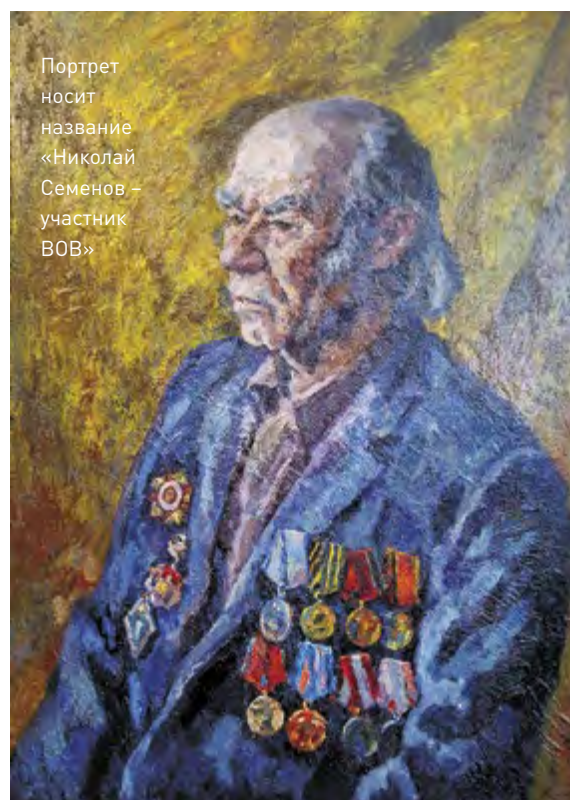
Таким предстал на портрете друга-художника писатель Виктор Астафьев

Вологодская художница Татьяна Горелышева познакомилась с мэтром в 1970-х годах. «Я занималась в изостудии при Дворце культуры железнодорожников, – вспоминает она. – Владимир Николаевич приходил к нам в студию, общался с нами, смотрел работы и советовал. Он был очень строгий, мы очень волновались, когда он приходил. Позднее я с другими молодыми художниками приходила к нему в мастерскую со своими работами. Он нас очень гостеприимно принимал, поил чаем. У него всегда были интересные люди – писатели, художники, поэты. Владимир Николаевич был очень тонким психологом, умел общаться со всеми и каждого мог разговорить. И человек при этом чувствовал себя нужным, интересным. Еще он обладал потрясающим чувством юмора, с ним всегда было весело. На одном из моих портретов его кисти я улыбаюсь, потому что он непрерывно разговаривал, что-то рассказывал, так что я чувствовала себя непринужденно».

Художник создал три портрета Татьяны Горелышевой. По ее воспоминаниям, во время

Нина Александровна Жогова во время войны была телефонисткой

сеансов позирования его шляпа и рубашка были перепачканы краской, но он этого не замечал. «Он едва касался полотна кистью, отходил, опять касался, как будто танцевал перед мольбертом, – рассказывает она. – За этим было интересно наблюдать».

Портрет носит название «Николай Семенов – участник ВОВ»

УСТАНОВКА – ДОЖИТЬ ДО 100

Геннадий Соболев более полувека руководил Вологодской областной филармонией. Владимир Корбаков очень любил музыку и дружил со многими исполнителями. Естественно, писал их портреты, стремясь разгадать и передать на холсте загадку музыкального творчества. «Первые мои встречи с ним были на ниве общественной работы, – вспоминает Геннадий Соболев. – Мы с ним были членами коллегии областного управления культуры. Владимир Корбаков высказывался о развитии культуры в области, причем не только живописи, но также музыки и других разновидностей искусства. Его волновала организация культурного пространства Вологодчины».

Вскоре директору филармонии пришлось столкнуться с культурным пространством квартиры Владимира Корбакова. Музыкант получил квартиру на втором этаже дома, и тут же вышестоящие инстанции предложили ему обменять ее на точно такую же, но расположенную на пятом этаже. Дело в том, что на пятом этаже уже год жил Владимир Корбаков, которому из-за слабого здоровья было трудно подниматься вверх.

«Но я отказывался, считая, что еще рано писать мои портреты, – вспоминает Геннадий Соболев. – Все это осуществилось гораздо позднее, в 1990-е годы, когда филармония попала в жернова тех лет и находилась под угрозой закрытия. В борьбе за филармонию объединилась вся культурная общественность Вологды и Владимир Корбаков, конечно, тоже. И мы победили».

Геннадий Соболев рассказывает, что портрет, получивший немало наград на всероссийских выставках, создавался не только на сеансах позирования, но также в многочисленных разговорах об искусстве за чашкой чая. «И это общение было очень важно для работы над портретом, – говорит Геннадий Соболев. – Я понял, что Владимир Корбаков не рисовал натуру, а создавал образ, характер».

Во время одной из встреч художник показал другу незавершенный автопортрет, на котором Владимир Корбаков взлетает над Вологдой на воздушных шариках. В полет он взял с собой икону, горящую свечу, российский флаг, старую жестяную кружку, будильник и старый якорь. «Я ему сказал в шутку: мол, ты поэт женской красоты, и на картине не хватает женщины-музы, – вспоминает Соболев. – Он со мной согласился, и на полотне появился женский образ».

По словам Геннадия Соболева, всех, кто сталкивался с Владимиром Корбаковым, поражали его работоспособность и творческий азарт. Он никогда не останавливался, всегда уходил в работу с головой, вел и обдумывал несколько проектов одновременно. «Он сказал мне, что дал себе установку дожить до 100 лет, – вспоминает музыкант. – И не просто дожить, а сохранить силы для творчества. Жить для него означало творить. В его словах была такая убедительность, что я был уверен – мы отметим его 100-летие».

Юбилей художника отмечает вся Вологда. Он до сих пор самый известный и народный для своих земляков. 🎨

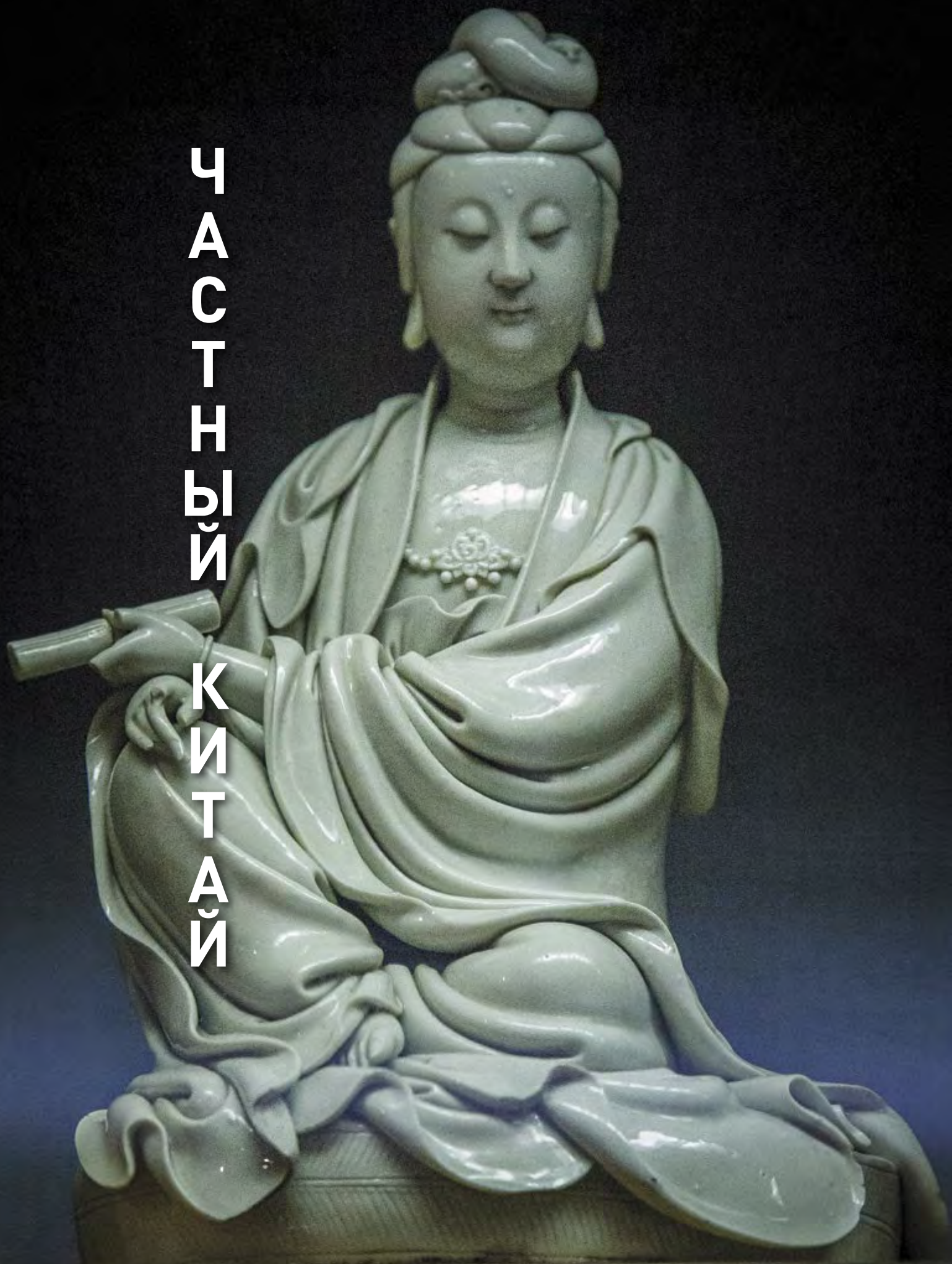
«Меня поразила отделка его квартиры, – вспоминает Геннадий Соболев. – Например, кухня была обита неошкурным горбылем. Из всей атрибутики бросались в глаза старая лампа и старинная икона. Я уже в те годы почувствовал, что Владимир Николаевич большой знаток древнерусской живописи, он хорошо понимал ее красоту и ценность». Работали они хотя и в разных культурных пространствах, но сталкивались очень часто на выставках и концертах. И художник частенько предлагал музыканту написать его портрет.

Владимир Корбаков пошел на войну добровольцем, в сражении под Москвой был тяжело ранен

Натюрморт был одним из любимых жанров разностороннего художника

Ч
А
С
Т
Н
Ы
Й
К
И
Т
А
Й

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ОСНОВУ КИТАЙСКОГО ЗАЛА МУЗЕЯ ВОСТОКА В МОСКВЕ СОСТАВЛЯЮТ ДВОРЦОВЫЕ И ЧАСТНЫЕ СОБРАНИЯ. ПРЕДМЕТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЩУКИНА И ИЗ МУЗЕЯ БЫВШЕГО СТРОГАНОВСКОГО УЧИЛИЩА. ЭКСПОНАТЫ ИЗ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ, МУЗЕЯ НАРОДОВ СССР, ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ И ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ. ДАРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА КНР И НАЙДЕННОЕ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЯХ. КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ ИСКУССТВА КИТАЯ – САМАЯ БОЛЬШАЯ В МУЗЕЕ НА НИКИТСКОМ.

Л ИШЬ ЯРКИЕ АФИШИ на стенах подсказывают, что внутри особняка на Никитском бульваре бушует азиатская экзотика. В остальном – это любимая московская охра с белыми колоннами. Москвичам особняк известен как Дом Луниных – главный корпус городской усадьбы XIX века.

История Дома Луниных начинается в первой половине XVIII века. К 1787 году архитектор Елизаветы Назаров строит на этом месте для князей Путятиных трехэтажный особняк. В 1802-м дом и землю Путятиных покупает дядя декабриста Михаила Лунина – генерал-лейтенант Петр Михайлович Лунин. В московском пожаре 1812 года усадьба почти полностью выгорела, и в 1814-м здесь начинается

новое строительство. К концу 1818 года завершён двухэтажный флигель со вспомогательными постройками, а в следующие три года главный дом усадьбы отстраивается по проекту швейцарца Доменико Жилярди. В 1821 году здание переходит Коммерческому банку, который благополучно обитает в нем до революции 1917-го. Музей Востока был создан в 1918 году при Народном комиссариате просвещения под названием Ars Asiatica и сначала располагался в здании Исторического музея, а затем – Вхутемаса. В 1925-м он стал Музеем восточных культур и вскоре переехал в каменный терем коллекционера Ивана Цветкова на Пречистенской набережной, а в 1929 году перебрался в бывшую

церковь Ильи Пророка на Воронцовом Поле. До 1990-го музей просуществовал под названием Музея искусств народов Востока. В здании у Никитских Ворот он осел в 1984 году.

В полумраке в нишах вдоль стен стоят ряды экзотических экспонатов. Их линии плавны и текучи, их детали подробны и точны, оттенки сложны, а описания на этикетках звучат как строки из поэмы и философских трактатов. Подставка для кистей в виде горной гряды из граненого хрусталя XVIII века; расписанная эмалями фарфоровая ваза «Драконы, фениксы и цветы в вазах» XVI века; статуэтка «Лодка с бессмертными и гениями» XVIII века, вырезанная из корня дерева; деревянный бодхисатва на цветке лотоса с мухогонкой – атрибутом даоса периода Сун (X–XIII); шелковый вышитый ко-

Музей Востока расположен в особняке XIX века в стиле московский ампир. Архитектор Доменико Жилярди

Ваза. Период Ваньли (1573–1620). Фарфор, подглазурная роспись кобальтом и надглазурная роспись эмалями и железной краской в технике уцай

шелек с изображениями цветов сливы начала XIX века... Зал искусства Китая Музея Востока, несмотря на свои относительно небольшие размеры, дает внимательному взгляду представление о духовном мире и эстетических предпочтениях знатного жителя древней империи.

Здесь можно выбрать разные маршруты. Один позволит узнать уходящую на тысячелетия в прошлое историю Китая: за основу экспозиции взят хронологический принцип. Можно сосредоточиться на изучении разных видов искусств – лаковой миниатюры, росписи по фарфору, костяного и камнерезного искусства. А можно изучать, как отражалась в вещах духовная жизнь Китая – от языческих культов до даосских, конфуцианских и буддийских практик. Но сквозь эти традиционные способы организации экспозиции

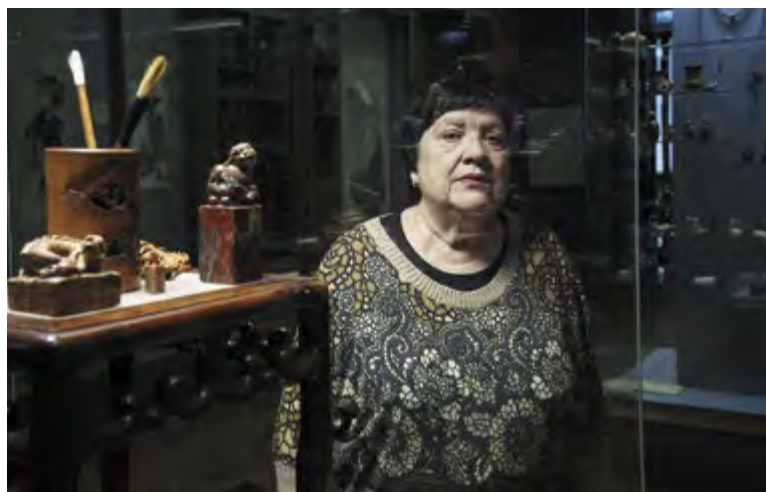
Коллекция китайского зала – самая большая в музее

проглядывает иная логика – биографий, личных выборов.

Среди пестрых по своему происхождению экспонатов китайского зала особо выделяются три частных собрания – Дмитрия Михайловича Мельникова, Сюдо Садаму и Владимира Семеновича Калабушкина.

Именно с путешествий по следам этих коллекционеров советуем начать осмотр экспозиции наш проводник по тропам китайского искусства – заведующая отделом искусства народов Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании Лариса Ивановна Кузьменко.

Лариса Ивановна Кузьменко, заведующая отделом искусства народов Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании

ЧАЙ И ФАРФОР

Дмитрий Михайлович Мельников был известным русским коллекционером. Родился он в 1864 году в Забайкалье, а в 1886-м в должности бухгалтера чайной компании «Токмаков, Молотков и компания» был направлен в Китай. Головная контора предприятия располагалась в Ухане – центре чайной торговли. Прослужив в компании 35 лет, Дмитрий Михайлович остался в Китае, где в общей сложности провел более шести десятилетий. Все это время он, по собственным словам, занимался коллекционированием «редкостей китайской культуры». Мельникова знали антиквары многих городов Китая, он пользовался большим уважением как знаток и любитель местной старины. В 1949 году Мельников вернулся в Россию и привез с собой свою большую коллекцию. Наследие Мельникова, доставшееся Музею Востока, насчитывало около 1500 произведений: мелкая каменная скульптура, нефритовые и керамические статуэтки периода Хань (III век до н.э. – III век н.э.), фарфор, лаки, эмали и слоновая кость... Распространение моды на Китай в Европе началось в XVII веке

и было связано с деятельностью Голландской Ост-Индской торговой компании. В это время европейцы пытаются обосноваться в Китае, торговля с которым сулила немалые барыши. Так в Европе появляются экзотические азиатские товары, вызвавшие всплеск интереса к фарфору, шелку, мебели – высокохудожественным вещам, дарующим эстетическое наслаждение и при этом выполняющим вполне бытовые задачи. Появляются в Европе и товары из Японии, хотя она была еще закрыта для «белого» человека (свои границы Страна восходящего солнца открывает лишь в 1868 году. – Прим. авт.). К концу XIX века интерес к Китаю и Японии по-прежнему велик. После завершения в 1860 году Второй опиумной войны китайцы смягчили ограничения для въезда иностранцев. В Китай поехали европейцы – коммерсанты, инженеры, археологи, а пред-

Группа ваз
с монохромными
глазурями.
XVIII век.
Фарфор, глазурь

меты искусства обеих стран заняли почетное место в «китайских кабинетах» и парадных покоех особняков.

Изначально экзотические товары везли из Китая морским путем шесть-семь месяцев: корабли шли в Европу, огибая Африку. Первая остановка – Лиссабон, затем – Амстердам, откуда произведения дальневосточного искусства развозят по странам Европы, в том числе и в Россию. К концу XVII – XVIII веку у России складываются собственные отношения с Китаем, теперь товары везут караванами напрямую – через Южную Сибирь.

Китайским фарфором интересовался еще Петр I, в коллекции музея хранится фарфоровая аптекарская банка петровских времен с императорским двуглавым орлом. По распоряжению царя в столице открылось несколько аптек, которые нужно было снабжать посудой, и Петр I заказывает в Китае партию фарфоровых аптекарских банок. Хранящийся в музее экспонат XVII века – одна из таких покупок.

В начале XIX века коллекционирование европейцами декоративно-прикладного искусства

Китая стало более целенаправленным. Наибольшую популярность приобрело коллекционирование китайского фарфора, мелкой нефритовой скульптуры, бронзы. Все это было в коллекции Мельникова. Изюминка его собрания – алые, желтые, голубые табакерки из агата, нефрита, стекла, бамбука и фарфора, расписанные синим кобальтом и красным железом. Но все же не табакерка стала самым известным артефактом коллекции Мельникова.

Чайник. XVIII век.
Металл, роспись в стиле
«розового семейства»

ТРЕХЛАПАЯ ЖАБА

Изъеденная временем белесая голова, выглядывающая из полумрака ниши, обратит на себя внимание разве что загадочной улыбкой и надменным прищуром узких глаз. Чтобы разглядеть ее главную тайну, надо знать, где искать: на макушке скульптуры периода Хань (III век до н.э.) притаилась маленькая терракотовая жаба. У нее три лапы – две спереди, а одна, длинная, хвостом спускается по затылку. По даосским верованиям, жаба – обительница Луны. Три ее лапы соответствуют числу Неба, которому по древней символике даосов соответствовали нечетные числа. Земля же – плодородна, все на ней начинается с пары, и ее числа четные. Голова в нише принадлежит даосскому святому Хоу Сяню, небесная трехлапая жаба – его вечная спутница. По одной из легенд, земноводное в прошлой жизни было разбойником Чань Чу, который убивал каждого на своем пути. Он осмелился напасть на низших божеств, те обратились за защитой к Будде. Учитель наказал Чань Чу, превратив его в жабу, и забрал одну из лап. Теперь, замаливая грехи, Чань Чу пытается помочь людям разбогатеть – китайцы считают его изображение символом богатства.

Голова даоса с трехлапой жабой. Период Хань (206 год до н.э. – 220 год н.э.). Керамика, раскраска

ЯПОНЕЦ, СПАСШИЙ ГОРОД

Еще один коллекционер, собрание которого легло в основу дальневосточных залов музея, – Сюдо Садаму. Возглавлявший в 1930-е годы Торгово-промышленную палату Японии Садаму был тонким ценителем японского и китайского искусства. К началу 1940-х годов он обладал весьма ценным собранием, на

Блюдо «Дракон и феникс». Период Ваньли (1573–1620). Фарфор, роспись кобальтом, железной краской и эмалями

основе которого собирался создать императорский музей в Даляне. В этом бывшем русском городе Дальнем японцы, оккупировавшие Китай во время Второй мировой войны, хотели построить императорский дворец и создать при нем музей. Но в сентябре 1945 года Далянь освободили советские войска. Сюдо Садаму продал коллекцию представителям Советского Союза, а взамен голодающий Далянь получил продовольствие. Япония признала законным акт передачи коллекции, и в 1947 году она поступила в Государственный музей восточных культур. В 1960-м часть ее по приказу Министерства культуры СССР перераспределили между музеями 19 городов. Сегодня в Музее Востока хранятся 484 предмета из коллекции Сюдо Садаму. Круг интересов Садаму был разнообразен, но в китайском зале особого внимания заслуживают керамика и фарфор VII–XVIII веков. «Коллекцию Сюдо Садаму в ее китайской части составляют произведения, которые больше соответствуют вкусам не европейцев, интересующихся броской восточной экзотикой, а японцев с их вниманием к ваби-саби – «скромной простоте», соединяющей внутреннюю силу с сархаичностью, – объясняет

Ваза. X–XIII века. Керамика, покрытие глазурью серовато-зеленого цвета, тип лунцюань

Домик для сверчка.
XIX век. Сушеная
тыква

Крышечка дома
для сверчка.
XVIII век.
Рог носорога,
резьба

Вместе с Калабушкиным в командировку поехала его жена – Ольга Марковна Гурьян. Именно она заразила мужа любовью к Китаю. Супруги начали собирать коллекцию местного антиквариата, причем продолжали это делать и после возвращения в СССР. Ольга Марковна умерла в 1973 году. Владимир Семенович пережил ее на два года и перед своей смертью принял решение передать коллекцию в дар Музею Востока.

Помимо скульптурных брелков-нэцке и художественных деталей японского оружия значительную часть собрания Калабушкина составлял китайский фарфор. Фарфоровая ваза XVI века с четырьмя разноцветными драконами в технике уцай, где подглазурный кобальт дополнен надглазурными полихромными красками – зеленой, желтой, красной; печатать с двуглавым львом и драконами по бокам с именным иероглифом «Калабушицин»; кубок гу, относящийся к II тысячелетию до н.э., и редчайшие нефриты V–III веков до н.э. – все они попали в витрины музея из калабушкинской коллекции.

Но самые интересные экспонаты из собрания Калабушкина ждут от

Лариса Ивановна. – Эстетический подход ваби-саби описывает красоту несовершенного, мимолетного или незаконченного. Коллекции Сюдо Садаму посвящена одна из витрин китайского зала: керамическая чаша XI века в голубой глазури с потеком, выполненная в технике цзюнь; ваза селадонного оттенка с фигуркой дракона на оплечье периода Сун (960–1279); белая ваза с едва заметным оттенком «зеленой дымки» с изображением всадника, нарисованного коричневым пигментом (период Юань, 1280–1368 годы). Все неочевидное, неявное, в полутонах. Выбор Сюдо Садаму заметно отличается от предпочтений еще одного коллекционера, без которого был бы невозможен Зал Китая Музея Востока, – Владимира Семеновича Калабушкина.

ТЫКВЕННЫЙ ДОМ ДЛЯ БОЕВОГО СВЕРЧКА

Владимир Калабушкин окончил реальное училище в 1918 году, затем поступил в Горную академию, где проучился до 1927 года. Следующие десять лет он проработал на заводе им. Фрунзе, занимая различные должности, связанные с цветной металлургией. В 1937 году Калабушкин стал преподавать в Московском институте цветных металлов и золота. А в 1949-м его пригласили в Китай – помогать в становлении национальной металлургической промышленности. Там он прожил почти десять лет.

Парные вазочки
в форме кубка гу.
XVIII век.
Фарфор, роспись
эмалью в гамме
«зеленого
семейства»

посетителей умения разгадывать загадки. Овальные золотистые сосуды покрыты тонкой чешуей рисунка и рельефными изображениями и больше напоминают античные вазы. Только знаток народных традиций Китая опознает в них крохотные тыквы и угадает назначение. Перед нами – домики для сверчков.

Подобно тому как в Турции устраивали тараканьи бега, в Древнем Риме – петушиные бои, а в Англии сравливали собак, в Китае с X–XI веков сводили в схватке боевых сверчков. На тотализаторах игроки просаживали и сколачивали состояния, совершали самоубийства и в одночасье становились богачами. Поэтому сверчков-победителей холили и лелеяли. Летом их держали в маленьких клетках. Но зимой сверчки в них могли замерзнуть, поэтому заслуженного бойца помещали в домик-тышковку. Подобный обычай сложился сам собой: как правило, насекомых ловили на огородах и прятали их в то, что попадалось под руку. Маленькие тыквы оказались для этого очень удобными. Плод вычищали, высушивали, держали там сверчков – и постепенно превращали в произведение искусства.

Вот в витрине Музея Востока стоит тыква с рельефом басынь, где изображено восемь «бессмертных гениев» – даосских святых, обладавших чудесными способностями, к примеру избавлять от болезней или летать на журавлях. При этом плод тыквы не подвергали обработке резцом, она «украшала» сама себя. На завязь плода надевали керамическую болванку, изнутри которой был выбит контур-рельеф, и тыква росла, заполняя его своей мякотью. Сушеные тыквы закрывали красивыми ажурными крышечками, напоминающими костяное кружево, иначе сверчок мог задохнуться. Для удобства маленького бойца сосуд внутри дополняли керамическим пандусом – с него сверчок мог смотреть вверх, чтобы при переноске с места на место у него не поднималось давление.

Скульптура бога войны Гуаньди.
Период Канси (1662–1723).
Фарфор, надглазурная роспись эмалями в гамме «зеленого семейства»

РАСКОПАННЫЕ МОГИЛЫ

Если музейного работника будет интересовать, как экспонат оказался в коллекции, то для обычного посетителя Зал Китая – рассказ об истории и искусстве страны. Поэтому артефакты значительной части экспозиции размещены по историческому принципу. История Китая пред-

ставляет собой череду династических периодов. В разделе искусства Древнего Китая представлены произведения четырех периодов: Шан (XVI–XII века до н.э.), Чжоу (XII – V века до н.э.), Чжаньго (V–III века до н.э.) и Хань (206 год до н.э. – 220 год н.э.). С рассказа о них и начинается маршрут.

В первой витрине представлены произведения древнекитайского искусства. Хотя часть древних сосудов попала в коллекцию из дворцовых хранилищ, большин-

ство экспонатов в этой витрине имеет сходное происхождение: это погребальные принадлежности. Бронзовые сосуды клали в погребение, реки и дожди размывали старые могилы, люди строили дома, прокладывали дороги, осыпались холмы и овраги, и все это обнажало захоронения. Бродяги, крестьяне, воины, ремесленники, случайно обнаруживавшие их, вынимали самые ценные, на их взгляд, вещи и продавали на базарах деревень и городков. Так случайные находки вводились в культурный оборот и оседали на полках коллекционеров. В витрине выставлены нефритовые фигурки-обереги из коллекции Мельникова. Рядом стоит треножник дин для подогревания жертвенного мяса (Шан, II тысячелетие до н.э.), который попал в музей из коллекции Сюдо Садаму. Наследие Владимира Калабушкина – погребальные диски би периода Чжаньго и сосуды цун того же периода. Древние китайцы, еще не исповедовавшие конфуцианство, даосизм и чань-буддизм, руко-

Тигр.
I–III века н.э.
Керамика, роспись

Кабинет
ученого.
1644–1912 годы

Можно мешать смоле железной лопаткой, лак при этом будет окисляться и приобретет черный цвет. Но самая надежная краска, способная удержаться в смоле – красная киноварь. Содержащий ее серебристый шарик ртути смертельно опасен, но именно в нем просвечивают красные, будто кровь, прожилки пигмента.

Красные колонны китайских храмов тоже окрашены киноварью. Люди знали о способности лака защищать дерево от разрушения и использовали его в строительстве. А резьба по лаку позволяла создавать произведения искусства. При этой технике на древесину наносят от 30 до 100 слоев лака, по образовавшейся толстой корке режут узор так, что резьба не задевает деревянную основу.

На соседних стеллажах стоят изделия, украшенные перегородчатой и расписной эмалью. Если расписную эмаль просто наносили на металлическую основу, то при технике перегородчатой эмали по рисунку ставили на ребро тонкие ленточки, а образовавшиеся пустоты набивали «мокрым» стеклом. Вещь ставили в печь, эмаль плавилась, заполняла отсек, и он становился частью общего рисунка. После этого изделия шлифовали,

а края перегородок покрывали золотом. Среди предметов, созданных в технике перегородчатой эмали, стоит еще одна гордость музея: слон на спине несет вазу, наполненную неким волшебным напитком (XVIII). Перегородки воссоздают на поверхности скульптуры рисунок шкуры животного.

Ваза. XV век. Дерево, красный и черный лак, резьба

водствовались в ритуалах погребения традиционными народными верованиями. Они полагали, что нефрит предохраняет тело от разложения, поэтому клали на грудь и под спину усопшему диски из этого камня. В витрине лежит такой зеленоватый диск, покрытый кольцами иероглифов. Диск символизировал Небо, которое китайцы представляют в форме круга. В живот усопшего зашивали квадратный ритуальный сосуд для вина – цун. Тело усопшего в Китае не только снабжали оберегами, но и ориентировали по сторонам света. Голова указывала на север, около нее клали фигурку черепахи со змеей. В ногах помещали алую птицу из красного нефрита, с западной стороны – фигурку белого тигра. Дракона или нефритовый жезл, подобный тому, что попал в музей из коллекции Калабушкина, клали в могилу с восточной стороны. Чтобы умерший не разжимал руку, в кулак ему могли вложить керамического кабаника – такой тоже стоит в музейной витрине. В рот усопшему помещали символ телесного возрождения – нефритовую личинку цикады. В Музей Востока этот экспонат также попал из коллекции Калабушкина.

КРАСНЫЙ ЛАК, ЦВЕТНАЯ ЭМАЛЬ

Отдельные витрины зала посвящены двум важным декоративным искусствам Китая – резьбе по красному лаку и глазурной росписи. Они так и стоят рядом, демонстрируя богатую палитру цветов: покрытые лаком шкатулки, ящички, сосуды, коробки для чая винных, кирпичных, гранатовых оттенков и глазурованные чайники, вазы, блюда, расписанные лазурью, солнечно-желтым, изумрудно-зеленым, ярко-алым...

Традиция искусства дальневосточного лака идет из глубокой древности. Покрывающий древесину лак – это застывшая смола лаковых деревьев, лучшие из которых растут на юге Китая и севере Вьетнама. На стволе дерева делают надрез, вытекающую смолу собирают и выдерживают полгода. Естественный, коричневый цвет лака не слишком выразителен. Чтобы сделать его красивее, лак окрашивают. Однако чистый лак окрашивается плохо. Можно смешать с ним золотую пудру и получить клейкую позолоту.

УЧЕННЫЕ И КАЛЛИГРАФЫ

В стеклянной витрине в центре зала – элементы кабинета ученого периода Цин (1644–1912). Две деревянные консоли украшены по бокам ажурными решетками, похожими на иероглифы. На верхней консоли стоит зеленая, покрытая гравировкой доска с причудливыми пятнами золотого лака. Это – нефритовый экран. Экраны были неотъемлемым элементом стола ученого: о его поверхность отжимали лишнюю тушь с кисти, прежде чем прикоснуться ею к бумаге. Впоследствии формы экрана сохранились в драгоценных настольных украшениях. Золотистый стакан из резного бамбука «Семь мудрецов в бамбуковой роще» предназначался для больших кистей. Писали ученые и каллиграфы большими и маленькими кистями, но даже кисть величиной с малярную в умелой руке должна была оставлять линию толщиной в волос.

Тушь разводили в специальных тушечницах (одна из них – малахитовая, в форме листа лотоса – представлена в витрине), а кисти промывали в сосудах для воды. Например, в таком, как стоящий рядом нефритовый сосуд в форме персика. Чтобы дать бумаге высохнуть, ее зажимали по углам прессами – на столе есть малахитовый пресс в виде трехлапой жабы, глаза которой сделаны из оранжевых кораллов. Рядом прилегла такая же жаба-пресс, вырезанная из двухслойного агата. Еще один угол зажимается нефритовым прессом в виде обезьяны с пальчатым тритоном.

Чтобы рука ученого не уставала во время письма, она покоилась на резной, красного лака, деревянной подставке. Также ученый мог размять пальцы, перебирая различные шары, один из которых – из сушеной тыквы, покрытый столбцами иероглифов – представлен в витрине. Завизировать письмо можно было личной печатью: вот одна из них, сделанная из мыльного камня, стоит на столе. Ее украшает лев, играющий мячом.

Набор ритуальных сосудов. Период Тан (618–907). Керамика, трехцветная поливная глазурь сань-цай

Шкатулка для хранения специй в кантонском стиле. XIX век. Дерево, черный лак, роспись золотым лаком

КИТАЙСКИЕ СОСЕДИ ИВАНОВСКИХ СИТЦЕВ

Самая яркая витрина зала, пожалуй, та, где хранятся костюмы. Датируются они в основном XIX веком: ткань плохо сохраняется, и даже в Китае экземпляров древней одежды не так много. Лазурный халат с темно-розовыми пионами, красными тыквами и летящими птицами-фэнхуанами; алый халат с золотыми драконами среди стилизованных синих облаков – китайско-маньчжурский костюм легко опознается по косому вороту. Красный халат принадлежал чиновнику, синий носила богатая женщина. Китайские костюмы попали в Музей Востока в 1930-е годы из Иваново-Вознесенска (ныне – Иваново). В этом центре текстильной промышленности дореволюционной России был богатый музей ткацкого искусства. Среди его экспонатов хранились и образцы тканей и одежды, которые привозили из Китая русские промышленники.

Купец Петр Иванович Шукин изучал текстильное дело во французском Лионе. Он несколько лет проработал там ткачом и, вернувшись на родину, стал не только крупным торговцем, но и коллекционером тканей. И хотя он увлекался прежде всего ткацким искусством Турции и Ирана, но в его коллекции были и потрясающие ткани китайского происхождения, которые сегодня входят в коллекцию Музея Востока.

Одна из витрин музея посвящена периоду династии Тан (618–907). Как раз в это время возобновляется Великий шелковый путь, проложенный еще в эпоху династии Хань (206 год до н.э. – 220 год н.э.). Верблюды и лошади, без которых невозможно было путешествовать и перевозить грузы, играли важную роль в жизни китайцев, поэтому в витринах музея можно обнаружить их фигурки, сделанные из камня, дерева, фарфора. Еще одна витрина представляет предметы буддийского культа. Буддизм в Китае распространяется в первые века нашей эры, когда в стране процветают даосизм и конфуцианство, к VI веку он становится государственной религией. Фигуры в витрине – буддий-

Настольное украшение в виде древнего ритуального гонга. XIX век. Дерево, нефрит, резьба

ские божества. По соседству с фигурой Будды стоят бодхисатвы – просветленные, отказавшиеся уходить в нирвану, чтобы спасти всех живых существ. Вот, например, редкая храмовая деревянная скульптура XII века бодхисатвы Авалоки-тешвары. Собранные в витрине скульптуры бодхисатв сделаны в разные века, но в одной технике. Бронзовая скульптура бодхисатвы Гуань Инь (милосердие) XIV–XV веков соседствует с фигурой бодхисатвы из позолоченной бронзы, стоящей на цветке лотоса (XIII). Рядом потемневший от времени бронзовый бодхисатва Вэньшу (мудрость) с пылающей жемужиной в руке восседает на лотосовом троне, поставленном на льва (XII).

НЕФРИТ И КОСТЬ

Продолжает экспозицию витрина изделий из камня. Розовый кварц, горный хрусталь, синий лазурит, который везли из Горного Бадахшана, но больше всего здесь прозрачно-зеленого нефрита, лучший из которого добывали на отрогах Саянских гор. Сосуд для воды нежнейшего оттенка из розового кварца (XVIII); настольное украшение из зеленоватого мыльного камня «Белки в винограде», где на листе вырезана каждая жилка (XIX); нефритовый травянисто-зеленый чайник с изображением свернувшегося дракона на крышке (XVIII). Нефрит, имеющий в природе 30 оттенков, был в Китае самым дорогим камнем. В погребениях китайской знати находят фигурки из нефрита, богатые дома украшала нефрито-

Кофта женская. XIX век. Шелк, вышивка гладью и узелковым швом

вая посуда, а богатые храмы – нефритовые фигурки богов. Изделия из еще одного традиционно ценимого в Китае материала представлены в центральной витрине. Резные изделия из слоновой кости. Основными центрами этого ремесла были Пекин, Шанхай и Гуаньчжоу. Перед зрителем, разглядывающим эти прихотливо вырезанные фигурки, разворачиваются сюжеты китайских мифов. Вот закутанный в длинные одежды даосский святой Дунфан Шо. По преданию, он украл у хранительницы источника и плодов бессмертия, богини Си-ван-му, волшебный персик, за что был изгнан с Небес. Рядом с ним – один из Восьми Бессмертных в даосском пантеоне, Чжунли Цюань, который держит в руке веер, способный оживлять мертвых. А вот визитница «Ученое собрание в саду», покрытая как кружевом прихотливой резьбой...

Стакан для кистей с дворцовыми сценами. XIX век. Слоновая кость, резьба

«Какая главная особенность китайской цивилизации?» – спросила я Ларису Ивановну, завершая наш разговор. «Если сравнить ее с цивилизациями Междуречья и долины Нила, китайская – не самая древняя. Однако она никогда не прерывалась. Китайцы не отказываются от своего прошлого, а бережно сохраняют его. Эта непрерывность и есть главная цивилизационная черта Китая».

СОЗВЕЗДИЕ ЛЕКАРЯ

АВТОР

НАТАЛЬЯ РАЗУВАКИНА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

...НА НЕГО ОБЫЧНО ОГЛЯДЫВАЮТСЯ ПРОХОЖИЕ. А ОН ШАГАЕТ – БОЛЬШОЙ, СПОКОЙНЫЙ – И НЕ СМОТРИТ НИ НА КОГО, ОЧКИ ПОБЛЕСКИВАЮТ, В РУКЕ – НЕИЗМЕННЫЕ ЧЕТКИ. ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННО ШАГАЕТ, УВЕРЕННО, И ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА – ВСЕГДА ОТРЕШЕННО-РАДОСТНОЕ, БУДТО ОН ЗНАЕТ ВЕЛИКУЮ СВЕТЛУЮ ТАЙНУ... ВСТРЕЧАЯ ЗНАКОМОГО, ВПРОЧЕМ, ОН МГНОВЕННО ОЗАРЯЕТСЯ ШИРОКОЙ УЛЫБКОЙ, ИСКРЕННЕЙ И ДЕТСКОЙ.

ОН МОГ БЫ ИГРАТЬ доброго волшебника и мерить вот так шагами любую страну, ведь сказка нужна всем.

Еще полтора года назад Ян жил в Голландии, сейчас – в России. А путь все тот же: из дома до монастырских стен, из храма – снова домой, в тайную комнату, где...

Но давайте по порядку.

Ян ден Бисен – уникальный книжный доктор, переплетчик и реставратор книг высочайше-

го класса, в прошлом католический монах – поселился летом 2021 года в старинном русском городе Переславле-Залесском, где вполне счастлив с женой и ребенком, где сын его, школьник, трудится в алтаре Введенского храма древнего Феодоровского монастыря, а местные прихожане привычно кивают при встрече: «Здравствуй, Ян!» Что за великие потрясения заставили человека так круто изменить и веру, и судьбу?

Ян дарит вторую жизнь книгам, первых читателей которых давно уже нет на земле

«СЮДА ПРИБЫЛ ЦАРЬ МОСКОВИИ»

Ян был младшим ребенком в семье, четвертым сыном. Родив его, мать начала стремительно слепнуть, и все заботы по дому четко выполнялись мужчинами. Мама перед иконами (огонек лампы она еще какое-то время видела); мама в большом кресле с нитью четок в руках; мама перебирает пожелтевшие страницы молитвенника, глядя куда-то вверх

В домашней мастерской Ян проводит главные часы жизни, и потому на стенах здесь – не только ряды инструментов, но и лики святых и фотографии родных лиц

страниц... И каждое воскресенье всей семьей в церковь. И без молитвы за стол не сяди-лись. И много, много забот... В школе Яна считали странным, вышучивали порою зло и обидно, но он не обижался – не умеет, да и некогда было. Все самое главное происходило дома. Семья была дружной. Жили единой командой: и в трудах вместе, и в праздники само собой! Однажды Яну подарили на день рожде-

ния набор юного переплетчика – самый обычный, что-то из серии «Сделай сам». «О, это был великий день!» – вспоминает Ян. Назовите как угодно – большой старт, благословение в профессию или даже инициация, но волшебник получил волшебную палочку. Тогда, в 14 лет. А жила семья в Маастрихте – одном из самых старых городов Нидерландов, основанном еще во времена Римской империи.

Город, название которого означает буквально «дорога вдоль Мааса» – местной реки, красив узнаваемо, по-андерсеновски: остроконечные крыши, большой каменный мост... Много позже, впервые посетив Россию в 2008 году, Ян изумится, увидев точную копию главной ратуши своего родного города в Троице-Сергиевой лавре. Существует предание, что царь Петр по-русски широко гульнул летом 1717 года в ратуше

Маастрихта, а вернувшись на родину, велел построить здесь точно такую же, на память, в качестве одной из угловых башен лавры. Скорее всего, это не так. Да и русские архитекторы XVII века активно пользовались изображениями голландских зданий, возводя весьма похожие – в камне. И знаменитая Уточья башня лавры была построена еще до визита Петра в Голландию. Но как бы то ни было, поразительная похожесть двух башен была расценена Яном как знак свыше.

Кстати, на одном из домов Маастрихта до сих пор есть надпись на латыни: «Сюда прибыл царь Московии». Много раз ходил мимо юный Ян, и на секунду не предполагая, насколько тесно связанной с Москвией окажется его собственная жизнь. Ходил... в монастырь. У его наставника и старшего друга, монаха Лаврентия, было пять помощников из чис-

ла монахов и один юный, самый въедливый ученик. Яну, совсем мальчишке, доверяли средневековые фолианты, работе с которыми он обучался кропотливо и благоговейно. Пока сверстники смотрели кино, дрались, влюблялись, гоняли мяч и пробовали недо-зволненные взрослые радости, волшебник постигал ремесло.

ИЗ ДОМА В ДОМ

...Мы сидим в уютной гостиной светлого переславского дома Яна и Ольги. На широком столе – простое овсяное печенье: пост. Ян лучисто улыбается и мне, и неугомонному котенку, недавнему монастырскому подкидышу, а на мои вопросы отвечает в основном Оля: русский для отца семейства пока еще слишком сложен.

Реставрация книг и хаос – вещи несовместимые, и потому жизненное пространство Яна немислимо без чистоты и порядка

Мама, папа, бабушка... Смотрят голландцы с портретов на узкую улочку древнего русского городка

Каждый день начинается в этой семье с молитвы, ею и заканчивается. Каждый Божий день

Застать в будни всю семью в сборе – дело сложное

«Но как же вы решились в столь юном возрасте принять постриг, в 18 лет? Вы помните сам момент принятия решения?» – спрашиваю я.

Ольга переводит, а Ян лишь молтит головой, смеясь: нет, не помнит! «Да не было никакого момента, – храм, мастерская, службы, отец Лаврентий, ничего не изменилось в жизни по сути, тем более и брат его старший уже в том монастыре был, – поясняет жена, – он

просто из одного дома в другой перешел!»

И потекла монашеская жизнь, в которой любимому делу – лечению древних книг – приходилось уделять не так много времени, как хотелось бы. Задания-послушания у Яна были такие же, как и у всех: работа на кухне, работа в саду... день за днем, 14 лет подряд. Интересно, что в годы Второй мировой войны на территории этого бенедиктинского монастыря немцы

построили барак для советских военнопленных и занимались те ровно тем же самым – работой на кухне, работой в саду... Еще одна ниточка, связывающая Яна с Россией? Но нет, конечно. Потому что ниточкой этой – нитью, канатом – явилась вера и... русская жена.

Медсестра Ольга приехала в Нидерланды по работе и осталась там жить. С Яном, к тому времени уже покинувшим монастырь из-за неприятия нового настоятеля (тогда в мирскую жизнь вернулась едва ли не половина насельников. – Прим. авт.), познакомилась случайно, через друзей. А темы общие нашлись моментально: Ян, горячо заинтересовавшийся православием как более живой, чем католичество, христианской традицией, с большим почтением относился к Силуану Афонскому – русскому святому, столь любимому Ольгой. Разговорился... Расставаться показалось противоестественным. Именно с ней, с Ольгой, впервые переступил Ян порог православного храма. Именно в России. И обвенчались они по православному обряду. А потом Ян и сам в православие перешел. И снова «не было какого-то мучительного принятия решения, не было выбора, все само, естественно...».

Но самое естественное для Яна – это его дело, реставрация книг. «Я ехал в Россию и думал: Господи, а как же работа?! Кому я там нужен?» Но не прошло и двух недель – и оказалось, что нужен, и еще как! В Библиотеке иностранной литературы в Москве о технологиях, которыми владеет Ян, и понятия не имели, заливали канцелярским клеем редчайшие старые издания, иногда в единственном экземпляре сохранившиеся. И вот – позвонили голландцу. О нем, о его переезде в Переславль-Залесский сарафанное радио рассказало. Точнее – соцсеть. А ведь могло и не рассказать! Но нет, случайностей в жизни волшебников не бывает: коль уж зажглась путеводная звездочка над ним в 14 лет, то так и ведет.

«НОСТАЛЬГИИ – НОЛЬ!»

Кстати, о звезде. Ян с Олей привезли из Голландии два флюгера – ангела-трубача и рождественскую звезду. Звезда была у ворот их нидерландского жилища, она же глядит теперь с высокого шеста на узенький проулок Переславля-Залесского. Смастерил ее Ян вместе с Данией, 12-летним сыном. Да и на переезд в Россию он вряд ли бы решился, если бы не Даниил... Сбивчиво, с помощью Ольги Ян выплескивает мне свою боль, рассказывает о необратимых переменах в европейском обществе, происшедших буквально на его глазах, за его 54-летнюю жизнь. В родном городе – десяток монастырей, и везде шли службы, а сейчас люди предпочитают развлекаться, церкви становятся культурными центрами, а то и мечетями в угоду мигрантам и духу политкорректности, вековая традиция (в устах Яна это – «Традиция!») уходит в прошлое, и как же не хочется отдавать единственного наследника миру ложных ценностей! «Он пять дней в школу ходит, а мы потом за выходные его едва в норму приведем, и снова в эту школу! – вторит мужу Ольга. – Там и к учителю отношение панибратское, все как бы на равных, делают на уроках что хотят, разгуливают посреди урока, а уж какие ценности им пропагандируют, и говорить противно...».

На вопрос, каково же ему в российской школе, Дания пожимает плечом: нормально! И по-русски он тоже говорит вполне нормально – двуязычный с раннего детства. Был период, когда малыш предпочитал говорить не только с папой, но и с мамой по-голландски. Ведь так удобнее, ведь все вокруг говорят только так! Но Ольга делала вид, что не понимает сына. С мамой – только по-русски! Этот момент был принципиальным. «Почему? Да потому что есть христианство, мы в нем живем, и есть сейчас в мире единственная база христиан-

Ангел-трубач – флюгер у дома. Смастерил его Ян еще на родине

Каждую книгу, которую приходится лечить, Ян успевает полюбить

Среди «пациентов» книжного доктора есть особые, весом более 15 килограммов, и обложки для них изготавливаются особые – деревянные

ства – это Россия! Наш сын должен говорить по-русски!» А вот город они выбирали раздумчиво. Ольга родом из столицы, но в Москву, и вообще в мегаполис, не хотелось. Думали поселиться поближе к Оптиной пустыни, куда из Голландии ез-

дили не раз. Рассматривали и Суздаль, и Ростов Великий... Но выбор в итоге пал на Переславль-Залесский, потому как именно здесь, на огромном и загадочном Плещееве озере, основал Петр I российский флот. Царь Петр, что ходил когда-то

теми же голландскими улицами, что и Ян.

Он не скучает по географической родине нисколько. «Ностальгии – ноль!» – говорит Ян. Человек традиции, он живет в традиционной системе координат: есть Бог, есть любимое дело, есть семья. Процессы, происходящие в мире, не радуют, но... «Я был тогда маленьким, лет восьми всего, и мои родители вдруг увлеклись медитациями, восточными религиями, это было модно тогда, ну и я интересовался, наблюдал. А бабушка так строго мне четко показала, потрясла ими: Ян! Вот оружие наше, и нет другого! Этим оружием ты и рогатого победишь, и любого врага!» Ян запомнил это на всю жизнь и живет – как шагает. Уверенно и по прямой. И не Голландию, не Россию он широкими шагами измеряет, идя из дома в церковь и обратно с четками на левом запястье, а Землю нашу.

Книги порой попадают к Яну в состоянии настолько ветхом, что, казалось бы, на них и дышать боязно, не то что в руки брать. Но эти руки творят чудеса

«ТАК МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО В РОССИИ!»

Немного странно ему в России, люди поначалу настороженными казались, угрюмыми даже. В Европе чуть начинаешь с человеком говорить – он тебе улыбается... «Но это улыбка, под которой ничего нет, там все отдельные, разделенные. А в России к тебе приглядываются сначала, а улыбаться начинают уже потом, позже, когда узнают. И это другая улыбка. И люди раскрываются. Не сразу, но глубоко!» – говорит Ян.

Немного странно, но хорошо. Для Яна Россия – страна чудесных неожиданностей. Да таких, что европейские знакомые, с которыми он делится своими историями, верят в них с трудом. Как, например, поверить привыкшему жить в системе правил, предписаний и инструкций голландцу, бельгийцу или немцу вот в такую вопиющую импровизацию: сломалась у Яна машина, встала на трассе между городами, потребовался эвакуатор, вы-

звали. Приехал на удивление быстро. Отвез в ремонтную мастерскую совсем не в Москву, как Ян и Оля думали, а «тут недалеко, к Витьку и Сереге». И мастера трудились рьяно, забыв о времени и ужине. И лишь когда машина вновь была на ходу, выяснилось, что эвакуатор был вовсе не тот. Не по вызову то есть, а «просто мимо ехал, гляжу, а у вас беда...».

«Так может быть только в России! Без вызова, без квитанции. Просто помог! Он ведь армянин был, этот водитель эвакуатора, но русский! Вы меня понимаете?» – улыбается Ян.

Я понимаю. Чего уж, на том стоим. Смотрю на Яна, улавливаю ровную веселость его голоса, силу и уверенность рук и понимаю, что в чем-то главном и он – русский.

Работа с пергаментом – тонкое ремесло. И пергамен Ян использует выделки особо тонкой

Готовая работа – всегда радость

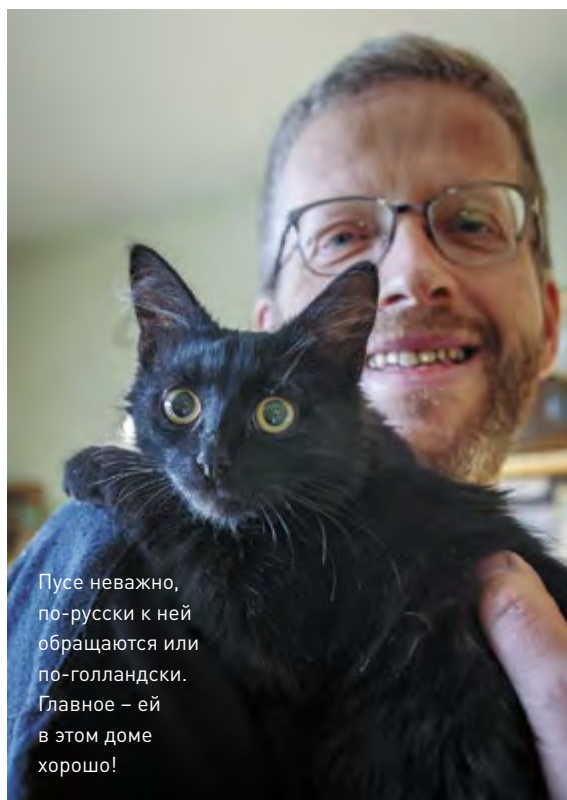
«ЭТО ДЯТЕЛ ПРОДОЛБИЛ!»

Хотя про руки все же не понимаю. Вот как, как он это делает?! Как прикрепляет ровнехонькие деревянные обложки («Это дуб, реальный дуб!») к еле дышащим толстенным книгам, как работает с драгоценным пергаментом, делая из него корешки, как кантует вот эту 15-килограммовую книжищу итальянскую с картинками по древней мифологии («Второй такой нет!»)? Как не запутается в сотнях инструментов, что висят на стене мастерской – его главного обиталища, сакральной, тайной комнаты волшебника? Здесь живет вечность. И потому тишина особая, не библиотечная совсем. И не музейная. Хотя каждый фолиант и каждый томик, попадающий в поле зрения, – готовый экспонат. Одна Псалтирь XVIII века чего стоит, да еще исписанная латиницей в самом начале от руки...

Но дело даже не в самих книгах, что отданы мастеру на реставрацию из библиотек, из частных коллекций, из собраний монастырей. Дело в самом ремесле, носителей которого в России почти не осталось. Когда-то были, конечно. Как были и древнейшие библиотеки – как правило, монастыр-

ские, – но история наша, увы, богата на смерчи, уничтожающие всё и вся. То набеги кочевников, то большевики... Уничтожены не только бесчисленные тома старинных библиотек, но и сами мастера. И вот нам прислан Ян. Волшебник, знающий, как варить целебный клей, из чего и при какой

Если мастерская главная и сакральная комната в доме Яна, то это – алтарь

Пусе неважно, по-русски к ней обращаются или по-голландски. Главное – ей в этом доме хорошо!

температуре, чтоб не канцелярским из ближайшего супермаркета обложку единственной на всей планете книги чинить... Как, как он это делает? Не понимаю не одна я. Библиотечные работники, москвичи, попросили Яна дать им хоть ненадолго его голландский учебник по книжной реставрации, надеются откопировать да переводить потихоньку.

Отсюда же, из светлой мастерской, где на стенах ровными рядами расположились и иконы, и инструменты, и фотографии родных лиц, проводит Ян мастер-классы для всех желающих овладеть его ремеслом. Он щедр, ему не жалко.

«А вот это, смотри, это дятел продолбил, а я решил оставить, красиво!» – показывает он мне небольшую книжку в толстой деревянной обложке с большой дырой посередине. И правда – красиво. И ни в одном учебнике не может быть рассказано, что для украшения обложки стодится след от трудов дябла. Волшебство, которым владеет Ян, – не ремесло, но искусство. И если даже работе с пергаментом, этому высшему пилотажу в деле книжной реставрации, возможно научиться при определенных способностях и должном желании, то такой импровизации не научишься, это уже – талант, данный свыше.

...А завтра я снова встречу его на улице Переславля-Залесского. Большой, немножко нелепый, из вечных чудиков, он просияет мне своей детской улыбкой и зашагает дальше, а я буду смотреть ему вслед и снова гадать – кто он? Книжный лекарь? А может – лекарь истории? Хранитель незыблемой Традиции, данной небом и все еще живущей в нашем безумном мире? Веселый голландец Ян ден Бисен зашагает точно к цели, к синим – в звездах! – куполам богородичного храма, где уже идет служба. Где помогает священнику в алтаре Даниил, его сын, звезду которого он привез издалека и установил над изгородью своего русского дома. ■

ДЕТИ БЕЛОГО СОЛНЦА

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

«НА ГОЛОВНЫХ УБОРАХ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН ВСЕГДА ЕСТЬ КРУГ ИЗ МЕТАЛЛА, КАК ПРАВИЛО, ИЗ СЕРЕБРА. ОН СИМВОЛИЗИРУЕТ СОЛНЦЕ. ВСЮ ЗИМУ МЫ ЖДЕМ СОЛНЦА, ДЛЯ НАС ЭТО ЖИЗНЬ. «САХА» В ПЕРЕВОДЕ ОЗНАЧАЕТ «СВЕТЛЫЙ», «СОЛНЕЧНЫЙ». МЫ СЕБЯ ТАК И НАЗЫВАЕМ – ДЕТИ БЕЛОГО СОЛНЦА», – ГОВОРIT МАСТЕР НАРОДНОГО КОСТЮМА ЯНА ЯДРЕЕВА.

Долина реки Индигирки – самое красивое, по мнению местных, место в Якутии. Вдалеке пасутся полудикие лошади, которые не подпускают к себе человека

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ у Яны работы прибавилось. Украшенные яркими вышивками пальто, шапки, рукавицы ей заказывают не только для фольклорных ансамблей. Люди теперь предпочитают прийти на праздник в якутском национальном костюме, где красные, зеленые и черные узоры имеют сакральный смысл. Черный цвет означает землю, красный – родство, а зеленый – срединный мир. Тот, в котором живет народ саха.

КОЛЫМСКАЯ ТРАССА

Нашей давней мечтой было посетить в Якутии Оймякон – полюс холода. Оймякон – это название и всей котловины внутри гор, и поселка, где фиксируют самые низкие температуры в Северном полушарии – до минус 71 градуса. Самолетик Ан летает туда раз в неделю, в четверг, билеты не дешевые, но раскупают их заранее. Взять машину напрокат в Якутии невозможно, таких услуг тут просто нет. Нам оставался только один вариант: купить недешевые би-

леты на микроавтобус, который везет восемь пассажиров.

Рано утром мы выехали из Якутска, поклажу, которая оплачивается отдельно, наш водитель Нюргустан привязал на крышу. Нас предупредили: до деревни Томтор в Оймяконском улусе мы будем ехать минимум 20 часов. Наши попутчики оказались людьми дисциплинированными, даже маленькие дети не капризничали, такая дорога для них – привычное дело.

Мост через Лену, о необходимости которого говорят десятилетия, так и не построен, так что реку мы переплываем на одном из паромов. Они отправляются по мере заполнения автомобилями. Идет такой паром полтора часа. Следующая река на нашем пути – Алдан. Здесь паромы уже не государственные, а частные. Не успеешь вечером – будешь ждать до утра. На пароме Нюргустан поудобнее устроился на сиденье и тут же заснул. А пассажиры выходили полюбоваться пейзажем и темными водами реки.

Перебравшись через Алдан, мы оказались в поселке Хандыга.

Яна Ядреева – мастер национального якутского костюма. Яна живет в деревянном доме на окраине Якутска, ее приемные дочери помогают ей. Яна считает, что традиционная одежда в последнее время становится более востребованной

Здесь на время появляется мобильная связь. Пока едем по федеральной трассе «Колыма», которая связывает Якутск с Магаданом, все достаточно комфортно. Но затем у поселка Кюбеме надо свернуть на Старый Колымский тракт, где асфальт кончается. Ехать здесь пришлось со скоростью не более 40 километров в час. И, несмотря на это, мы дважды меняли колеса. Старый Колымский тракт построен заключенными в конце 1930-х годов. Наши попутчики рассказывали, что иногда заключенных привозили работать в лютый мороз, причем ни барачников, ни даже землянок не было, зэки должны были сами построить жилища. Сейчас никаких следов лагерей не осталось. Но о том, как все это происходило, можно прочитать в рассказе Варлама Шаламова «Галстук»: «Две тысячи километров тянется, вьется центральная колымская трасса – шоссе среди сопкок, ущелий, столбики, рельсы, мосты... Рельсов на колымской трассе нет. Но все повторяли и повторяют здесь некрасовскую «Железную дорогу» – зачем сочинять стихи, когда есть вполне пригодный текст. Дорога построена вся от кайла и лопаты, от тачки и бура...» Последние два года своей ссылки Варлам Шаламов провел в поселке Томтор Оймяконского улуса.

ОЙМЯКОНСКИЙ УЛУС

Нам рекомендовали поселиться именно в Томторе, в гостевом доме у немолодой хозяйки Сусанны Сергеевны. Качество обслуживания гостей удивило, а потому мы заинтересовались: неужели в Томтор приезжает много туристов? Оказывается, в 1990-х годах в Оймяконский улус валом повалили иностранцы – туристы и кинематографисты. Благо аэродром находится всего в 2 километрах от села. Кстати, тот самый, который был построен во время Великой Отечественной войны, когда американские самолеты, полученные по ленд-лизу, перегоняли с Аляски в Советский Союз. В Томторе, как и в каждом поселке Оймяконского улуса, есть стела «Полюс холода». Туристам с гордостью показывают тоннель в сопке, полный ледяных скульптур. До появления холодильников мясо хранили всем селом в таком вот огромном тоннеле. Еще в селе есть скромный памятник члену-корреспонденту АН СССР геологу Сергею Обручеву. Именно он в 1926 году предположил, что полюс холода Северного полушария расположен в Оймяконской котловине. Все началось с того, что в 1925 году один старатель намыл 14 золотников платины на реке Чибигахлах –

Республика Саха – край дорог. Населенные пункты расположены на больших расстояниях один от другого, поэтому якуты привыкли постоянно переезжать

притоке Индигирки. В эти неизученные места в 1926-м отправили экспедицию из двух человек – геолога Обручева и геодезиста Салищева. Они стали первыми учеными, которые местными тропами прошли от Якутска до Чибигахлаха. Экспедиция выяснила, что в этих местах проходит большой горный хребет, названный позже хребтом Черского, а также установила золотоносность бассейна реки Индигирки. В 1942 году здесь появились золотодобывающие прииски.

В Томторе Обручев и Салищев сделали остановку, чтобы поменять лошадей. Градусники сломались, и Обручев по «шуршанию дыхания» на морозе понял, что температура в тот момент была явно ниже минус 50 градусов. Вернувшись в Москву, он смог доказать, что температуры в Оймяконском районе ниже, чем в Верхоянске. По специальным методикам Обручев вычислил и назвал эту цифру – минус 71,2 градуса.

Томтор – поселок в Оймяконе, где фиксируют самые низкие температуры. Здесь начал писать свои «Колымские тетради» Варлам Шаламов

Лошади для якутов невероятно важны, они и служат человеку, и кормят его. «Лошадь называют богом, – говорит Яна Ядреева. – Поэтому на наших пальто всегда вышивают коновязь и двух лошадей, как символ срединного мира».

В небольшом поселке Берез-Юрдя нас приютили Татьяна и Михаил Итигеловы. У Татьяны широкие скулы и голубые глаза. Ее прадед был ссыльным поляком, женился на якутке и остался в этих краях. Как и в любом якутском доме, у Итигеловых в сених стоит огромная холодильная камера. Из нее извлекаются деликатесы: сырая жеребятина, сырая печень жеребенка, колбаса из конины, жирные потроха. Такую пищу необходимо есть сырыми якутскими зимами. Михаил, который работает коневодом, рассказывает, что зимой, вернувшись домой с мороза, он ест сначала сырые замороженные блюда и только через некоторое время пьет горячий чай. Иначе можно зубы испортить.

Летом у сельских жителей нет свободного времени – все выходит на сенокос. Нужно заготовить корм лошадям и коровам на зиму

ЛЕТО КОРМИТ ЗИМУ

Наш провожатый в Томторе – заместитель главы администрации района Руслан Атласов – отвез нас на своем внедорожнике в самое красивое место Оймякона. Это – долина реки Индигирки. Здесь захотелось задержаться на несколько часов, настолько красивы сопки и высокое синее небо. Место силы – это чувствовалось сразу. Вдалеке паслись полудикие лошади. Такого количества табунов, как в Якутии, я не видела ни

где. Лошади человека к себе не подпускают, они сами добывают себе пропитание летом и зимой. Здесь говорят, что серые и сивые лошади более выносливые. Летом в Оймяконе жара. Все заняты на сенокосе – надо заготовить корм для животных. лето кормит долгую якутскую зиму. Отдыхают косильщики в урасе – традиционной деревянной постройке в виде юрты. Наверху – отверстие, доски неплотно примыкают друг к другу, поэтому в урасе всегда прохладно.

В долину реки Индигирки можно проехать из Томтора только на внедорожнике. Да и в Томтор ведет не самая комфортная грунтовая дорога, построенная еще заключенными

ФЕНОМЕН ЯКУТСКОГО КИНО

О якутском кино заговорили в 2021 году, когда фильм Дмитрия Давыдова «Пугало» собрал целый букет наград на российских и международных кинофестивалях. Интересно, что в «Пугале» у Давыдова снимались не профессиональные актеры, а соседи режиссера по поселку Амга. Якутское кино буквально пленило зрителя в России и за рубежом. Кажется, что это совсем недавно возникший феномен. На самом деле это не так. В Якутске мы отправились на студию «Саха-фильм», появившуюся в 1992 году, и познакомились с ее основателем, Алексеем Романовым. Сама студия располагается в скромном двухэтажном здании. На первом этаже – небольшой кинозал, на втором – несколько кабинетов и витрина с многочисленными призами и грамотами. Алексей Романов рассказывает о своем фильме «Срединный мир», снятом в 1992 году. Главный герой – молодой путник, который размыш-

ляет об истории своего народа. В картине Романов совместил реальный мир простых людей с их повседневными заботами и мир сакральный – с ритуалами шаманов. «Феномен якутского кино зарождался не сразу, – говорит Алексей Романов. – Мы прошли тридцатилетний путь поиска своего стиля, языка, образов. Феномен этот заложен в нашей истории и культуре. Моя супруга этнограф. Она нашла рисунки детей, созданные в 1925 году, когда сюда приезжала экспедиция Академии наук. Один из ученых попросил детей нарисовать их повседневный быт. Ребята – возможно, впервые в жизни – взяли карандаши, расчертили лист бумаги на три или четыре части и в каждой нарисовали по картинке. Папа косит сено, мама доит корову. Фактически это была раскадровка фильма. Наш якутский язык очень образный, когда слушаешь сказителей, у тебя перед глазами стоит то, что они описывают. Такое кинематогра-

Во время сенокоса работники живут не дома, а рядом с полем. Здесь обязательно есть ураса – построенный особым образом из дерева шалаш, в котором всегда прохладно

но-игровой. Если нужны были постановочные сцены с шаманом – мы снимали шамана. Если с кузнецом – снимали кузнеца. Они не играли, а делали то, что всю жизнь делают. В нашей республике все – фанаты якутского кино. Людям интересна их собственная жизнь, когда на экране появляются соседи по двору, школьные друзья, которые говорят по-якутски».

Якутское кино сугубо национальное, но при этом в центре сюжета могут быть общечеловеческие проблемы. Например, в фильме «Затмение» Татьяны Эверстовой рассказывается о школьнице, отчим которой пьет и буянит. В главной роли снималась красавица Юлия Мярна, прима-балерина якутского театра оперы и балета. История происходит в якутской деревне в 1980-х годах, и каждая деталь нас, зрителей московских,

Знаменитый сказитель Афанасий Попов исполняет «Олонхо», богатырский эпос. Это национальное достояние народа саха повествует о борьбе богатыря и темных сил

завораживает. Быт, моральные нормы, психология. Вплоть до платьев для выпускного бала, которые девушкам шьют из одной материи. Другой в магазинах нет. Деталь становится символом: люди равны и не должны выделяться.

ДОРОГА КАК ЖИЗНЬ

Любовь Борисова – современная, стильно одетая девушка, она остроумна и иронична. Продюсер Сардана Саввина считает ее одним из самых талантливых режиссеров республики. В кино она пришла семь лет назад, до этого училась в Якутске на экономиста, работала в банке. Люба сейчас снимает свой второй фильм, «Не хороните меня без Ивана», в котором рассказывается об этнографе, который приехал в Якутию в начале XX века.

«Феномен якутского кино не возник вдруг, все шло последовательно и небыстро. Сейчас просто стал виден результат огромного труда, – говорит Люба. – Началось все с телевидения, мы буквально выросли на якутском телевидении и короткометражках, которые снимались, как я сейчас понимаю, быстро и бюджетно. Не было вопроса – быть или не быть якутскому кино, оно всегда было вокруг нас. У нас островное мышление. Территория огромная, и мы как будто от всех далеко. Нам кажется, что есть наша республика, а есть остальной мир, который мы видим в интернете или по телевизору. Якутяне увидят что-то интересное, сразу хотят заимствовать и адаптировать. Мы хотим такое же, но по своему. Мы вывозили наше кино в Корею, а там, как известно, «насмотренный» зритель. Они заметили, что у нас во всех фильмах фигурирует образ дороги. Это понятно – у нас огромные расстояния. Это неизбежно откладывается в сознании. Дорога как жизнь, это – символ. Надо куда-то добраться. Зимы у нас суровые, едем по 10–12 часов в другое село. Покормишь духов – доедешь!»

фическое видение заложено генетически. Наши режиссеры никому не подражают, они рассказывают истории, взятые из своего жизненного опыта. Они часто привлекают непрофессиональных актеров – это зависит от необходимости найти типаж. Можно взять человека с улицы и поставить его в такие условия, чтобы он не играл, а жил в кадре. Например, мой фильм «Срединный мир» документаль-

В Якутии очень любят праздники, их придумывают и проводят в каждом селе. Школьники ожидают начала конкурса – сейчас они будут соревноваться в умении подоить корову

ВЕРА ПРЕДКОВ

Первые казаки появились на берегах Лены в XVII веке, построили здесь остроги, стали собирать с местных жителей ясак, то есть дань.

В XVIII веке сюда поехали миссионеры. Якутов, так же как и другие народы этого края – эвенов, эвенков, юкагиров, тунгусов, – крестили. Они получили распространенные русские фамилии. Но православие здесь не особенно прижилось. Местные жители так и остались язычниками. Сегодня это атеисты с некоторыми особенностями мышления. Пожилые люди на наш вопрос так и отвечали: «Мы – язычники».

Главный праздник в республике – Ысыах, отмечается он в конце июня в честь возрождения природы и изобилия. В советское время он проходил с партийными лозунгами, всю культовую составляющую убрали. В 1990-х годах Ысыах стали возрождать, причем главное торжество – Ысыах Олонхо – отмечается поочередно в каждом районе. В Намском улусе под Якутском нам показали огромное поле с трибунами, подготовленными для праздника два года назад. Здесь были выстроены две большие урасы и огромное священное дерево. Сооружение обходят по часовой стрелке, прикладывая руки к огромным деревянным листьям-пластинам, которые прикреплены к стволу. Так якуты обращаются с просьбами к священному дереву. Считается, что оно связывает три мира – нижний, где живут злые духи, срединный мир и верхний, где обитают добрые духи.

В Якутии вообще очень любят праздники, придумывают и организуют их всем улусом или селом. В Оймяконском районе мы присутствовали на соревновании по дойке коров. Молодые люди и девушки в течение десяти минут доили коров, количество и чистоту молока замеряли опытные доярки. Победили юноши. В Таттинском районе мы застали соревнования лучников. Это было очень красиво: несколько десятков людей разного возраста из 9 улусов стреляли по мишеням

В 1990-х в Якутии в каждом улусе снова, как и до советской эпохи, стали возводить огромные священные деревья. Им поклоняются и произносят пожелания

из традиционных деревянных луков. Все были одеты в национальные костюмы. Мишени были тоже традиционные – изображения белки, зайца и утки. Перед каждым праздником или любым большим событием в Якутии проводят обряд алгыс. Специальный человек – алгысчит – одет в светлые одежды и высокую шапку. Он разводит небольшой костер и «кормит» огонь кумысом и лепешками. Таким образом у богов испрашивается благопожелание.

БЕЗ ЖЕЛЕЗА НИКУДА

В Намском районе живет Нюргустан Уваров, мастер по изготовлению хомусов, или варганов, – традиционного музыкального инструмента. Устройство несложное. Это вилка, внутри которой прикреплен язычок. Его можно двигать рукой либо с помощью нитки.

Хомусы Уварову заказывают по своему вкусу, ведь звук инструмента может быть выше или ниже. Один инструмент работы Уварова купил режиссер Стивен

Стрельба из якутского лука, популярный вид спорта. Соревнования проводят часто, спортсмены выходят на стадион в национальных костюмах

Сигал. Нюргустан рассказал, что якуты уже в древности умели обращаться с железом, а профессия кузнеца была одной из важнейших. Работали якуты и с серебром, которым всегда богато украшали одежду, особенно женскую. «Когда казаки сюда пришли, они были поражены, – говорит Нюргустан. – Не только боотуры (воины) были в доспехах, но и кони были в доспехах. Народ саха знал железо и умел с ним обращаться с древних времен. Когда семья перемещалась из одной деревни в другую, с ними всегда ехал кузнец. Без железа нам никуда. Вот представьте: можно ли сделать полыню в двухметровом льду без железного инструмента-конуса? А подо льдом зимой ловят рыбу». И вот еще одна, почти лесковская, история, рассказанная Уваровым: «Железо, которое здесь выплавляли, лучше немецкого. Такие доклады отправляли в столицу при царях. Был проект – у нас выплавить железо и отправить в Европу, чтобы показать его там. Но по тем временам из Москвы сюда два года ехали. Так ничего в Европу и не послали»...

Малая академия наук для одаренных детей расположена в поселке Чапаево, недалеко от Якутска. Школьники приезжают сюда на две недели для занятий точными науками и подготовки к олимпиадам

ОДАРЕННЫЕ ДЕТИ

Малая академия наук (МАН) располагается в современном комплексе в селе Чапаево Хангаласского улуса. В этом селе родился первый президент Республики Саха, Михаил Николаев, поэтому именно здесь решено было основать школу, где могли бы получать образование одаренные дети. Ребята приезжают со всех концов республики, живут в кампусе по две недели, слушают лекции, участвуют в семинарах, играют в шахматы, учатся танцевать балльные танцы.

Некоторые школьники – так называемые «олимпиадники», они готовятся к испытаниям по математике, физике и химии. Другие участвуют в научных экспериментах. МАН Республики Саха работает по модели образовательных программ проекта «Сириус». «Мы пытаемся создать конвергентную среду, где дети из разных направлений науки могли бы встречаться друг с другом, обмениваться мнениями – ведь им строить большую великую страну», – говорит ректор МАН Василий Павлов. 📌

ОТ СЛОНОВ ДО ФИЛИМОНОВСКОЙ ИГРУШКИ

АВТОР

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

НА 37-М КИЛОМЕТРЕ АВТОСТРАДЫ ЧЕКАЛИН – ТУЛА ПРИВЛЕК ВНИМАНИЕ ОГРОМНЫЙ ЩИТ, НА КОТОРОМ ОБОЗНАЧЕН ПОВОРОТ НА ОДОЕВ И ПЕРЕЧИСЛЕНЫ ЗАНЯТЫЕ МЕСТА: УСАДЬБА ГЕНЕРАЛА А.Я. МИРКОВИЧА, МУЗЕЙ РЕМЕСЕЛ, МУЗЕЙ «КРУЖЕВНАЯ СКАЗКА», МУЗЕЙ «ФИЛИМОНОВСКАЯ ИГРУШКА», МУЗЕЙ СОВЕТСКОЙ ИГРУШКИ, ОДОЕВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ...

ЛЕТ ПЯТЬ НАЗАД Я БЫЛ в Одоеве, но такого нашествия музеев тогда не наблюдалось. Потянуло посмотреть новинки. И я решительно повернул руль направо.

СЛОНАМ ЗАПРЕЩЕНО ИДТИ НА ОБГОН

В Одоеве живут веселые остроумные люди. Идешь по улице и вдруг наступаешь на крышку люка канализации, на крышке по кругу читаешь: «Одоев –

родина слонов». Улыбнешься, разумеется. А поднимешь глаза – и увидишь знак дорожного движения: «слонам запрещено идти на обгон». И снова улыбаешься. И тут вдруг маленькая скульптура слоника по имени Пафнутий – за это имя проголосовали в социальных сетях большинство одоевцев. Объяснение про слонов простое: в окрестностях города найдены кости мамонта – когда-то давно водились они

Слонам обгон запрещен!

Ну где еще увидишь такую крышку на канализационном люке

В древние времена водились
в этих местах мамонты

БЫЛИ ЧЕРНИГОВСКИМИ, СТАЛИ ОДОЕВСКИМИ

Сегодняшний Одоев – тихий, спокойный городок. А были времена, когда он представлял собой грозную крепость. Само расположение обязывало быть крепостью в Средние века – Одоев стоял на южных рубежах Русского государства. Крепость, разумеется, на высоком крутом холме, обороняла от набега врагов, которые с каких только сторон ни появлялись – татаро-монголы, крымцы, литвины... А впервые Одоев упоминается в летописях в 1380 году.

В Музее Одоевского княжества можно увидеть обширное древо рода князей Одоевских. В самом низу – князь Роман Одоевский. Местность принадлежала внуку Михаила Черниговского князю Роману Семеновичу Новосильскому. После разорения города Новосиль он перенес столицу своего княжества в город Одоев и стал первым князем Одоевским. Известно, что он участвовал в Куликовской битве. Выше по древу – его сын Юрий, участник русского посольства на переговорах с Великим княжеством Литовским.

На древе зафиксированы 65 представителей рода, но это не все. Скажем, у князя Романа было пять сыновей, но письменное свидетельство сохранилось только о Юрии. Да и вообще скудны сведения о представителях рода Одоевских: у кого-то указа-

в этих местах. В краеведческом музее можно увидеть зуб и бивень мамонта. Кости этих древних животных много где находят, но только в Одоеве сообразили: а ведь из этого можно сделать приманку для туристов.

У вас есть представление о том, как выглядит Кузькина мать? Если нет, то поезжайте в Одоев – увидите. Для этого надо зайти в небольшой сквер, там стоит скульптурная композиция: женщина с добрым, открытым лицом держит на пра-

вой руке ребенка, а на левой сидит голубь – символ мира. Поставили памятник еще в советские времена, официальное название – «Кузя и мать». Но, понятно, народ тут же переименовал его в Кузькину мать.

Кто знает нашу историю, вспомнит, как Никита Сергеевич Хрущев грозил империалистам «показать кузькину мать». Да если бы империалисты увидели одоевский памятник, они бы прослезились от умиления: ничего страшного, русские – народ мирный, красивый.

Вот так выглядит
Кузькина мать –
добрая, открытая

Одоевские
князья
одевались
богато

Фамильное древо рода Одоевских

на только дата рождения, у кого-то – дата смерти. А на вершине князь Николай Николаевич Одоевский-Маслов, который родился в 1849 году (последним в роду по мужской линии был известный писатель князь Владимир Федорович Одоевский, в 1878 году Н.Н. Маслову были переданы титул и фамилия, поскольку его мать была из рода Одоевских. – **Прим. ред.**).

Составить такое древо – скрупулезный труд, нужно прочесть сотни, если не тысячи письменных источников, чтобы обнаружить хоть какие-то сведения о том или ином Одоевском. Об этом рассказал сотрудник музея Михаил Марков – человек знающий и любящий историю Одоева, пылкий исследователь. Много узнал от него – история города увлекательная, есть заветные вехи. Наезжал сюда Иван Грозный. При нем возводили Большую засечную черту – линию пограничных городов России: Тула, Одоев, Белёв, Лихвин...

В давние времена Одоев числился городом Киевской губернии, потом Смоленской, Московской, а с 1777 года стал уездным городом Тульской губернии. О чем есть указ императрицы Екатерины II. До всего доходили руки у царицы-матушки – она утвердила герб города и план регулярной застройки. Этот план есть в музее – от Соборной горы разбегаются лучами улицы, восьмиугольная главная площадь. Ясная и удобная планировка.

Под таким стягом шли одоевцы на Куликовскую битву

Герб Одоева утвержден императрицей Екатериной II

Екатерина утвердила и план городской застройки

ЛУЧШЕ СИНИКА В РУКАХ...

Веселое и жизнерадостное место – музей «Филимоновская игрушка». А иначе и быть не может – на то и создавали мастерницы эти произведения, чтобы веселить народ, в первую очередь детишек. Промысел этот возник в давние времена. Ученые считают, что искусство филимоновской игрушки зародилось в позднем палеолите. При раскопках Жемчужниковского и Снедковского городищ в Одоеве нашли черепки гончарных изделий, относящиеся к IX–XI векам, с рисунками и знаками, которыми и сегодня расписывают филимоновскую игрушку. Промысел возник потому, что в районе деревни Филимоново есть особая глина. Ее называют

«синика», потому что цвет у нее голубовато-сизый. А после отжига она становится белой. Лепили игрушки осенью, сушили на русской печи. Важно заметить: делали игрушку только женщины, мужики занимались гончарной посудой. В февралемарте обжигали изделия, а во время Великого поста расписывали игрушки к Пасхе и везли на ярмарки.

Поражает в филимоновской игрушке цвет – яркий, жизнерадостный. Фигурки удлиненные, вытянутые. Игрушку делают из цельного куса глины, вытягивая нужные детали.

Филимоновская игрушка как вид народного искусства вполне могла исчезнуть при советской власти. Тогда мощно наступали индустриализация, коллективизация, централизация, а разного рода промыслы чахли, мастерниц и мастеров становилось все меньше. Так, прекратила свое существование на долгие десятилетия белёвская пастила, возродилась только в начале нашего тысячелетия. Но искусство филимоновской игрушки не растворилось, хотя времена оно пережило трудные. Из мастерниц пытались создать артели, но искусство это чисто индивидуальное, все рав-

Константин Николаевич Кехаиди, народный мастер филимоновской игрушки, в мастерской у себя дома

но каждый работал сам по себе. К 1960-м годам промысел почти совсем захирел. Но к середине 1980-х благодаря подвижничеству сотрудника Музея игрушки Загорска (ныне – Сергиев Посад) Николая Васильевича Денисова в Одоеве появилась группа энтузиастов – выпускников Абрамцевского художественно-промышленного училища и по-

томков мастериц филимоновской игрушки.

В 1990-е годы все рушилось, было не до игрушек. И опять филимоновской игрушке повезло – ею заинтересовался Сергей Кузнецов. Я спросил его: «Вы местный?» Нет, Сергей из Тулы. Работал в областной администрации, занимался продвижением местной продукции. Заинтересовался. Да так прочно заинтересовался, что теперь для него нет ничего интереснее на свете. И интересуется Кузне-

Мастер-класс Романа Вячеславовича Орлова, народного мастера филимоновской игрушки, для детей в музее «Филимоновская игрушка»

цов не только филимоновской игрушкой, но и всеми, что есть в России. В музее представлено более 2 тысяч филимоновских игрушек, а также игрушки из 40 регионов России. Каких здесь только нет! Я-то знал только дымковскую игрушку да гжель, а тут и плешковская, и чернышневская, и козлянская, и хлудневская, и романовская, и скопинская, и тульская городская... Это волшебное творчество народа надо видеть.

Писать о музее «Филимоновская игрушка» и не побывать в месте, где она родилась – в деревне Филимоново – преступно. Я на такое преступление не пошел, съездил в Филимоново. И познакомился там с замечательным человеком – Аллой Гончаровой. Она продолжает родовое ремесло. Ее прабабушку, Авдотью Григорьевну Дербеневу, искусству филимоновской игрушки обучила свекровь. Фигурки работы Авдотьи Дербеневой с ее авторской подписью хранятся в Музее игрушки в Сергиевом Посаде.

Мастерство филимоновской игрушки традиционно передавалось по женской линии. Посуду делали гончары-мужчины, а игрушки-свистульки – женщины, за что окрестные жители

прозвали их «свистуличницами». Мало того, искусство передавалось от бабушки к внучке. Мать, понятно, хлопотала по хозяйству, у нее и минуты свободной не оставалось. Бабушка Аллы, Анна Иосифовна, между прочим, была заслуженным художником РСФСР, членом Союза художников СССР. Алла составила фамильное древо мастериц, оно висит в ее творческой мастерской – это нечто вроде сторожки с террасой. На полках игрушки, которые созданы более века назад. А на столике то, что Алла делает сейчас. В сторожке уютно. Красиво. По-деревенски душевно. Мы пили чай с медом. Иногда залетали ласточки, у них гнездо на террасе – нас не опасались. Живет Алла Гончарова в родовой усадьбе – есть запись о ней в метрической книге из церкви Рождества Богородицы села Анастасово Одоевского района Тульской области от 1692 года. «Филимоново моя родина, – говорит Алла. – Это то место, где бабушка передавала мне искусство лепки и росписи филимоновской игрушки. Теперь это моя история и моя жизнь. Вот уже более тридцати лет я тружусь во благо развития филимоновского промысла».

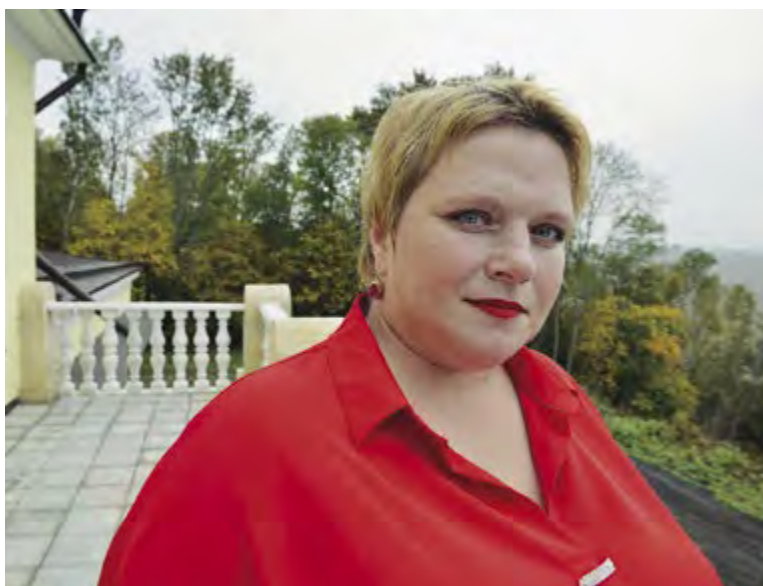
Красив и величествен дворец генерала Мирковича

ДВОРЕЦ ГЕРОЯ ВОЙНЫ

С особым чувством ехал я в следующий музей – усадьбу генерала Мирковича, что километрах в трех от Одоева. В прошлый приезд я заезжал в Николо-Жупань, где и располагается усадьба – она тогда представляла собой печальное зрелище. Ободранные, заплывшие паршой стены, огромная лужа перед главным фасадом. Разруха. А теперь перед тобой предстает воздушный дворец, глаз не оторвать. Водила меня по дворцу обаятельная Любовь Соколова. Дело

свое любит, историю обожает. Между прочим, она работала уборщицей в больнице, а вот любовь к прошлому возвысила ее до экскурсовода. Обстановка во дворце типичная для подобного рода мест. Но все равно проникаешься духом дворцовой культуры, духом истории, преданий старины. Я обратил внимание на скамью чугунного литья. Скамья оказалась уникальной – на ней Толстой объяснился в любви Софье Берс и предложил ей выйти за него замуж. Скамья из поместья

Любовь Вячеславовна Соколова в музее-усадьбе генерала Мирковича

Скамья, на которой
Лев Толстой объяснился в любви
Софье Берс

Ивицы Одоевского уезда. Любовь Соколова уверила меня, что скамья обладает чудодейственным свойством: если женщине никак не удастся найти мужа, то достаточно посидеть на этой скамейке, и... Между прочим, зафиксированы уже четыре счастливых случая: посидела женщина на чугунной скамье, а через какое-то время пошла под венец. В одной из комнат я обратил внимание на фотографию – лицо на ней показалось знакомым. Уж не

Борис ли это Леонидович? Точно! Лауреат Нобелевской премии Борис Леонидович Пастернак. Он с женой и сыном Женей отправляется на конную прогулку. Оказывается, до войны во дворце располагался дом отдыха писателей, и кто только сюда не приезжал – Александр Фадеев, Алексей Толстой, Демьян Бедный, Александр Серафимович и многие другие. Константин Паустовский приехал на неделю, а задержался на три месяца – так здесь ему было хорошо.

Зал славы
героев
Отечественной
войны 1812 года

Музыкальная
гостиная

Чувство восторга испытываешь, когда выходишь на балкон дворца. Открываются захватывающие дух дали на долину реки Упа. Замечательно сидеть здесь за чайным столом, вести неспешные разговоры. Покой. Тишина.

Несколько слов о том, кто такой генерал Миркович. Александр Яковлевич – герой Отечественной войны 1812 года. Участвовал во многих сражениях, дошел до Парижа. Георгиевский кавалер. В 1817 году присутствовал при закладке храма Христа Спасителя в Москве в честь победы над Наполеоном (по первому проекту храм начали строить на Воробьевых горах. – **Прим. ред.**). А в 1883 году Миркович – один из немногих оставшихся в живых участников Отечественной войны – был приглашен на торжественное освящение храма. Миркович многое сделал, чтобы сохранить память об участниках Отечественной войны. Второй этаж дворца он отдал под зал воинской славы, здесь были представлены документы, оружие, кавалерийское снаряжение, награды, форменная одежда начала XIX века. Сейчас этот зал восстанавливается. И уже есть Галерея портретов героев войны 1812 года.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МУЗЕЙ

Пожалуй, самое известное имя из рода Одоевских – Владимир Федорович Одоевский. Наверное, все в детстве читали его сказку «Городок в табакерке». Но многие ли знают о другом его сочинении – «4338-й год: Петербургские письма» (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2018 год, статья «Провидец». – Прим. ред.)? Это футуристический роман. Повеествование ведется от имени китайского студента, приехавшего в Россию. И все его здесь поражает. Ну, например: «Русские так верят в силу науки и в собственную бодрость духа, что для них летать по воздуху то же, что нам ездить по железной дороге. Гальваностатом управляет профессор; весьма тонкие многосложные снаряды показывают перемену в слоях воздуха и предупреждают направление ветра...» Гальваностат – это что-то вроде самолета. А вот еще любопытный отрывок: «...мы приехали в Петербург в самое неприятное для иностранца время, в так называемый месяц отдохновения. Таких месяцев постановлено у русских два: один в начале года, другой в половине; в продолжение этих месяцев все дела прекращаются, правительственные места закрываются, никто не посещает друг друга». Сейчас бы ввести два месяца отдохновения...

В Одоеве возникала идея создать музей одной книги – «4338-й год: Петербургские письма». Красивая, увлекательная идея. Была разработана концепция. Нашлось подходящее здание – на улице Ленина, оно привлекает внимание необычным архитектурным обликом. В нем предполагалось открыть арт-пространство, одним из разделов которого и был бы музей, связанный с сюжетом футуристического романа Одоевского. Но, к сожалению, дерзости и фантазии не хватило у дизайнеров, которые работали над проектом, да и средств на устройство музея не нашлось. А жаль! Музей мог бы стать уникальным, я что-то не помню ничего похожего в России. Это добавило бы Одоеву уникальности.

Иван Иванович
Думчев.
Хозяин усадьбы
«Русская
старина»

В этом здании
должен быть
музей одной
книги

ЕВДОКИЯ СВЕТ ФЕДОРОВНА

С Одоевом связаны многие славные имена отечества. О каждом можно написать книгу. Но я, пожалуй, представлю учительницу – Евдокию Федоровну Бобылёву. При жизни она была гордостью города, можно даже сказать – легендой. Известный писатель Владимир Успенский, тоже родом из Одоева, написал книгу о своей любимой учительнице – «Евдокия свет Федоровна». Он был ее учеником. Бобылёва за свою долгую жизнь – а она прожила 98 лет –

общалась со Сталиным, Хрущевым, Брежневым, Горбачевым. Свет Федоровна была из бедной крестьянской семьи из села Анастасово, что за рекой Упа. В школу она и другие дети ходили в Одоев – 4 километра туда, 4 – обратно. До шестого класса носила лапти. На переправе через Упу обычно дежурил паромщик. Но иногда его не было, и тогда ученики увязывали одежду в узел, прикрепляли его к голове и преодолевали реку вплавь.

В 1936 году Бобылёва окончила среднюю школу, и ее направили учительствовать на село. И с тех пор жизнь Евдокии Федоровны была связана со школой. Педагогический стаж семьдесят лет! С 1966 года Бобылёва – директор средней школы в Одоеве. Энергия в ней была вулканическая. Школа давала воспитанникам не только знания, но и профессии, необходимые на селе – механизатор, шофер, тракторист, оператор машинного доения. При школе было огромное подсобное хозяйство, в котором все было всерьез – от выращивания овощей до содержания животных. Школа гремела на всю область. Евдокия Федоровна – народный учитель СССР, кстати, един-

Красивейшее здание города – дом купца Сторожева

ственный в Тульской области. Депутат Верховного Совета Союза, делегат партийного съезда. Почетный гражданин Одоева. И вот я подумал: а ведь на основе судьбы Бобылёвой в Одоеве можно создать музей учительства. Экспозиция может быть захватывающей. А расположить его можно в потрясающем по красоте доме купца Сторожева. Здание он строил,

чтобы на первом этаже разместить богадельню для престарелых, а на втором устроить сиротский приют. Но после того, как его дочь умерла при родах, передумал. В память о дочери Сторожев подарил здание Одоеву для размещения в нем женской гимназии – первой в Тульской губернии. Теперь в здании действует средняя школа.

Валерия Олеговна Быкова – экскурсовод музея «Филимоновская игрушка»

ВЕРНУТЬ ОДОЕВУ СТАТУС ГОРОДА!

Одоев именуют городом-музеем. Но его, скорее, можно назвать городом музеев. Ведь помимо музеев, о которых я рассказал, есть еще Музей ремесел, Музей советской игрушки. Музей «Кружевная сказка» создается все тем же Сергеем Кузнецовым. На улице Карла Маркса бросается в глаза надпись на каменной арке «Усадьба «Русская старина». Тут же Музей пчеловодства. И это привлекает туристов. А туризм – одна из возможностей выжить Одоеву. Производство в городе есть, но микроскопическое – консервный да молочный заводы. И последнее. Я все время употребляю слово «город», когда говорю об Одоеве. А официально он считается рабочим поселком – этот статус ему присвоили в 1926 году. Это страшно несправедливо! Один из самых древних городов России и вдруг – поселок? Не знаю, каков порядок перемены статуса населенного пункта, но Одоев снова должен стать городом.

ПЛАВАНИЕ ЗА РАЙСКОЙ ПТИЦЕЙ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ИЗ ПЕТЕРБУРГА К НОВОЙ ГВИНЕЕ МИКЛУХО-МАКЛАЙ ОТПРАВИЛСЯ 8 НОЯБРЯ 1870 ГОДА НА КОРВЕТЕ «ВИТЯЗЬ». ПЛАВАНИЕ РАСТЯНУЛОСЬ НА 11 МЕСЯЦЕВ. НАШ МОРСКОЙ ПУТЬ НА ПАПУА БЫЛ НЕСОИЗМЕРИМО КОРОЧЕ, НО ДЛИЛСЯ ПО МЕРКАМ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ ОЧЕНЬ ДОЛГО – ЦЕЛАЯ ЭПОПЕЯ НА ПАЛУБЕ КОРАБЛЯ.

ПЕРВЫХ ПАПУАСОВ мы увидели в порту Битунга на Северном Сулавеси. Желающие отправиться к Новой Гвинее заполнили весь порт, многие лежали на каменном полу, обложившись чемоданами и тюками. Корабль причалил в три часа ночи. Мы смотрели со второго этажа порта, как в темноте катера медленно подталкивали огромный теплоход к берегу. Причаливание корабля – это целое действо. Первыми на палубу отправляются носильщики. Несколько десятков носильщиков в оранжевой

униформе выстроились на пристани, дружно прокричали приветственное «Ура!» и побежали штурмовать корабль.

Когда мы поднимались по трапу, оранжевые человечки уже тащили вниз мешки и чемоданы. Теплоход был забит до отказа. Сначала мы прошли через палубы третьего класса. Искать свободное место было бессмысленно – все заполнено людьми и вещами. Интересно, что кровати в третьем классе одноярусные и короткие – около 170 сантиметров длиной. Даже малорослые индонезийцы на них не умещаются.

Судно немаленькое. Но все вокруг было занято пассажирами: просторные коридоры возле лестниц и узкие проходы возле кают первого и второго класса, пол у кафе, магазинов и офисов – все мало-мальски пригодное для размещения пространство. Открытые палубы тоже забиты. Непонятно было, куда все эти толпы скроются, если пойдет дождь. Свободные места все же остались... в спасательных шлюпках, висящих над верхней палубой. Туда хоть и нелегально, но можно было пробраться. Самые проворные пассажиры так и поступили.

Мы же в итоге забрались на самую верхнюю, седьмую, открытую палубу, где нашлось крошечное свободное пространство. Недолго думая, втиснули туда палатку и завалились спать. Не знаю, как бы реагировали люди, если бы так бесцеремонно поступили местные, но к иностранцам отнеслись снисходительно – подвинулись.

«ПОЧЕМУ Я ВЫБРАЛ НОВУЮ ГВИНЕЮ»

Отправляясь в путь, Николай Миклухо-Маклай начал писать статью, начинавшуюся словами «Почему я выбрал Новую Гвинею». Весь год плавания он над ней работал, но так и не стал публиковать. Видимо, просто хотел понять, что его побудило отправиться в такую дальнюю и опасную экспедицию. Строго научные цели путешествия Николай Николаевич сформулировал в статье так: «во-первых, уяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам вообще, которое еще почти не определено; во-вторых, по возможности и по собственным наблюдениям определить распространение этой расы». За сухой формулировкой скрывалась и великая гуманистическая цель. То, что наука призвана решать насущные общественные проблемы, в те времена не под-

вергалось сомнению. Многие видные англо-американские антропологи тех лет заявляли о неравноценности человеческих рас. Экономическое и культурное превосходство Запада над африканскими и азиатскими народами они считали следствием расовых отли-

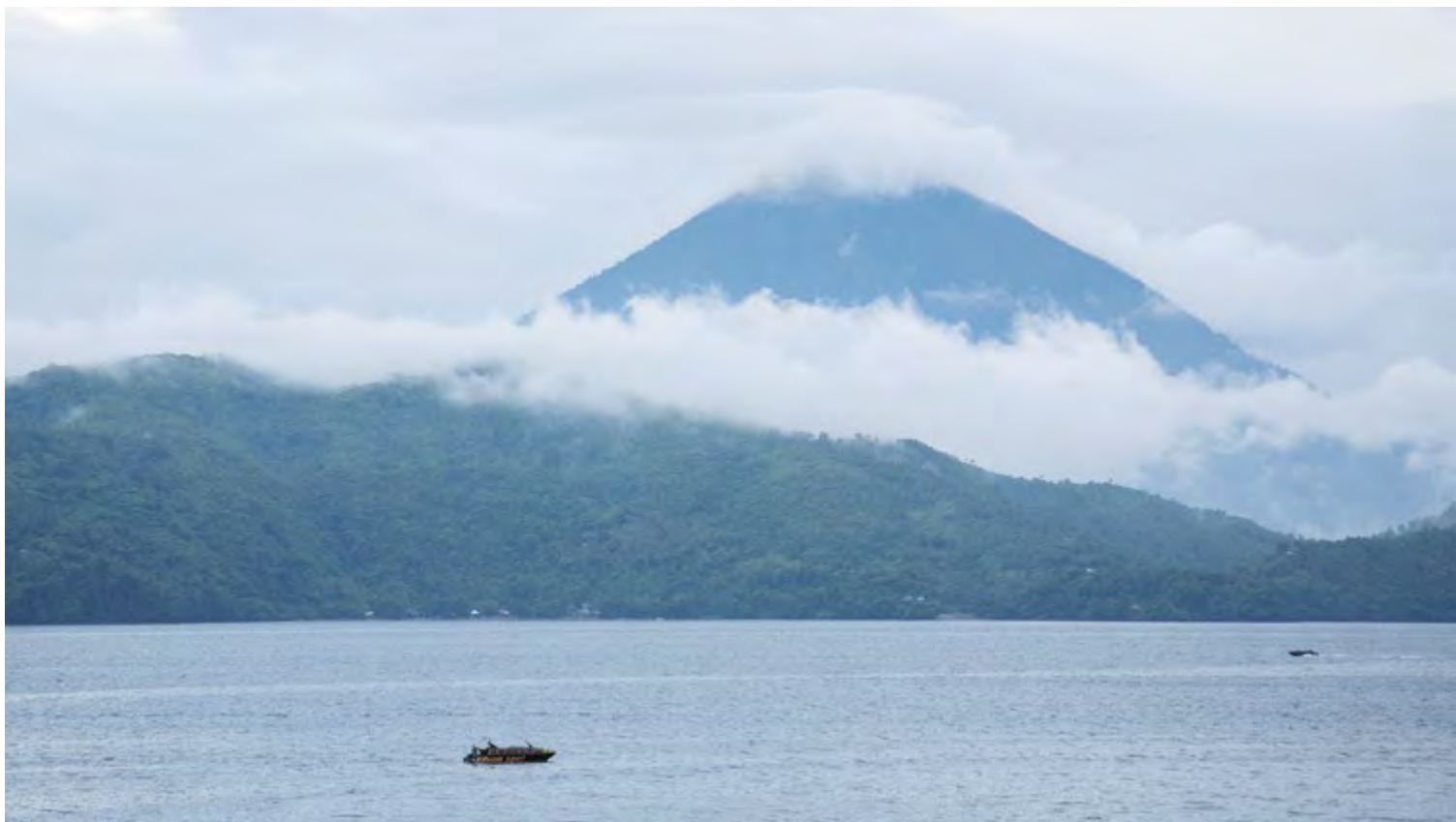

Когда Миклухо-Маклай прибыл на Тернате, остров только оправился от разрушительного извержения вулкана, уничтожившего большую часть зданий

чий – врожденным, природным предопределением, согласно которому белая раса предназначена господствовать над всеми остальными. Подобные «теории» с радостью поднимали на знамя рабовладельцы и сторонники колониализма.

В то же время немало выдающихся ученых выступали с резкой критикой подобных взглядов. В том числе Томас Хаксли и Карл Эрнст фон Бэр, под влиянием которых находился Миклухо-Маклай перед экспедицией. Бэр к тому же был этнографом. В своих статьях Николай Николаевич часто ссылался на него, лично встречался с Бэром, состоял с ним в переписке. Именно Карл Бэр – старожил Русского географического общества – первым отметил исследовательский потенциал молодого Миклухо-Маклая, который зачитывался работой Бэра «О папуасах и альфурах», где были собраны имевшиеся к тому време-

Николай Миклухо-Маклай с подаренным «папуасёнком» Ахматом

ни отрывочные сведения о расовых типах Новой Гвинеи. Карл фон Бэр был убежденным сторонником видового единства человечества и резко критиковал любое оправдание расизма в науке.

Помимо утверждения высоких гуманистических идеалов в «Папуасии», как называл Николай Николаевич Новую Гвинею, ему хотелось также проверить популярную в то время гипотезу о Лемурии. Предполагалось, что на океанских просторах между Мадагаскаром и Полинезией когда-то существовал материк Лемурия – прародина человечества, названная так в честь лемурув на Мадагаскаре. А Новая Гвинея представлялась остатком этого материка. Судя по статье, сам Миклухо-Маклай не особенно одобрял эту гипотезу, но был уверен, что папуасы – народ наиболее изолированный и наименее подверженный примеси других племен Меланезии. Поэтому они и должны стать «исходной группой» для изучения этнографии региона.

Остров Тидоре с вулканом Киематабу высотой 1730 метров. Султанат на Тидоре существовал с 1109 года

ГВОЗДИЧНЫЕ ОСТРОВА

Проснулся я от того, что жена начала мазать меня кремом от загара. «Экватор уже скоро, – говорит, – сгоришь». Я спал на открытом воздухе и не заметил, как начало припекать солнце.

После полудня мы прибыли на остров Тернате. Это небольшой круглый островок неправильной формы с вулканом в центре расположен неподалеку от большого острова Северное Малуку. Пирсы, корабли, шоссе вдоль берега, мечети,

По катерам и яхтам в бухте Тернате видно, что островитяне живут неплохо. Основа благосостояния – добыча полезных ископаемых

здание порта, толпа желающих прорваться на корабль – неожиданная активность на таком незначительном острове. Со времен Средневековья Тернате и соседний островок Тидоре были центрами выращивания такой пряности, как

гвоздика. На островах существовали два султаната. Миклухо-Маклай провел здесь около трех недель в январе-феврале 1872 года. Клипер «Изумруд», который вывез исследователя с Новой Гвинеи, застрял на Тернате из-за повальной малярии

Соронг – своего рода индонезийская Сибирь, с залежами нефти и газа

среди команды. Здесь же впервые начала распространяться слава об успехах русского ученого. Султан Тидоре пригласил Николая Николаевича пожить к себе во дворец в качестве почетного гостя. Он же подарил исследователю 12-летнего папуасского мальчика по имени Ахмат. Новый «хозяин» называл его в шутку «папуасёнком» и был очень рад, что ему достался способный юноша. «Пробыв около 4 месяцев на клипере «Изумруд», – писал Николай Николаевич, – он выучился говорить по-русски, и на этом языке мы объясняемся. Ахмат – сметливый, непослушный, но добрый мальчик, который делает усердно и старательно все, что ему нравится делать, но убежит и скрывается, как только работа ему не по вкусу»...

В поисках мест мы заглянули в каюты второго класса. И попали на концерт. Пассажиры распевали под гитару песни о мире и любви между людьми на Земле. Их автор – индонезийский пастор Эрастус. Среди певших также был один протестантский

Ночной штурм
нашего корабля
в Соронге

пастор. Вся компания следовала в Соронг – самую западную точку Папуа – Новой Гвинеи. На вопрос, чем они там занимаются, ребята ответили: «Живем»... Мы попытались выяснить, отчего такое столпотворение на судне. Ну, что делать, говорили служащие: мест экономкласса на судне 2 тысячи, а билетов продали 4 тысячи. В реальности пассажиров было гораздо больше – ехало много «зайцев». Не знаю, как они попали на судно при таком серьезном контроле. Раз в день на судне устраивали проверку билетов, для чего перекрывали все проходы между палубами. Самые опытные «зайцы» перелезали за борт и прятались под техническими снастями. Большинство просто давали контролеру 20 тысяч рупий (около 80 рублей). Впрочем, путешествовать в палатке на открытой палубе было приятнее, чем в душном третьем классе. Погода радовала. Изредка стужались тучи, закрывая верхушки гор на островах, и накрапывал дождик. Но налетавший ветер разгонял облака.

Молодая «семья» папуасов «встречает» прибывших в Маноквари

ПАПУАСЫ С ПТИЧЬЕЙ ГОЛОВЫ

Первая остановка в Новой Гвинее – город Соронг на огромном полуострове Птичья Голова. У причала нас встретила флотилия разнокалиберных лодок, непохожих на те, что были на Сулавеси: разной длины, но все

очень узкие, вытянутые, напоминающие долблёнку из ствола крупного дерева.

После Соронга на палубе стало свободнее. Мы переместили палатку под навес, куда не достает и косой дождь. Число пассажиров-папуасов выросло в несколько раз. «Папуасы» (с малайско-

Песню «Он в моей душе» пели все вместе

го буквально «курчавый») – это общее название сотен племен, языки которых сильно отличаются, но характерные черты лица и «курчавость» их всех объединяют. Женщины заплетали друг другу косички, нянчились с детьми. Один сметливый папуас подвесил самодельную люльку к потолку и убаюкивал младенца. Ведут себя папуасы не так, как индонезийцы. К нам они проявляли повышенное внимание. Старались поздороваться за руку, бесцеремонно заглядывали в па-

латку, потряхивали каркас, заинтересовавшись конструкцией. Разбитных и не совсем трезвых папуасов тоже хватало. Один пожал мне руку и замер на полминуты, уставившись мне в глаза. Затем многозначительно молвил: I'm from Papua! Папуас имел в виду, что он из страны Папуа – Новая Гвинея (ПНГ). С 1960-х годов остров разделен между Индонезией и ПНГ примерно пополам: западная половина отошла к Индонезии, восточная – это независимая ПНГ.

Во время остановок в портах пассажиры припадали к смартфонам – редкая возможность быть на связи в длительном плавании

В итоге соседство с папуасами на палубе нас несколько утомило. Как выяснилось, каюты первого класса стояли полупустые, и мы договорились переселиться туда за треть цены. Здесь был и душ, и горячая вода, и кондиционер. Правда, со своей спецификой. Мы никак не могли догадаться, как регулируется кондиционер, пока не позвали обслугу. Оказалось, нужно просунуть руку в продух кондиционера и там вытягивать железный штырь... Но даже и всезнающий техник корабля ничего не смог поделать с радио в каюте. На заходе солнца из него на полной мощности звучали призывы муэдзина к молитве. Как мы ни крутили все имеющиеся ручки, ни выключить радио, ни уменьшить громкость не получалось. В следующий раз радио завопило в 6.30 утра! Звучал гимн паровой компании «Пелни» и, как мы поняли, призыв «становиться на зарядку». Все остальные дни нам приходилось заваливать радио лишними подушками и одеялами, чтобы хоть как-то уменьшить его громкость.

Наш теплоход назывался «Синабунг», что значит «Безопасного пути!»

ПОТОМОК КАННИБАЛОВ

На третий день плавания мы встретились с представителем папуасской интеллигенции. Мистер Романус Мутон – учитель английского языка и директор средней школы в городе Мерауке, что на южном побережье Новой Гвинеи. Этот регион во времена Миклухо-Маклая «славился» повальным каннибализмом. Общаться с Романусом было на редкость легко: он прекрасно говорил на английском языке.

Выяснилось, что Романус – представитель племени мую. Родом из деревни, расположенной на севере от Мерауке – из папуасской глуши, где влият река Флай по границе между индонезийским Папуа и ПНГ. До прихода в 1930-х годах миссионеров в его племя было широко распространено людоедство, в основном практиковавшееся в ходе междоусобиц с соседями. Но и залетных чужаков съедали с удовольствием. Еще дед и бабушка Романуса ели людей. Они же рассказали ему историю появления первого миссионера в их деревне. В 1933 году католический священник Шубур добрался до тех глухих мест. Папуасы хоте-

Экзотический фрукт «сисак» очень сладкий, с некоторым хвойным привкусом

Мистер Романус стал самым образованным папуасом, что мы встретили за все время путешествия

Катер толкает
наш корабль
к причалу
Джаяпуры

ли его съесть, однако он их перехитрил: вымазался соком горьких трав. В ходе подготовки к дегазации (видимо, его лизнули) людоеды поняли, что он гадостный на вкус, и оставили в покое. Ну а пастор со временем обратил всех в христианство, искоренив и людоедство.

Романус рассказал, что сейчас в его школе становится все больше детей репатриантов из ПНГ. Хотя

их лишь условно можно назвать репатриантами – на деле это вернувшиеся повстанцы. Граница между странами в тех местах никак не охраняется, местные переходят ее спокойно. В 1980-х годах на индонезийском Папуа было развито повстанческое движение, многие уходили в ПНГ. А сейчас, так и не получив там гражданство, возвращаются обратно.

Мы не могли не спросить о малярии, особенно свирепствующей на южном побережье. Романус ответил, что местные никаких средств против нее не используют, а для профилактики главное, по его мнению, быть в хорошей физической форме. В качестве примера Романус привел военных, прибывших в Мерауке несколько лет назад. Их перебросили с Суматры, где они занимались подавлением повстанческого движения. «К нам их отправили как на заслуженный отдых, – рассказал Романус. – И что бы вы думали? Делать им у нас особенно нечего, сами спортом не занимались, стали быстро терять форму и массово болеть малярией. В тяжелых формах. Доходило до самоубийств от галлюцинаций».

ИЗ БАЛТИКИ В ОКЕАНИЮ

Во время долгого плавания Миклухо-Маклай предполагал заниматься научной деятельностью. В осенней Балтике этому препятствовала погода. «Последние дни потерпели мы сильный шторм, – писал Николай Николаевич матери, – утлегарь сломало, несколько парусов порвало в тряпки, руль тоже повредило. <...> Во

время плавания этого я страшно мерз, все белье мокро и холодно оказалось. Холод, пробирающая до костей сырость и мороз, которые мешают всяким разумным занятиям». Выход в Атлантический океан ознаменовался кораблекрушением. Темной ночью «Витязь» наткнулся на трехмачтовый немецкий корабль. Судно было захвачено французами и

Ребята еще на палубе надели медали, вытащили кубки и флаги – знали, что чемпионов будут встречать журналисты

в целях конспирации шло без бортовых огней. С большой пробоиной корабль быстро пошел ко дну. «Витязь» же отделался незначительными повреждениями. До утра русские моряки спасали тонувших, а затем отправились в обратный путь к Португалии, чтобы высадить незадачливых мореплавателей.

Со вторым выходом в Атлантику Николай Николаевич наконец взялся за дело. Он изучал под микроскопом морские организмы, которые сам вылавливал сетками и драгами. Исследовал мозг голубой акулы, угодившей в сети матросов; измерил температуру воды на глубине 1829 метров. Сразу же взялся писать статьи по результатам исследований. Во время стоянки в Рио-де-Жанейро Миклухо-Маклай бродил по рынкам, наблюдая представителей разных народов. Затем устроился работать в местную больницу, где возможности для исследований были куда шире. Самых «интересных» пациентов он водил к фотографу.

Корвет «Витязь» – военный корабль русского флота, совершивший два кругосветных путешествия

На островах Полинезии Миклухо-Маклай сделал последние приготовления к высадке на Папуа. Купил разных товаров и сувениров для обмена с папуасами и нанял двух слуг: шведского матроса Ольсена и мальчика с острова Ниуэ по прозвищу Бой.

Новая Гвинея – остров огромный, больше него только Гренландия. Изначально Николай Николаевич планировал высадиться на южном берегу Папуа, но маршрут «Витязя» был изменен, капитан отказался от захода в Австралию, и ученый решил сойти на северном берегу Новой Гвинеи.

Вдоль всего побережья тянутся горные цепи, покрытые джунглями, береговая линия изрезана заливами и мысами. Выбор пал на залив Астроябия, у которого располагалось несколько деревень. Папуасы вышли встречать «великую лодку». Принесли на берег подношения в виде кокосов, сами же убежали в лес, чтобы наблюдать за пришельцами на расстоянии.

Никак не ожидали встретить таких модных папуасов среди рабочих на дороге

Экстремальные тротуары «папуасского мегаполиса»

ПЕРВАЯ СТОЛИЦА

Вдоль северного берега шло и наше судно. Сейчас, конечно, такую встречу представить сложно. Однако судно встречали журналисты. Мы причалили в небольшом городке Маноквари и решили сойти на берег во время стоянки. В толпе по трапу с корабля спускались юные футболисты с золотыми медалями на шее. Капитан команды прижимал к груди большой

кубок. Оказалось, команда Маноквари возвращалась с общепапуасского турнира в Соронге, где стала победительницей. Маноквари также находится на полуострове Птичья Голова. Вообще весь остров Новая Гвинея по топографии представляется гигантской птицей. Если северо-западная оконечность – полуостров-голова, то юго-восточная – полуостров-хвост птицы. Очертания птицы-острова довольно своеобразные, видимо, напоминающие местную удивительную райскую птицу. Большой залив между «головой» и «туловищем» так и называется «Чендеравасих» – «Залив райской птицы».

В колониальные времена Маноквари был и местной административной «головой» голландцев – столицей Новой Гвинеи. Здесь же началась христианизация папуасов. Первые миссионеры высадились в Маноквари 5 февраля 1855 года. Продержались по меркам тех лет довольно долго. Самый стойкий – немецкий пастор Отто – прожил семь лет,

прежде чем умер от малярии. Прибытие первых миссионеров до сих пор здесь отмечается большим праздником. Во время Второй мировой войны Маноквари прославился героическим сопротивлением голландских военных, которые два с половиной года жили в джунглях и вели партизанскую войну против захвативших город японцев. У исторического причала нам не подалось никаких памят-

ников этим событиям – только монумент папуасам. Ваятель выполнил аборигенов в несколько «причесанном» под современные приличия виде: мужчину прикрыл тканью ниже пояса. «Семья» папуасов выглядела очень доброжелательно. Смущали только череповидные черепа у их ног... После Маноквари большинство пассажиров нашего теплохода составляли папуасы, заплывшие все палубы. Они

Узкие длинные лодки – характерные плавсредства на Птичьей Голове

сразу же устроили импровизированную торговлю. Товар у всех был один – слабонаркотический бетельный орех (здесь его называют «пенанг») с разными снадобьями. От жевания пенанга слюна становится кроваво-красной. Было понятно, что товар на судне пользуется спросом. Еще на всем корабле царил «аромат» дуриана. Специфический фрукт хоть и является национальным символом, но к провозу в любом общественном транспорте запрещен из-за отвратительного запаха. Хитрые папуасы отрицали, что везут дурианы, показывали на мешки с манго, которые называли источником запаха. Но сами папуасы ни дурианов, ни манго не употребляли. «Питались» они, кажется, в основном пенангом. Некоторые также покупали роти. В Индии, откуда пришло это название, роти – пресные лепешки. Здесь роти выглядят как обычные булочки хлеба, но по составу нечто сдобное, частенько с оранжевой или ярко-зеленой мякотью.

Не только роти – обычные блины на Новой Гвинее – красят в ярко-зеленый цвет

МАЛЯРИЯ, ДЕНГЕ И ГОЛОВА СВИНЬИ

Конечной точкой плавания был город Джаяпура – это уже «спина райской птицы». Причалили ближе к ночи, в темноте. Тихая гавань была заполнена большими кораблями, прибрежные горы светились огнями домов и автострад...

Джаяпура в XXI веке преобразилась разительно. От небольшого городка до крупнейшего поселения всего острова. По числу жителей город превзошел и столицу ПНГ Порт-Морсби. Последние десять лет Джаяпура – самый быстрорастущий город Индонезии, население здесь перевалило за 400 тысяч человек. Прирост шел в основном за счет приехавших с других островов Индонезии. Папуасы в Джаяпуре давно уже в меньшинстве.

Приход парохода в городе по-прежнему событие. На дорогах во все стороны от порта образовались пробки из машин и мотоциклов, так что пришлось выбираться пешком. Своеобразие города ощутили сразу. Если «лежачие полицейские» в виде толстых канатов представлялись забавными, то череда канализационных люков на тротуарах настораживала. Сплошь открытые люки, да еще в темноте...

В гостиницу ехали на «оджеке» – таксующем мотоциклисте, местном распространенном виде транспорта. «Оджеки» целыми компаниями стоят на обочине. Заказать «оджек» можно даже через мобильное приложение.

Город очень красив, горист, с просторными видами на гавань с островами; небольшие бухты, море зелени, райские пляжи с кокосовыми пальмами. Народ приветливый и улыбчивый, как в Битунге. А какие колоритные папуасы! От деревенских женщин с традиционными сумками на голове до растаманского вида городской молодежи.

Хотелось побыть в Джаяпуре, но мы решили не задерживаться, двинуться сразу в ПНГ, к тому месту, где Миклухо-Маклай

Торговать на рынок в Джаяпуре съезжаются папуасы из деревень

Свинья на крупной купюре неспроста. Как выяснилось позже, это символ благосостояния папуасов...

впервые высадился на острове. Предстояло ехать по глухим местам, нужно было запастись всем необходимым. Прежде всего лекарством от малярии. Вопреки утверждениям разных тревел-групп и фармацевтов никакого современного средства от малярии в Джаяпуре не найти, только хинин, которым пользовались и двести лет назад. Оставалось надеяться на репелленты и на то, что здесь не так много москитов в этом сезоне. Впрочем, местные нас не обнадежили. Спрашиваем: «Много у вас малярии?» «Много», – отвечают. «А лихорадка

денге есть?» «Да, да, и денге есть!» – подтверждают, причем с такой радостью, будто сообщают о наличии дефицитного товара в магазине.

Поехали менять деньги. Перспектива сделать это в ПНГ представлялась туманной. Кажется, единственный в Индонезии обменник, меняющий кина ПНГ, находится возле полиции района Селатан. На вид весьма занятные оказались эти кина. Если на купюре 50 кина ожидаемо изображена голова премьер-министра, то на 20 кина – голова... нет, не райской птицы, а свиньи! 🐷

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспоттрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине

тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)

E-mail: grishina@russkiymir.ru

Читайте журнал на сайте

<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru